

RUDOLF STEINER

Soziales Verständnis
aus geisteswissenschaftlicher
Erkenntnis

Fünfzehn Vorträge, gehalten in Dornach
zwischen dem 3. Oktober und 15. November 1919

GA 191

1989
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH/SCHWEIZ

Рудольф Штейнер

**Понимание социального
из духовно-научного познания**

*Пятнадцать лекций, прочитанных в Дорнахе
между 3 октября и 15 ноября 1919 года*

GA 191

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2021

1989
Издательство Рудольфа Штайнера
Дорнах / Швейцария

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 3 октября 1919 года

Трёхчленность социального организма и Антропософия. Германия, Швейцария и трёхчленность, беспомощность антропософов относительно социальных проблем. Будущие формы человеческих отношений: ассоциации, чувство соотношения астрономического и социального. Сознание страны (территории) греками, сознание Земли сегодня, сознание Мира в будущем.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 4 октября 1919 года

Интуиция, инспирация, имагинация в трёх периодах юношеского развития, воспоминание и пищеварение. Земные силы действуют в первом, воздушные силы - во втором, вливающиеся извне - в третьем периоде развития. После двадцать первого года эти силы действуют в крови. Начиная с 15-го столетия ослабление бессознательных сил крови. Необходимость новой педагогики, чтобы сознательно достичь того, что до этого осуществлялось через кровь. Духовная жизнь должна развивать познание человека и социальный дух.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Дорнах, 5 октября 1919 года

Человек как принадлежащий Земле и Вселенной. Социальные идеи предполагают то, я что человек ощущает себя гражданином мира. Для охвата понятия «товар» необходима имагинация, для понятия «работа» - инспирация, для понятия «капитал» - интуиция. Человек как трёхчленное существо (тело, душа, дух), в противоположность учению Константинопольского Собора 869 года. Действие мёртвых человеческих тел как необходимое обновление Земли. Материализм как путь к свободе. Современная теология.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, 10 октября 1919 года

Гибельные силы в нашей цивилизации: отсутствие космогонии; вместо свободы - фатализм, или природная необходимость; вместо альтруистических чувств - эгоизм. Предрасположенность различных народов к части истины: азиаты — к духу братства, европейцы — к свободе, народы Запада — к космогонии. Оторванные от реальности понятия. Консервативные и либеральные партии и их отношение к аграрному сектору и индустрии.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 11 октября 1919 года

Предрасположенности народов. Интеллектуализм европейцев препятствует развитию религиозных и экономических импульсов. Пропась между знанием и верой. Поверхностное мышление Луйо (Людвиг Иосиф) Brentano. Экономическое течение из Европы в Америку. В новейшее время в Центральной Европе замедление как религиозного течения с Востока, так и экономического течения на Запад. Новое оформление этих течений только посредством трёхчленности.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, 12 октября 1919 года

Поверхностность материалистической трактовки истории, восходящей к экономическому перераспределению слоёв населения времён Реформации. В египетско-халдейский период посвящённые, и в греческо-римский период священники, правили, исходя из духовно-спиритуальных импульсов. Со времен Реформации господство экономического человека. Изменения конфигурации человеческой души: реальная связь с духовными мирами до 8 века до н.э., сознание божественного происхождения человеческого интеллекта до 15 века. С тех пор вера в зависимость интеллекта от телесности. Спиритуализация интеллекта. Яков I Английский как преемник старых королей-жрецов, Кромвель, представитель современного экономического человека. Быстрое перевоплощение ведущих личностей Нового Времени. Распад физического Земли. Исцеление через независимую духовную жизнь.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 17 октября 1919 года

Чувственное познание и моральное познание. Познание природы не даёт ни моральных, ни социальных идей. Критика Канта «чистого» и «практического» разума как выражения разрыва между моральными идеалами и чувственным познанием. Оба были объединены в языческой культуре: «Утраченное слово». Первоначальная мудрость должна была быть потеряна, чтобы люди могли получить свободу. Мистерия Голгофы хранит древнюю мудрость и несёт моральный импульс дальше. С середины 15 века новая мудрость: познание природы без морали. Чтобы могли возникнуть социальные импульсы, это должно быть достигнуто с помощью сверхчувственного знания. Метод исследования и результат исследования в естественных науках и в духовной науке. Удобство как главное препятствие к сверхчувственному познанию.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 18 октября 1919 года

Оздоровление социальных условий возможно только, благодаря другого рода представлениям, по-сравнению с естественно-научными представлениями, результаты которых служат в основном технике. Отсутствие «чистого воззрения» исправляется наблюдением в естествознании, но не в социальных науках. Отсюда заблуждение, что социальная реальность состоит из экономических процессов и что формирующие силы — это абстрактные идеи. «Внутреннее» и «внешнее» в человеке. Благодаря своим чувствам, человек живет в настоящем, мыслительная жизнь - это отражение жизни до рождения, элемент воли - зародыш жизни после смерти.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 19 октября 1919 года

Человеческая судьба: реинкарнация и карма, Я-восприятие за счёт пробелов сознания по ночам. Но относительно воли человек спит и днём. То, что собственное Я можно воспринять только негативно, позволяет воспринимать Я других людей. Его мы воспринимаем посредством нашей воли; она в свою очередь на мгновение усыпляет нас. Эта вибрация туда-сюда является первичным элементом социальной жизни человека с человеком. Старые формы связи через кровь и народность должны быть преодолены. Со времени Реформации три этапа: господство экономического человека, банкира и капитала. Теперь должно выступить социальное понимание, которое создаст понимание кармы для следующей инкарнации, то есть, понимание судьбы отдельного человека.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 23 октября 1919 года

Жизнь нельзя понять без расширения сознания до областей до рождения и после рождения. Церковь не позволяла людям проникнуть в суть жизни до рождения, чтобы обрести власть. Все индивидуальное - это последствие жизни до рождения, социальное - зародыш жизни после смерти. Тот, кто отрицает предсуществование, отрицает индивидуальный талант. Полученное на этой основе воспитание ведет к уравниванию: из католицизма возникла и социал-демократия. Необходимость преодолеть языковые зависимости. От египетской живописи до сегодняшней стенографии. Дорнахское строение как мировая иероглифика.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ, 1 ноября 1919 года

Третий послеатлантический период и современность. Древняя языческая культура была культурой мудрости. В то время человек чувствовал себя членом космоса; он не нуждался в собственно моральных побуждениях. Посвященные считывали со звезд, что им нужно делать. Эта языческая мудрость была инспирирована инкарнированной в Азии в 3-м тысячелетии до нашей эры мудростью Люцифера. За ней, на рубеже времён, последовала инкарнация Христа. И ещё до истечения лишь части 3-го тысячелетия нашей эры последует инкарнация Аримана на Западе. Он готовит эту инкарнацию уже сейчас: посредством продвижения взгляда на космос как на машину, настроя, что для общественной жизни достаточно удовлетворить людей в экономическом отношении, продвижение национального принципа и партийных точек зрения, а также одностороннего взгляда на Евангелие. Сотрудничество Люцифера и Аримана.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ, 2 ноября 1919 года

Духовная жизнь должна быть отделена не только от правовой жизни, но и от экономической жизни. Ариман наслаждался слиянием интеллектуальной жизни с политической и экономической жизнью. У Аримана есть интерес к слиянию духовной жизни с государственной и экономической жизнью. Ромен Роллан. Человечество должно продвинуться от рассмотрения «слова» к рассмотрению духа. Пространство и время передают только внешнюю сторону вещей. Естествознание - ариманическое заблуждение. Внутри Люцифер обретает особую силу, когда человек углубляет то, что он получил от рождения, лишь мистическим образом. Человек должен установить равновесие между люциферической и ариманической силой: ариманическое должно быть пронизано люциферическим, люциферическое внутри - ариманическим элементом. Стремление кардинала Ньюмана к «новому откровению».

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ, 9 ноября 1919 года

Человек как существо разума и воли. Силы воли и силы природы. Аморальное привело к атлантической катастрофе. Воля обладает свойствами разложения; она связана с разрушающими силами нашей планеты. На этом основано действие чёрной магии. В полюсе интеллекта человеческого существа, как он действует во время сна, лежат для мира созидательные силы. Человечество ответственно за то, что проделывает Земля в космические времена. Благодаря сознанию мира, человеческая ответственность распространяется до ответственности за мир. Настоящее искусство является отблеском сверхчувственной истины. «Фауст» Гёте. Возникновение пейзажной живописи как симптом материалистических взглядов. Современная цивилизация всё, что является внешним образом, считает реальным. Человек не является реальностью без Земли, а Земля не является реальностью без человека.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ, 14 ноября 1919 года

Изначальная мудрость специфицировалась и угасла. Без нового импульса люди дифференцировались бы по всему миру по территориям: на Западе только экономика, на Востоке духовные истины; Центральная Европа заботилась бы об интеллектуальной сфере. Восток стал бы объектом экономической эксплуатации Запада. Три стороны земной культурной жизни: Восток - дом этического, Запад - принцип полезности; в середине возник эстетический тип (Кант, Шиллер, Гёте). «Художественный» - в «Философии свободы». Тирпиц, Бетман и Людендорф: Мышление дохристианского Рима. Типы «практичных» и «фантастических» людей в 19 веке. На основе фактов жизни (Мировая война) и истории (Бисмарк) люди должны учиться пересматривать свои суждения.

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ, 15 ноября 1919 года

Без люциферической изначальной мудрости люди остались бы детьми. Задачей древних индийских мудрецов было использование её на службе земной эволюции, не подпадая при этом под Люцифера. Речь и мысль были отделены от Люцифера. Люциферическое мышление обобщает, ариманическое мышление дифференцирует. Гёте меньше всего мыслил люциферически. С тех пор, как люди Земли стали более родственными, люциферический элемент стал им чужд, он приносит им меньше пользы. Вместо люциферической мудрости должна быть обретена новая мудрость, исходя из свободной человеческой воли, иначе человечество подпадёт под власть Аримана. Существо Христа стала для человека, своего рода, товарищем, выводящим его из битвы с Люцифером в битву с Ариманом.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 3 октября 1919 года

С самых разных сторон, также с самых разных сторон здесь, в Швейцарии, можно было в последнее время видеть, каким образом выстраивались отношения к тому, что годами культивировалось в наших кругах как антропософски ориентированная духовная наука, культивировалось так, что это привело к возведению здесь этого здания, Гетеанума, и, наконец, к тому, что нам необходимо принести в мир, в соединении с социальным движением и устремлением современности. Тот факт, что нам пришлось добавить это социальное устремление к нашим антропософским устремлениям, получил самые разные суждения, как отрицательные, так и положительные. Конечно, это не может иметь решающего значения для того способа, каким мы следуем по нашему пути; но всё же необходимо обратить внимание на различные факты, которые появились сегодня в этой связи.

Антропософы часто говорят, что это антропософское движение не должно было обременять себя тем, что лежит в движении трёхчленности социального организма. И некоторые из тех людей, которые проявили интерес к общественному движению, которое должно вести к трёхчленности, в свою очередь, находят тревожным, что идея трёхчленности взяла в качестве отправной точки именно антропософское знание, которое часто воспринимается как мистическое, темное, неясное. Антропософы часто осуждают приверженцев трёхчленности, а приверженцы трёхчленности - антропософов. А общество иногда не приветствует обе стороны.

Как я уже сказал, это не может сбить нас с толку; но всё же важно полностью осознавать подобные факты, и при этом помнить о тех внутренних связях между обоими, которые нам часто приходилось ставить перед своей душой в проводимых здесь рассматриваниях.

Но сегодня всё больше и больше выступает и нечто другое, и это другое является чем-то таким, что для нашей задачи, возможно, требует более тщательного рассмотрения; ведь, в конце концов, если кто-то с социально мыслящей стороны находит недостатки в общении с антропософией, мы ничего не можем с этим поделать, равно как и когда антропософы подчеркивают, что было бы лучше, если бы мы не обременяли себя социальным мышлением. Мы не можем против этого ничего особенного сделать, но мы должны без сомнений продолжать наш путь, поскольку мы признали его правильным. Но что, возможно, более важно принять во внимание, так это то, что всё больше и больше людей хотят быть услышанными, заявляя: для личного понимания идеи трёхчленности необходимо создать, как раз, антропософскую основу. Идея трёхчленности было бы более понятна, если бы была создана антропософская основа. И, например, особенно в пролетарских кругах, такая антропософская основа становится всё более и более востребована. Для некоторых это может стать неожиданностью, хотя на самом деле это не так уж и удивительно.

Если раньше, в том числе и нашими друзьями, с антропософскими устремлениями обходились так, - и это также обуславливалось классовыми различиями, - что в пролетарские круги от антропософии проникало мало, то теперь является неизбежностью то, что каждый человек, подступающий к идее трёхчленности социального организма, каким-то образом что-то слышит и об антропософии, знакомится с ней, по крайней мере, внешне. И это удивительно, что возникает, как раз, живая потребность в антропософии.

Например, в Штуттгарте, некоторое время занимаясь идеей трёхчленности, нам надо было делать это без какого-либо упоминания при этом об антропософии. Читать целые циклы лекций о чисто антропософских предметах. На это имелись серьезные причины, и эти чтения будут продолжаться.

Эта та вещь, которая, собственно, должна быть здесь учтена совершенно особенно, и, собственно, только эти мысли я хотел сегодня, в качестве введения, поставить перед вашей душой. Здесь, в Швейцарии, мы находимся по отношению к этим двум направлениям,

социальному течению и, всё же связанному с ним, - по крайней мере, для нас, - антропософскому течению, в очень особенном положении. Вопрос о порожденных антропософским мышлением социальных устремлениях для Центральной Европы стоит здесь, на самом деле, совсем иначе, нежели для Швейцарии. Для Центральной Европы дела обстоят так, что это вопрос жизни и смерти, жизни и смерти народности (Volkstum). Сегодня может быть много людей, которые не осознают серьезность ситуации; но это вопрос жизни и смерти народности. Люди думают о подобных вещах слишком поверхностно. Когда говорят «смерть народности», вы думаете: нельзя же за короткое время убить восемьдесят миллионов человек, поэтому о смерти народности речи идти не может.

Тот, кто так думает, вообще не понимает, о чем, собственно, идёт речь. Совершенно ясно, что невозможно убить физически восемьдесят или девяносто миллионов человек за короткое время. Но смерть народности означает нечто совершенно иное. Достаточно вспомнить, что когда был разрушен Иерусалим, речь шла не о смерти отдельных евреев, живших в Иерусалиме в то время. Тем не менее, в то время в определенном смысле речь шла о смерти народности, и эта смерть народности может проявиться также совершенно иначе, нежели тогда. Тут речь идёт действительно о жизни или смерти! И жизнь действительно может быть спасена - можно было бы думать о многом другом относительно трёхчленности — никак иначе, кроме как посредством инаугурации трёхчленности социального организма. Тут речь идёт прежде всего - и действительно прежде всего для самого ближайшего времени - о «либо-либо»: либо понимании трёхчленности, либо смерти народности. Сегодня это может показаться людям нескромным, и может быть, даже глупым. Но это так. Так что можно сказать: тут, исходя из определённой необходимости, есть много причин для того, чтобы постепенно подступать к трёхчленности. Это может занять больше или меньше времени, но в этом есть необходимость. Эта необходимость существует также ещё и для востока от Европы, этого неопределимо подавленного своей кармой Востока.

Иначе обстоят дела здесь. Здесь существует - ещё существовала — возможность приступить к чему-то, вроде такой трёхчленности, исходя из свободной воли; поскольку здесь речь идёт не столько о жизни и смерти, как на Западе, сколько о продолжении разворачивания событий в более или менее духовном, или бездуховном смысле. Разумеется, в Швейцарии и на Западе можно долгое время продолжать жизнь в материалистическом смысле и без духовного импульса; или можно, однако, исходя из свободной воли, прийти к тому, чтобы в одном из высшей степени спиритуальном движении, каким является движение трёхчленности, увидеть то, что должно дать новый импульс. Здесь нет необходимости думать о том, что речь идёт о жизни или смерти.

Но одно дело исполнить какое-то дело по свободной воле, и совсем другое, - исходя из необходимости, из несвободы. И можно также сказать: для всеобщего развития мира это означало бы нечто совсем другое, если, исходя из свободного познания, как раз, в таких государствах как Швейцария, всё же пришли бы к этому течению трёхчленности. Сегодня необычайно трудно, - даже для меня, - формулировать и высказывать такие вещи объективно. Я считаю, что было бы большим благословением, если бы кто-нибудь, принадлежащий к Западу или особенно к нейтральной стране, набрался бы смелости высказать это прямо; потому что извне это означало бы совсем другое. Особенно при этом, следовало бы принимать во внимание следующее: то, что исходило бы от немногих оставшихся нейтральными стран, было бы наиболее важным и исходя из внутреннего взгляда. Следовательно, если бы что-то вроде импульса трёхчленности социального организма могло исходить из страны, из области, которая была бы нейтральной по отношению к прежним воинственным условиям, то это действительно было бы чем-то очень значимым для всемирного исторического движения.

Увидеть это - тоже уже вопрос антропософский. Потому что только антропософски можно ответить на вопрос: что означает привнесение такого импульса в общее человеческое развитие? - И тут не так важно, что этот импульс будет просто сформулирован в абстрактной форме, а важно, из каких фактов он вытекает: вытекает ли он из факта свободного знания,

или из факта необходимости, как он может возникнуть, ведь, только в Центральной Европе, поскольку там не может возникнуть ничего, кроме того, что возникает из острейшей нужды.

Таким образом, я полагаю, что, как раз, здесь, в Швейцарии должно быть найдено то, что могло бы дать воодушевление для идеи трёхчленности социального организма. И тогда перед душой возникает вопрос: как преодолеть одну определенную дилемму? - Среди вас есть те, кто уже довольно давно принимает участие в нашем антропософском движении, кто также заметил, как медленно или как быстро, - в основном как медленно - то, что подразумевается под этим антропософским движением, проникает в души людей. Это происходит медленно. И если бы это зависело от того, что люди сначала становились бы антропософами, чтобы затем иметь возможность мыслить социально правильным образом, то, при определенных обстоятельствах, это могло бы быть слишком, слишком поздно. Поэтому необходимо было подумать о внедрении в мир идеи трёхчленности самой по себе, даже если она при этом покажется недостаточно обоснованной, потому что нельзя ждать, пока она возникнет из антропософски ориентированного мышления естественным образом. Однако необходимо, чтобы тогда эта идея трёхчленности получила бы определенную поддержку. Поскольку она не сможет достаточно быстро ощутить эту поддержку со стороны реального распространения антропософии, которое, ведь, происходит медленно, то она должна испытать эту поддержку самим бытием членов антропософского движения, то есть: члены антропософского движения, выступая также и социально, должны пытаться завоевать доверие уже этим своим выступлением.

В любом случае, это вопрос, на который нельзя ответить теоретически, но на который можно ответить только практически, в соответствии с жизнью, потому что это вопрос такого выступления. Мы должны попытаться представлять социальное таким образом, чтобы люди, в том *как* мы его представляем, могли видеть нечто пробуждающее уверенность, даже если обоснования с антропософской стороны не могут появиться достаточно быстро.

Теперь вы меня спросите: да, но как можно найти правильный такт в выступлении за социальное движение? - Также и об этом нельзя, конечно, дать никаких катехизисных указаний. Но кое-что можно сказать, что, если уделить этому достаточно внимания, очень помогает: каждый из нас должен прилагать всё больше и больше усилий для того, чтобы действительно, в соответствии с жизнью, узнать то, что называется социальным движением. И то, что этого не происходило, действительно можно было видеть, когда в наших кругах началось социально окрашенное движение. Как раз, среди самых расположенных и благожелательных сотрудников нашего антропософски ориентированного духовно-научного движения находилось немало таких, кто, собственно, полностью проспал тот факт, что во второй половине 19-го столетия, вплоть до наших дней, появилось и существует то, что называется современным социальным движением. Это не означает, что я имею в виду то, что все сотрудники не знали этого: социальное движение существует. Но одного знания об этом мало; не делается совершенно ничего и тем, что прослеживаются газетные сообщения о социальном движении. Речь идёт о том, чтобы действительно знать конкретные проявления и аспирации («устремления», прим. пер.) этого движения. Я знал людей из нашей среды, - причём, не так давно, - которые, когда началось движение трёхчленности, не знали, что существуют профсоюзы и вообще - что такое профсоюзы. Мы слишком привыкли к тому, чтобы проходить мимо людей и не заботиться о том, что, собственно, эти люди делают. Мы должны учиться проявлять заботу о человеческих душах, действительно проявлять интерес к душам людей. Этому есть серьезное препятствие, которое я хотел бы назвать, не желая никого обидеть, «бюргерское благополучие» для активного работающего населения. Это бюргерское благополучие для активного работающего населения, которая просачивается из социального порыва только так, что, по сути, является серьёзным препятствием для социальной эффективности в настоящее время. То, что я, собственно, под этим подразумеваю, мы пережили в самых разных областях. Только подумайте на мгновение, как мы пережили определенное знакомство с, так называемым, «народом». Мы пережили исторические романы, народные романы, народные повести, в которых люди, которые ничего

не понимали в народе - например, Бертольд Ауэрбах или ему подобные, - описывали то, каким был народ или есть, и то, что пришло к нам с этой стороны, затем было воспринято как занятость, занятость познания этого народа. Это воспринималось даже как относящееся к социальному вопросу, когда в постановке «Ткачей» Герхарта Гауптмана (Gerhart Hauptmann) нищета пролетарских масс изображалась сценой, когда бедной семье приходится кормиться дохлой собакой. Но это какое-то странное представление познания социальной жизни, когда люди в каком-то большом городе сидят в партере или на галерее, наблюдая, как бедной семье приходится кормиться дохлой собакой, а затем они идут домой, чтобы, так сказать, вкусить свой привычный суп. Я не хочу сказать, что в наши дни возможно преодолеть классовые различия в одночасье. Но дело в том, что нам действительно нужно понять, что происходит; что мы должны отказаться от привычки проходить мимо людей, не зная, в каких жизненных обстоятельствах находятся эти люди. Сегодня речь идёт действительно о том, чтобы каждый человек смог провести перед своими духовными глазами великую всемирно-историческую связь, связь, которая открывается только тогда, когда мы оглядываемся назад на более ранние времена, от которых осталось многое из того, что живёт в нашем настоящем, и когда мы смотрим на новое, которое в этом настоящем, как бы, из глубины пробивается на поверхность жизни.

Вопрос, который постоянно возникает, когда речь идёт о современной публичной жизни, - это вопрос организации. Обстоятельства нашей жизни стали сложными. Труд всё больше и больше испытывает разделение. Человек находится в узко определенной сфере деятельности и работы. Мы можем работать, мы можем действовать как современные люди только через организации. Организации существовали всегда. Но не учитывается то, что организации более старого характера были чем-то совершенно иным, нежели организации, которые должны возникнуть. Сегодня мы живем почти только в таких организациях, которые частично продолжают старое, но частично уже содержат в себе новое, испытывают постоянные внутренние потрясения. Однако, сознание ещё не пробилось к тому, что из глубин человеческого развития должно выйти на поверхность что-то действительно совершенно новое.

Если мы спросим о более старых организациях, то в качестве импульса таких организаций мы можем представить, собственно, одно: человеческую кровь, принадлежность по крови. Когда мы оглядываемся на прошедшие времена, мы видим объединения в племена, объединения в большие семьи. То, что обуславливает принадлежность друг к другу, организовано, собственно, из человеческих глубин через кровь. Это означает, что принцип организации во многом является подсознательным, что он не полностью не проникает в сознание. Люди организуются, но это не поднимается в сознание. В эту организацию вовлечены духи более высокие, чем люди.

Сегодня мы сталкиваемся с необходимостью осуществлять самим, из человеческого сознания то, что раньше осуществлялось бессознательно, то есть, в основном духами более высокими, чем человек. Мы хотим сознательно объединиться в ассоциации, в организациях, продвигающих социальную работу. То, что объединяло людей по крови, постепенно теряет своё значение.

Основы союза должны обеспечивать наблюдаемое, познанное, объективное. Подсознательное или бессознательное объединение должно уступить место сознательному объединению. Мы живем прямо посередине переплетения этих двух потоков: сознательной организации и бессознательной организации, и потрясения настоящего во многом связаны со слиянием этих двух потоков.

Возьмите только то, с чем мы сталкиваемся сегодня публично в виде самых различных нюансов устремлений социалистических партий. В этих социалистических партиях живёт, пусть сегодня ещё инстинктивно, определенное стремление к сознательной организации. Есть желание организовываться. Но, с другой стороны, мы ещё не доросли до того, чтобы найти объект для этой сознательной организации.

Чтобы прояснить себе это, *вы* можете просто, я бы сказал, взглянуть на первоначальный феномен сегодняшних социальных устремлений. Предположим, здесь появился бы кто-то, - мы хотим говорить совершенно непредвзято, - и сказал бы: мы должны стремиться к социальности! - Что он имел бы под этим в виду? Под этим он имел бы в виду: в Швейцарии необходимо стремиться к социальности. И если бы мы потребовали от него думать иначе, он, разумеется, воспринял бы это уже как перебор. Или представьте, кто-то выступил бы так во Франции: он, конечно, думал бы о том, что к социальности надо стремиться в пределах французских границ. Также, ведь, и теоретически было высказано, что социалистические программы должны использовать старые государственные границы как основу для крупных социалистических товариществ. Государство должно превратиться в большое социалистическое товарищество. Но государство — это, ведь, то, что осталось от старых, возникших из кровного родства союзов, старых кровных объединений. То есть, надо просто что-то нагромоздить на то, что вышло из старых кровных отношений.

Сегодня от людей требуют слишком много, полагая, что они должны ясно думать об этих вещах. А люди не смогут думать об этих вещах ясно, если они не станут антропософами. Каким бы странным не казалось то, что я сейчас высказываю, но это так: люди будут совершенно не в состоянии думать об этом ясно. Ведь, к чему сейчас призывают в мире? Призывают: освобождение народов, то есть, старые кровные объединения, берущие своё начало в древности, должны каким-то образом организоваться заново. Освобождение народов! - Прокатываясь по миру, этот призыв полностью игнорирует то, что эта организация должна осуществляться сознательно. Так жёстко сталкиваются в наше время вещи. Поэтому только действительно антропософское, общечеловеческое понимание может вести к тому, что должно быть.

Но с этим не торопятся. Поскольку антропософское понимание, а именно раннее, так называемое, теософское понимание, всегда останавливалось перед этим вопросом. Хотя и говорили: братское понимание людей независимо от расы, цвета кожи и так далее. - Но стало ли это где-то реальностью в наше время? Это стало теорией, абстрактной теорией; в наше время - это не стало реальностью. И меньше всего это является реальностью сейчас.

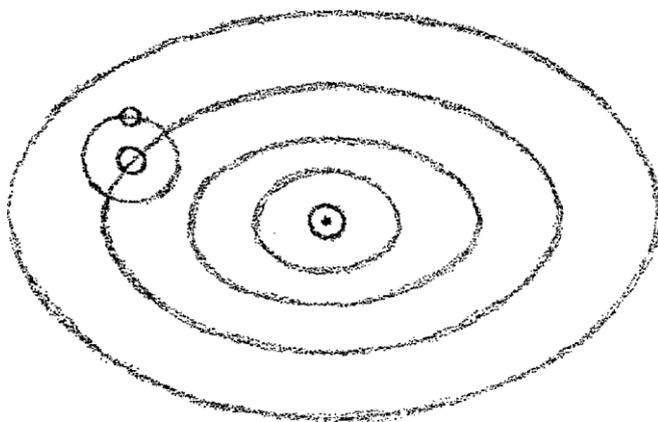
Из-за этого, как раз, это антропософско-теософское стремление приняло участие в общей любви к абстрактному, о которой здесь так часто говорилось, в той общей любви к абстрактному, которая живет в мыслительном, чувственном бытии, оторванном от жизни. Мы живем как современные люди, как люди настоящего, той жизнью, которой нам не позволительно жить, двойной жизнью: с одной стороны, жизнью во внешней работе, где у нас есть профессия, где у нас еще есть некоторые другие вещи, кроме профессии, и жизнь, где мы размышляем, где мы чувствуем. Есть повседневная жизнь, есть воскресная жизнь. Мы не хотим слышать, когда говорится о духе, о чем-то, что вмешивается в жизнь понедельника, вторника, среды, четверга, пятницы и субботы; когда говорят о духе, мы хотим чувствовать себя комфортно, когда о нём говорят утром или вечером в воскресенье с церковной кафедры, когда при этом не нужно думать о том, что произойдет в понедельник, вторник, среду, четверг, когда мы чувствуем некую благодать, слушая слова: братство, любовь к ближнему и так далее. Это распространяется и на жизнь науки. И там особым образом обнаруживается то, как это действует; это историческое действие следует иметь в виду.

Видите ли, наши светские науки фактически больше не позволяют себе ничего знать о духе и даже о душе. Это считается совершенно естественным, что светские науки не позволяют себе ничего знать о духе и душе. Ученые сегодня заявляют, что наука должна быть свободна от веры, и думают таким образом, что служит непредвзятой науке. Они думают, что если кто-то говорит о душе и духе, то он уже относится к предмету предвзято, поскольку об этом может высказываться только субъективная вера, - так думают люди. Но откуда это происходит самом деле? На самом деле это происходит от того, что в нашу эпоху область душевного и духовного монополизировано религиями. Религии образовали монополию для душевного и духовного. И сегодня считается совершенно естественным, если с этой стороны выносятся суждения о чём-то, вроде антропософии, когда люди говорят: этого делать нельзя;

наука должна быть свободна от этих вещей, наука не должна вмешиваться в вопросы душевного и духовного, поскольку отношения с душевным и духовным должны быть монополией религиозных конфессий, веры. - Поэтому смешно, - извините меня, что я использую это слово в отношении весьма серьёзного предмета, но поскольку в этом содержится трагикомическое, то можно использовать серьёзно-юмористическое, а трагикомическое иногда значит для мирового развития больше, нежели просто трагическое или комическое, - это смешно, когда сегодня с церковной кафедры звучат слова о том, что наука должна быть объективна, не должна вмешиваться в предметы души и духа, поскольку это, якобы, повлияет на точность науки. Нечто подобное смешно слышать потому, что такие высказывания вызываются тем, что людям, не представляющим веру, долгое время было запрещено говорить о духе и душе. И те, кто сегодня как ученые верят, что они должны сохранять науку чистой ради её точности, они действительно хотят сохранить её чистотой, потому что догматика запретила им думать о душе и духе. Это осадок, остаток старых церковных запретов, которые в виде точных научных требований провозглашается нам сегодня с церковной кафедры. Люди просто не знают, как исторически сложилось то, что они сегодня провозглашают как само собой разумеющееся, а иногда, на их взгляд, как высокую истину. И по отношению к таким вещам душа не должна оставаться спящей, напротив, люди должны просыпаться по отношению к таким вещам. Без такого пробуждения мы не продвинемся ни на шаг дальше. Мы можем говорить ещё о социальном вопросе много всего хорошего, но мы не продвинемся дальше, если будем предаваться некоторой иллюзии относительно величайшей, действительно существующей лжи, - научной лжи настоящего. Мы ещё даже совсем не чувствуем её, эту научную ложь, но мы должны научиться её чувствовать.

То, что я только что сказал, имеется в виду не эмоционально, это имеется в виду совершенно теоретически, и может быть правильно понято только в том случае, если это принимается в таком теоретическом смысле. Видите ли, я только чувствую себя призванным произнести слово «научная ложь», поскольку так же как я произношу это слово и безоговорочно критикую современную науку с этой точки зрения, точно так же я её, в свою очередь, и защищаю; поскольку она выросла с тем, что ей удалось достичь, благодаря тому, что какое-то время, посредством науки, люди исследовали только физически-телесное и не особо обращались к душевно-духовному. Но это позволительно рассматривать только как некий утилитарный и как педагогический принцип человеческого развития, а не как нечто теоретически-познавательное.

Так что и сегодня следует признать необходимость, как раз, профанную (мирскую) науку снова пронизать реальным знанием душевного и духовного. Поскольку только из этого изойдёт сила достаточно глубоко затронуть социальные проблемы. В наше время человек уже поставлен перед необходимостью узнавать иначе, чем это признают сегодня в наших школах. Сегодня, я бы сказал, подлежат познанию вещи, которые не нуждались в познании в продолжении долгого времени. Долгое время было вполне достаточно мировоззрения Коперника. Людям было полезно представлять себе всё так красиво: здесь Солнце, - Земля движется по эллипсу вокруг него, Луна в свою очередь движется вокруг Земли, Меркурий и Венера - между Солнцем и Землёй, дальше - Марс и так далее. - Приятно было представлять человечеству всю эту картину движения планет вокруг Солнца по эллипсам. Этой картины было достаточно вплоть до настоящего времени.

Но как исторически сложилась эта картина? Я уже упоминал об этом несколько раз. Исторически эта картина возникла из-за того, что великий Коперник однажды написал свою книгу об обращении космических тел. Уже в самом начале, там стоят три предложения. Если учитывать все три, то всё хорошо. Но были учтены не все три из них, а только первые два. Третий остался неучтённым. Если рассматривать только эти первые два предложения Коперника, то из них выходит система Коперника, продолженная в кеплеровском, в ньютоновском смысле. Только эта система неверная. Если, по расчетам этой системы, какая-то планета должна быть в определенной точке, и вы наводите на неё телескоп, - то её там нет! Но согласно этой системе она должна быть там. Поэтому уже с издавна была введена, так называемая, «функция Бесселя»; вносится поправка к положению этой планеты. Перед настройкой телескопа его направляют не к той точке, на которую он должен быть направлен согласно этой системе, а к точке, для которой были применены поправки Бесселя. Что, собственно, означают эти поправки Бесселя? Они означают, что нужно всегда заново применять то, что можно было бы применить сразу, если бы соблюдали все три закона Коперника, то есть, если бы не оставляли без учёта третий. Но если вы примете во внимание этот третий закон Коперника, то история с красивыми оборотами планет вокруг Солнца опять же будет неверна. Тогда нужно думать о другой мировой системе. Но люди не будут думать и об этой другой мировой системе, пока они не будут должным образом подготовлены к такому переосмыслению с помощью антропософски ориентированной духовной науки. Ведь, как люди смотрят на мир сегодня? - Люди сегодня смотрят на них так, как будто они сидят в поезде, никогда не смотрят в окно и никогда из него не выходят, а всегда сидят внутри и живут только с пассажирами поезда. Но человек мог бы также путешествовать по миру на железнодорожном поезде так, что он проехал бы определенное расстояние, затем вышел бы из поезда, пережил бы то, что есть в городе; ведь, не важно, что это может быть другой поезд, в который он затем снова сядет. Он продолжает своё путешествие, что-то переживает в другом городе. Это этапы переживания. И эти переживания вы несёте затем с собой.

Сегодняшняя астрономическая наука переживает движение Земли во вселенной так, будто она сидит в поезде и не переживает со своими попутчиками ничего другого, кроме переживаний внутри вагона, никогда не выходя из него. Но вы скажете: как же можно сойти с Земли? Разве это возможно? - Это возможно, только сойти с Земли - это совсем другое дело, нежели сойти с поезда. Сойти с поезда значит: пройти через двери вагона и затем куда-то пойти. Сойти с Земли значит: проникнуть внутрь, в душу. Если вы действительно проникаете в душу, вы достигаете того, что есть внутри души, тогда вы сошли с Земли; тогда вы проделали относительно Земли ту же процедуру, что вы проделываете, когда вы сходите с поезда и снова в него поднимаетесь.

Но теперь особенность в том, что когда вы сходите, то есть, когда вы действительно углубляетесь внутрь, конкретно углубляетесь, не через иллюзии, а конкретно углубляетесь, то с каждым схождением вы переживаете нечто другое, действительно переживаете нечто другое. Декламация мистицизма, который проникает вглубь человека, который переживает в душе бога, - это просто декламация. Действительное переживание чего-то внутри оказывается в разные эпохи разным, это всегда обновленное переживание. Если кто-то действительно пережил нечто внутренне в 1870 году и затем снова внутренне пережил это в 1919 году, тогда эти две вещи переживаются внутренне по-разному. Почему они разные? Потому что человек переживает пространство, всегда осуществляет переживание в другом месте.

Древние нашли свою небесную систему, благодаря такому внутреннему переживанию, а не чисто внешнему опыту. В результате переживания, подобного переживанию в поезде, возникла система Коперника. Систему будущего снова придётся пережить изнутри, измеряя путешествие через мир своим внутренним переживанием. Тогда появится нечто другое. Прежде всего, появится то, что мы научимся переживать мир конкретно, а не абстрактно, как мы делаем это сегодня.

На днях в Берлине со мной случилось нечто особенное, что в общем меня вполне устроило. Некоторое время назад в немецком журнале «Die Hilfe» («Помощь») появилась уничижительная статья «Falscher Prophet» («Ложный пророк»). Ну, такие статьи читают и забывают. Но когда я несколько недель назад был в Берлине, ко мне пришел американец и сказал, что своему визиту ко мне он обязан тому, что прочитал эту статью в "Hilfe", в которой содержалась такая ужасная ругань и прочее в том же роде, что это возбудило его интерес. Я просто хочу сказать это как введение. Что меня действительно удовлетворило, так это вопрос, который задал этот человек, и который был в высшей степени предметным. Он сказал, что очень быстро понял, о чём идёт речь в трёхчленности социального организма, но теперь он хотел бы спросить: считаете ли вы, что эта трёхчленность социального организма является вечной истиной, которая, будучи однажды обнаруженной, создает социальные условия на все времена, или это истина на какое-то время, которая только заменяет старые вещи; является ли эта истина тем, что в свою очередь будет заменена какой-то другой истиной? - Я был приятно удивлен, что в настоящее время всё ещё есть те умные люди, которые не верят в хилиазм, в тысячелетнее царство, где будет найдено и останется нечто абсолютное, просто одно истинное для всей Земли и на все времена. Если кто-то думает сегодня социалистически, он думает: завтра социальное государство должно быть реализовано; и когда оно будет реализовано, то ему больше нет нужды меняться.

Я сформулировал тогда свой ответ таким образом, что сказал: «Конечно, последние столетия стремились к единому государству; теперь мы настолько продвинулись в конкретном существовании, что мы должны сделать его трёхчленным. Через некоторое время снова станет по-другому, придёт синтез; тогда снова должно произойти обратное. - Видите ли, это не так удобно всегда стоять перед необходимостью следовать конкретным условиям, это не так удобно, как выдумать абсолютную систему. Но сегодня необходимо, следовать конкретным условиям, чтобы человек осознавал: то, что мы должны создать, мы должны создать для нынешней мировой ситуации. Но это сегодня можно понять и «астрономически», увидев, во-первых, что мистические переживания различаются в зависимости от того, были ли они получены в этом десятилетии или в том десятилетии, в этом веке или в том веке, и что можно проследить движения самой Земли во внутреннем мистическом переживании. Но сегодня «великое астрономическое» нужно рассматривать и прочувствовать вместе с социальным. Мы должны получить возможность продвигаться таким образом, чтобы сегодня пересечь этап, который только в качестве параллелей можно сопоставлять с этапами прежних времен, которые также были не только переходами, но и толчками развития.

Возьмите древнего грека. У него была своя территория. Вплоть до Геркулесовых Столбов Земля была для него чем-то конкретным. Затем пришло нечто неопределенное, очень неопределенное. У него было территориальное сознание (Landbewußtsein). Затем пришло новое время, открытие Америки, плавание в область Ост-Индии и другие вещи. Появилось сознание Земли. Из территориального сознания греков вышло Земное сознание нового времени. Как для греков было неопределенным то, что находилось за пределами Геркулесовых Столбов, так сегодня для человека является неопределённым то, что находится за пределами земного сознания, всего лишь математической фантазией, фантазией Галилея, фантазией Ньютона, и так далее. Эта фантазия должна быть заменена реальными фактами. Мы должны преобразовать Земное сознание (Erdenbewußtsein) в Мировое сознание (Weltenbewußtsein), точно так же, как территориальное сознание (Landbewußtsein) греков было преобразовано в Земное сознание. Мы находимся сегодня в этой точке, и мы не добьемся прогресса в социальном плане, если не найдем путь для того, чтобы точно так же,

как территориальное сознание греков было преобразовано в Земное сознание современности, из Земного сознания современности развить Мировое сознание будущего.

Если, посредством учения антропософски ориентированной духовной науки, мы не сформируем глобальную астрономическую картину мира того, что является мировым пространством снаружи, мы не постигнем истину мирового пространства. Но если мы не осознаем космическую правду, мы не сможем стать гражданами мира. Не поняв истину мирового пространства, мы не сможем стать гражданами мира. И мы сможем стать социальными гражданами не раньше, чем мы в нашем сознании не станем гражданами мира.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 4 октября 1919 года

В этой середине из трех лекций я хотел бы особым образом развить некоторые антропософские истины. Мы увидим затем, как именно эти антропософские истины решительно вмешиваются в повседневную жизнь человека; об этом мы поговорим завтра. Сегодня я хотел бы обратить ваше внимание, как раз, на нечто более глубокое в природе человека.

Очень часто не задаются вопросом, какими силами человеческой природы достигается познание сверхчувственных миров. На него пытаются ответить, просто говоря о нём: есть возможность распознать сверхчувственное через определенные силы человеческой природы. Но в каких отношениях, в каких особых отношениях стоят эти силы с человеческой природой, - об этом спрашивают не всегда. Поэтому так мало внимания уделяется тому, чтобы познание сверхчувственных миров действительно сделать плодотворным для обычной жизни. Можно сказать: как раз, для нашего времени сверхчувственные знания будут становиться всё более и более необходимыми людям. Но тогда они также должны быть поняты в их отношении к обычной повседневной жизни.

Вы знаете, что первая способность, которая ведет человека к сверхчувственному существу, - это сила имажинации, вторая способность - сила инспирации, а третья способность - сила интуиции. Теперь возникает вопрос: являются ли эти способности тем, что нужно просто иметь в виду, говоря о познании сверхчувственных миров, или это способности, которые также играют некоторую роль в прочей человеческой жизни? - Верно, как раз, последнее. Мы, ведь, прослеживаем человеческую жизнь, как вы можете это видеть из небольшого текста «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки», через три эпохи: через эпохи от рождения до смены зубов, от смены зубов до полового созревания, и от полового созревания до приблизительно двадцать первого года жизни.

Кто смотрит на человеческую природу не поверхностно, обнаружит, что вид развития человека совершенно различен в первые семь лет, во вторые семь лет и в третьи семь лет детско-юношеской жизни. С тем, что затем вырастают постоянные зубы - я тоже об этом говорил несколько раз - связано развёртывание не просто сил, которые, скажем, находятся в челюстях или соседних с ними органах; силы, которые побуждают к росту зубы, сидят во всём физическом человеке. Что-то происходит с этим физическим человеком в период между рождением и седьмым годом, который подходит к концу, в определенной степени находит своё завершение, когда из человеческой природы выходят наружу постоянные зубы.

Эти силы, которые тут работают над человеческим физическим существом, они - я бы сказал, само собой разумеется, - обладают сверхчувственной природой. Чувственное - это просто материал, в котором они работают. Эти сверхчувственные силы, которые в первые семь лет жизни действуют во всей организации человека, в определенной степени отключаются, когда достигается их цель, когда появляются постоянные зубы. Эти силы, как бы, засыпают после седьмого года. Они скрыты в человеческой природе; они спят в человеческой природе. И их можно извлечь из этой человеческой природы, если выполнять

такие упражнения, так, как я давал вам в «Как достичь познания высших миров?» которые ведут затем вплоть до интуиции. Поскольку силы, которые применяются в интуиции, в интуитивном познании, - это те же силы, с которыми человек растет до седьмого года, так, что этот рост находит свое выражение в смене зубов. Эти спящие силы, которые действуют в человеческой природе до седьмого года жизни, используются в сверхчувственном познании, чтобы прийти к интуиции.

В свою очередь, силы, которые активны с седьмого по четырнадцатый год, до половой зрелости, и которые затем засыпают, покоятся в глубинах человеческой природы, - они извлекаются и формируют силу инспирации. И те силы, которые в ранние времена, с четырнадцатого по двадцать первый год, давали юношеские идеалы, - было бы слишком чрезмерно полагать, что они продолжают это делать и сейчас, - и которые для этих юношеских идеалов создали органы в физическом теле, - это те же самые силы, которые затем извлекаются из своего спящего состояния и дают возможность вызывать имажинации.

Из этого вы видите, что силы имажинации, силы инспирации и силы интуиции не являются какими-то, непонятно откуда взявшимися силами, а что это те же самые силы, с которыми мы растём от нашего рождения до двадцать первого года. Поэтому те силы, которые живут в имажинации, инспирации и интуиции, являются очень здоровыми силами. Это те силы, которые необходимы человеку для здорового роста и которые затем засыпают в человеческой природе, когда соответствующие фазы роста завершаются.

Этим я указал вам на то, что из сверхчувственных сил познания связано с обычной человеческой природой. Но то же самое можно сказать и о силах нормальной человеческой природы, той человеческой природы, которая присутствует в обычной жизни. Просто там это выражено не так явно. Одна очень важная сила для обычной жизни, - мы это много раз обсуждали, - это сила памяти, способность вспоминать. Этой способностью вспоминать мы душевно овладеваем тогда, когда мы, как было сказано, как раз, вспоминаем что-то, что мы пережили. Но все вы знаете: с этой силой памяти не всё так просто. Мы владеем ей, но владеем ещё не полностью. Иногда человек борется в тот или иной момент своей жизни с желанием что-то вспомнить, но не может. Эти желание-вспомнить и неспособность-полностью-вспомнить проистекают из того факта, что сила, которую мы душевно используем как силу воспоминания, это та же сила, которая служит для преобразования питательных веществ, которые мы принимаем, в те субстанции, которые могут использоваться нашим телом. То есть, если вы съедите кусок хлеба, и этот хлеб преобразуется в вашем теле в такие субстанции, которые служат вашей жизни, то это, очевидно, физический процесс. Но этим физическим процессом управляют сверхчувственные силы. Эти сверхчувственные силы являются теми же самыми силами, которые вы применяете, когда вспоминаете.

Таким образом, одна и та же сила используется, с одной стороны, для воспоминания, а с другой стороны, для обработки питательных веществ в человеческой жизни. И когда вы хотите отдаться силе воспоминания, вам, собственно, всегда нужно немного раскачиваться между вашей душой и вашим телом. Если ваше тело слишком хорошо переваривает пищу, тогда вы, возможно, не сможете отвоевать от этого тела столько силы, чтобы иметь возможность хорошо вспомнить определенные вещи. Вы всегда должны вести внутреннюю борьбу, которая происходит в бессознательном между душевным и телесным, если вы хотите что-то вспомнить. Если вы посмотрите на силу памяти таким образом, то это будет лучшим способом понять, насколько бессмысленно, с более высокой точки зрения, для одних людей быть идеалистами, а для других - материалистами. Переработка питательных веществ в организме человека, несомненно, материальный процесс. Силы, которые управляют им, те же, что и те, которые действуют в идеальном процессе: силы способности вспоминать, силы памяти. Вы можете правильно видеть мир только тогда, когда видите его ни материалистически, ни идеалистически, но когда вы способны идеально видеть то, что проявляется как материалистическое, а то, что проявляется как идеальное, быть в состоянии полностью проследить материально. Духовное какого-либо мировоззрения основано не на том, что говорят: есть низший материализм, он предназначен для «проказы» человечества;

есть идеализм, он предназначен для избранных, - к которому обычно относит себя сам говорящий, - а сущностное истинно духовного мировоззрения состоит в том, что это духовное мировоззрение способно, с тем, что оно уловило в духовном, погрузиться в материальное бытие, чтобы затем понять, как раз, материальное бытие так, чтобы его понимали, а не презирали. Большая ошибка многих приверженцев религий состоит в том, что они презирают материальное существование вместо того, чтобы понимать его, вместо того, чтобы искать в нем дух.

Таким образом, речь идёт о том, чтобы входить в вещи, а не жить фразами в мистических областях, как это всё ещё часто принято сегодня; действительно входить в вещи, вот о чём идёт речь. Теперь, когда я некоторым образом показал вам, как можно обращаться с этими вещами, я хотел бы добавить кое-что особенно важное. Обычно, когда говорят о материальном бытии и о сверхчувственном бытии, подразумевают, что в мире распространено материальное бытие, а где-то позади или над ним — сверхчувственное бытие, которое не воспринимается чувствами. Если представлять это просто так, будто, с одной стороны, есть чувственно-физическое бытие, а, с другой стороны, сверхчувственное бытие, понять человека невозможно. Невозможно по-настоящему понять человека, если исходить только от противоположностей: чувственного и сверхчувственного. Скорее, речь идёт о следующем. Вокруг нас простирается чувственный мир и мир, в котором мы работаем, в котором также протекает наша социальная жизнь; он простирается вокруг нас. Давайте схематично изобразим этот простирающийся мир этой линией (см. горизонтальную линию на рисунке 1. Полную картину того, что, собственно, имеется в мире, мы получим, только представив себе следующее: над этой линией располагаются силы, сверхчувственные силы (красные стрелки). Эти сверхчувственные силы не воспринимаются обычными чувствами, а также не охватываются пониманием, связанным с этими обычными чувствами. Воспринимается только то, что находится в области этой линии.

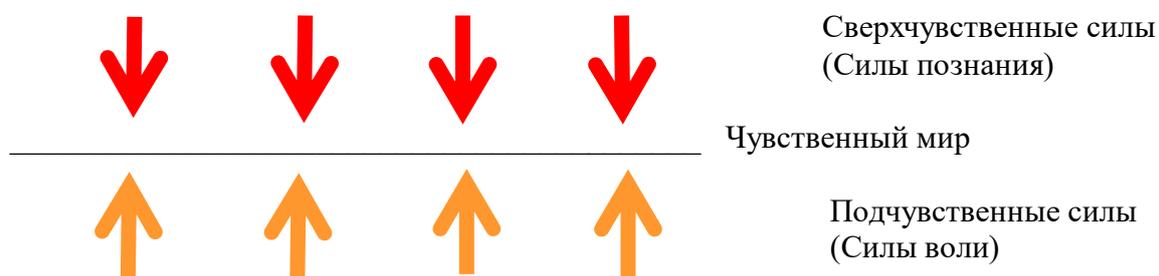

Рис. 1

Но *под* этой линией тоже есть силы. Мы в полной мере говорим о нечувственном, о духовном, собственно, только тогда, когда говорим о сверхчувственных и подчувственных силах. То есть, мы должны себе представить, что здесь присутствуют и подчувственные силы (оранжевые стрелки).

Таким образом, у нас есть чувственный мир, сверхчувственные силы и подчувственные силы. Сам человек, когда он физически стоит перед вами, куда он относится? То, что стоит перед вами физически, полностью принадлежит этой линии. Но в то, что у человека входит в эту линию, действуют, с одной стороны, сверхчувственные силы и, с другой стороны, подчувственные силы. Человек - это результат между сверхчувственными и подчувственными силами. Какие же силы человеческой природы сверхчувственные, а какие подчувственные? Сверхчувственными являются все силы, связанные со знанием; всё, что мы используем для знания, сверхчувственно. И это те же силы, которые формируют нашу голову (Kopf), формируют нашу голову (Haupt). Таким образом, мы можем сказать: сверхчувственные силы - это силы познания.

Но внутрь человека воздействуют также и подчувственные силы. Что же это за силы? Это силы воли. Любые силы воли, всё волеподобное в человеческой природе подчувственно.

Теперь, очевидно, у вас возникнет вопрос: да, откуда же берутся эти подчувственные силы, эти силы воли? - Это те же силы, что и силы планеты, то есть, здесь для нас, - это силы Земли. Действительно, внутрь людей постоянно воздействуют силы Земли. И всё, что связано с этими силами планеты, с этими силами Земли, это силы волеподобной природы. Силы познавательно подобной природы приходят к нам с периферии мира, они изливаются на нас, как бы, извне, из области, лежащей за пределами планеты. Силы волеподобной природы проникают в нас с планеты. Так в нас живут силы нашей собственной планеты, силы Земли. В момент нашего рождения в нас действительны силы планеты Земля.

Возникает вопрос: как распределяется в нас их действие? Тут опять-таки имеется существенная разница между первым отрезком жизни, первой жизненной эпохой, второй и третьей, [то есть] до седьмого года жизни, до четырнадцатого года, до двадцать первого года. То из волеподобного, что действует в нас до семилетнего возраста, действует полностью изнутри планеты. С точки зрения духовной науки очень интересно проследить, как во всём, что действительно в ребёнке до семи лет, действуют силы самого внутреннего Земли. Если вы хотите познать силы земных недр в их проявлении, вам надо изучить всё то, что происходит с ребёнком до седьмого года, потому что это силы земных недр. Это совершенно ошибочный метод вкапываться в Землю, чтобы найти силы её нутра. Там вы найдете только земные субстанции. Силы, действующие в Земле, проявляются в том, что они совершают в человеке до его седьмого года жизни. А с седьмого до четырнадцатого года жизни в человеке, в свою очередь, действуют силы воздушного окружения [Земли], то есть, того, что ещё принадлежит Земле, силы атмосферы. Но они действительны преимущественно во всем том, что формируется в человеке между седьмым и четырнадцатым годом жизни. Затем следует важнейший этап от четырнадцати лет до двадцати одного года. Тут, я бы сказал, подчувственное переходит в сверхчувственное. Тут образуется своего рода равновесие между под- и сверхчувственным. Тут, организуя человека, действуют силы всей Солнечной Системы, принадлежащей к Земле Солнечной Системы.

Итак, внутреннее Земли в первую эпоху жизни; воздушное окружение во второй эпохе жизни, то, чем окутана сама Земля. Те силы, которые истекают из космического пространства, в той степени, в какой это космическое пространство заполнено нашей собственной планетной системой: до двадцать первого года. Лишь к двадцать первому году человек некоторым образом отрывается от влияний того, что действует в нём извне, со стороны планет и со стороны принадлежащей к ним планетной системы.

Видите ли, во всём, что, как я сейчас вам сказал, действует на человека, во всём этом действует также телесность. Это телесные процессы, которые действуют тут, посредством сил изнутри планеты, до седьмого года жизни. Это телесные процессы, которые образуются тут движением воздушного окружения в связи с дыханием между седьмым и четырнадцатым годом, и так далее. Это вполне телесные процессы, это преобразования телесных органов, которые тут действуют; всё связано с тем, чтобы стать большим, с ростом человека. То есть, человек вырастает из того, что формируется в нём Землёй; это прекращается с наступлением двадцати одного года.

Но что тогда? Что происходит после двадцать первого года жизни? До двадцать первого года мы вышеописанным образом питались от Земли и её планетной системы. Мы питались тем, что внедряла в нас Земля, организуя нас. Теперь, когда мы достигли двадцати одного года, мы должны питаться самими собой. Теперь те силы планеты и планетной системы, которые мы принесли в наш организм, мы должны постепенно черпать из себя.

О том, чтобы так происходило всегда, раньше заботились силы человеческой крови. Как вы знаете, человек не учился извлекать из себя силы планеты после достижения двадцати одного года. Но он это всё же делал. Он осуществлял это как бессознательный процесс. Это было у него в крови. Его так организовали, чтобы он это делал. Значительный переворот в настоящем, - при этом настоящем, конечно, понимается как длительный период,

охватывающий столетия, - заключается для нас в том, что кровь людей теряет способность извлекать то, что было введено в организм до двадцать первого года.

Из того, что происходит в настоящее время человечества, важным является то, что кровь истощается в своей силе. Эти вещи не могут быть констатированы внешней анатомией, внешней физиологией; им бы понадобилось исследовать тела 10-ых или 9-ых веков, чтобы обнаружить, что кровь тогда была другой. Нет возможности даже получения химических реактивов, чтобы понять это. Но духовно-научно можно знать наверняка: кровь человека стала слабее. И огромная перемена в сторону ослабления человеческой крови произошла в середине 15 века. Какие последствия этого? Последствия таковы, что то, что мы больше не в состоянии осуществлять через нашу кровь бессознательно, мы должны осуществлять посредством нашего сознания. Мы должны чему-то научиться, чтобы сознательно выполнять то, что раньше осуществлялось бессознательно, просто посредством человеческой крови. Потому что сила крови утеряна и теряется всё больше и больше. И что будет, когда мы, не найдя никаких средств информации, вступим в эпоху, в которой человек полностью потеряет свою молодость, в которой он не сможет сделать для себя плодотворными силы своей молодости, когда то, что раньше бессознательно осуществлялось через кровь, не сможет быть осуществлено сознательно?

Эти вещи нельзя, конечно, рассматривать просто теоретически. Воспринятые теоретически, это могут представлять собой интересные истины. Но рассматривать их просто теоретически недостаточно. Эти вещи необходимо рассматривать сегодня практически, поскольку они связаны с практикой развития человечества. На практике их нужно воспринимать так, чтобы мы осознали: вся система образования человека должна быть другой. Мы должны привести человека к тому, чтобы он развил огромную силу сознания, чтобы то, что он принимает в себя в молодости, заново оживить в более поздние годы своей жизни, как через элементарное воспоминание.

Пока ещё люди повсюду действуют против этого требования. Люди гордятся, например, тем, что в начальных школах они проводят, как они говорят, «наглядное обучение», [то есть], всё преподносят детям очень наглядно, и придают большое значение тому, чтобы не отягощать ребёнка такими вещами, которые, как говорится, выходят за пределы возможностей понимания ребенка, чтобы учитель, воспитатель максимально опускался до уровня понимания ребёнка. Устанавливаются счётные доски, на которых наглядно можно обучать всевозможным видам вычислений, считая кости. Ничто не должно выходить за рамки возможностей ребенка. Этот наглядное обучение превращается в ужасную тривиальность и банальность. В конце концов, если опускаться до уровня понимания самого ребёнка, это должно приводить к тому, что ребёнок будет получать только банальные понятия. Те, кто к этому стремится, отнюдь не обращают внимания на важный, хотя и, я бы сказал, интимный опыт человеческой жизни.

Представим себе, что ребёнка учат так, что он принимает нечто не потому, что это уже полностью соответствует его способностям, а потому, что к ребёнку переходит восторженное тепло учителя, и ребёнок принимает это, потому что учитель с воодушевлением передаёт ему это. Ребёнок принимает это именно потому, что живёт в тепле, исходящим от учителя. Он принимает то, что выходит за рамки его понимания, просто благодаря передающейся способности воодушевления учителя; тогда ребёнок ещё не понимает, что он принял, как говорят в тривиальной жизни. Но то, что он получил, остается в его душе (im Gemüte). То, что человек как ребёнок принял, скажем, на десятом году жизни, человек как взрослый вспомнит на тридцатых годах своей жизни. Он переживёт это снова. Теперь он стал зрелым, он понимает то, что он может извлечь из глубин своей души, что он тогда воспринял только из воодушевления, но что теперь он может извлечь из зрелого духа. Видите ли, это самые плодотворные моменты жизни, когда вы не просто понимаете то, что приходит к вам извне, но вы снова переживаете то, что ранее приняли с недостаточным, малым пониманием, и что только теперь, извлекая из себя это, вы в состоянии принять с более глубоким пониманием. Чем больше при обучении вы сможете обеспечивать то, чтобы ребёнок не просто усваивал

то, что он понимает, - поскольку это исчезает вместе с детством и в более позднем возрасте на основе этого не может развиваться ни радость, ни воодушевление, - тем больше вы делаете для дальнейшего его развития; поскольку то, что принимается просто от теплоты учителя, - это то, что будет пережито снова, что даст жизненные силы.

Этому сегодня следует уделять особое внимание в обучении. Раньше не было необходимости обращать на это особое внимание, поскольку раньше это действие содержалось в крови; теперь это нужно довести до сознания. Это не всё равно, видит ли человек такие вещи так, как те, кто сегодня плодотворен, благодаря духовной науке, или нет. Если человек видит их правильно, то в какой-то момент практической жизни он находит возможность использовать эти вещи для оздоровления человечества. То есть, он находит возможность использовать тот факт, что наша кровь стала слабой, - если он его правильно видит, - так, чтобы придать ещё большее значение способности учителя воодушевлять.

Но в наше время мало кто осознает, что речь идёт о чём-то подобном. Потому что в наше время по-прежнему играет важную роль норм-педагогика, педагогика, работающая по многочисленным нормам. Изучают педагогику, учатся, как преподавать ребёнку материал, как вести себя при обучении. По отношению к нашему сегодняшнему человеческому сознанию, это учение выглядело бы так: люди состоят из углеводов, белков и так далее, - это то, из чего мы состоим, и они таким-то и таким-то образом трансформируются в теле, и пока мы не поймём, как это функционирует, мы не можем есть; потому что мы едим, с точки зрения физиологии, только когда мы это понимаем. - Я вам однажды рассказывал, - и вы, возможно, знаете это по собственному опыту, - о том, что уже сегодня можно пережить следующее: вы посещаете кого-то, и, смотрите-ка, у него рядом с тарелкой стоят весы, на которые он кладёт кусок мяса и взвешивает его, поскольку ему позволено есть кусок мяса только определённого веса. Физиология тут уже определяет аппетит. Но, слава богу, это делают не все. Важно, чтобы люди видели, что физиология не относится к еде, что она является чем-то таким, что имеет цель наряду с едой, что можно есть и без изучения физиологии, без знания физиологии процессов питания. Но при этом не считают, что и обучать, осуществлять живое преподавание, надо без принятия в себя норм-педагогика. Для обучающихся эта норм-педагогика, в лучшем случае, является тем же, что эстетика цвета для художника. Можно успешно изучить эстетику цвета, но рисовать при этом не научиться. Рисовать можно научиться посредством совсем других вещей, нежели посредством изучения эстетики цвета. Не о том идёт сегодня речь, чтобы через семинары привить кому-то какую-то норм-педагогика, которая догматически устанавливает те или иные вещи относительно того, как нужно обучать, а обучающему надо дать то, что сделает из него воспитателя или учителя подобно тому, как человек становится художником или ботаником. Это значит: педагог должен быть рождён в человеке, а не получаться путём изучения педагогики.

То, что педагогика должна быть настоящим искусством, это нечто такое, что должно быть увидено, как раз, из этого преобразования человеческой природы. В переходном возрасте никто толком не знал, что делать с воспитанием. Поэтому были изобретены всевозможные абстрактные педагогики. Но теперь речь идёт о том, чтобы передавать тем, кто учит, реальное знание о человеке. Поскольку, если есть реальное знание о человеке, и оно применяется к ребёнку, то происходит нечто особое: предположим, что вы учитель; у вас есть свои дети в школе. Если вы последователь норм-педагогика, педагогики, которая работает по законам, то вы знаете, как надо учить, потому что вы усвоили эти нормы. Сегодня вы преподаёте в соответствии с этими нормами, вчера вы учили в соответствии с этими нормами, а завтра и послезавтра вы будете учить в соответствии с этими нормами. Если вы как педагог художник, то ваша жизнь не так хороша; тогда нельзя учить вчера, сегодня, завтра и послезавтра по одним и тем же нормам, но тогда нужно каждый раз заново учиться от самого ребёнка тому, как его учить; тогда то, что человек должен делать, каждый раз должно исходить из природы человека, и это для педагога лучше всего, если он сможет учить так, поскольку сам ребёнок подсказывает ему, что надо учить его так-то и так-то, и он тогда постоянно забывает, что, собственно, такое педагогика, когда он понятия не имеет о

педагогических правилах. Потому что в тот момент, когда перед ним стоит ребёнок, он полностью наэлектризован этим становящимся человеком и знает, что с ним делать.

Вы должны обращать внимание на то, как нужно говорить о таких вещах сегодня. Сегодня нельзя говорить об этих вещах так, чтобы люди могли успокаиваться на соблюдении всевозможных принципов, но можно говорить только так, чтобы указывать на нечто такое, что живет, что не может быть сведено к абстрактным принципам, но живет, что жизнью пробуждает жизнь. Вот что важно. Таким образом, духовная наука необходима сегодня для непосредственной жизни, потому что духовная наука - это то, что предназначено не только для головы, но существует для всего человека и высвобождает в нём волевые импульсы. Но это должно проникнуть во многие области жизни, так что в конечном итоге вся человеческая деятельность станет такой, что волевые импульсы будут внедряться в человеческую жизнь.

Я представил вам это для определенной области жизни, для воспитания; как мы можем сделать воспитание, которое мы применяем для людей до двадцать первого года, плодотворным также и для дальнейшей жизни. Однако, теперь людей воспитывают не только до 21 года; воспитание продолжается на протяжении всей жизни. Но это является здоровым, только когда люди воспитывают друг друга.

И это в древние времена, в ранних исторических эпохах, давала кровь. Люди делали это бессознательно; когда они вступали друг с другом во взаимоотношения в социальной жизни, они более или менее воспитывали друг друга, - посредником всего этого была кровь. Но кровь ослабела, кровь потеряла свои силы. И это тоже должно компенсироваться большим сознанием. Люди должны прийти к тому, чтобы от других получать для себя сравнительно больше, нежели от своей собственной деятельности. В прежние времена было достаточно, так сказать, предоставить себя жизни. Всё делала кровь. Теперь же речь идёт о том, чтобы люди действительно перешли к тому, чтобы развить чувство для сущности другого человека. Это происходит само собой, если человек направляет свои мысли в направлении, стимулированном духовной наукой. Духовной наукой стимулируются другие мысли, нежели мысли, стимулированные без неё.

В этом нет никакого сомнения, поскольку это видно уже по тому, как духовная наука воспринимается теми, кто ничего не хочет знать о её мыслях. Необходимо развить совершенно другой вид мышления. Этот вид мышления, который развивается, когда привыкаешь иметь дело также и со сверхчувственным, этот вид мышления является одновременно и таким, который воздействует на наш организм. И после того, как я сказал вам сегодня: память, сила воспоминания является тем же, что и сила трансформации пищи в вещества, в которых нуждается организм человека, вас не слишком поразит то, что в человеке могут трансформироваться и другие силы, то есть, что силы, с помощью которых мы воспринимаем сверхчувственное, ведут нас к тому, чтобы более точно познавать человека, нежели познавать его без здоровой склонности к сверхчувственному познанию.

Вы изучаете то, что написано в моей «Очерки тайноведения». Тут вам нужно выработать определенные термины, о которых большинство людей сегодня ещё говорят: это чистая глупость. - Всего несколько дней назад я получил письмо, в котором кто-то, просматривая «Очерки тайноведения», почти о каждой её главе говорил: это полная чушь. Это можно понять, когда люди говорят, что это чушь. Почему? Вполне естественно, что люди сегодня говорят такие вещи. Но те люди, которым неудобно принимать такие термины, которые ведут нас таким образом к Сатурну, Солнцу, Луне, Юпитеру, Венере, Вулкану, то есть, не занимающиеся развитием идей о мире, который не может быть постигнут чувствами, эти люди также не получают никакого знания о человеке; эти люди проходят мимо других людей, в лучшем случае замечая, что у одного нос чуть более острый, у другого чуть более тупой, у одного голубые глаза, у другого карие; но они не замечают ничего из того, что внутри человека, пронизывая его и проявляясь как душа, организует тело. Та сила, которая делает нас способными иметь интерес к сверхчувственному познанию, - я не говорю сейчас, иметь сверхчувственные оккультные силы, а говорю: делает нас способными иметь интерес,

к сверхчувственному познанию, - это та же сила, которая даёт нам знание о человеке в том виде, в каком мы сегодня нуждаемся.

Вы можете создавать самые грандиозные социальные программы, вы можете развивать самые прекрасные социальные идеи: но если люди при этом прекратят развивать знание о человеке, так что, встречаясь, они не будут внутренне познавать друг друга, они не смогут вызвать никаких социальных условий. Вы не можете создать социальные условия, без обоснования возможности существования социального человека. Но нет никаких социальных людей, когда люди проходят мимо друг друга и каждый живёт только внутри себя. Социальные люди существуют только потому, что люди в жизни встречаются друг с другом, и что-то передается от одного человека к другому. Только здесь начинает формулироваться вопрос, который сегодня называется социальным. Большинство людей сегодня думают о социальном вопросе таким образом: надо организовать определенные вещи так-то и так-то, тогда внутри этой организации люди смогут жить социально. - Так не получится. Вы можете всё это организовать, социальные люди будут в этой организации в социальном смысле хорошими людьми, а антисоциальные люди при любом виде организации будут антисоциальными.

То, о чём идёт речь, это то, что мы должны создать такие организации, в которых у людей создавались бы действительно социальные побуждения. И одним из таких социальных побуждений является познание. Но пока вы воспитываете человека, постоянно имея в виду: он должен стать почтальоном, или лейтенантом, или кем-то другим, полезным для государства, вы не воспитаете его так, чтобы он познавал других людей. Поскольку такое воспитание, которое хорошо для воспитания в почтальона или лейтенанта, позволяет и в других людях узнавать только почтальона или лейтенанта. Воспитание, которое делает человека человеком, позволяет также и в другом человеке узнавать человека. Но нет возможности узнать человека в другом человеке, не развивая чувства (Sinn) для сверхчувственного познания. И самое важное, где должно действовать сверхчувственное познание, - это, как раз, искусство воспитания. Поэтому величайший ущерб, нанесённый в ходе развития нового времени, состоит в том, что естественно-научный материалистический образ мышления распространился также на педагогическую науку. В этом отношении переживаются чрезвычайно, чрезвычайно странные вещи.

Сегодня, ведь, во всех областях есть, так сказать, в высшей степени благонамеренные люди, которые хотели бы всё реформировать, даже революционизировать; но когда вы сегодня говорите с такими людьми об этом, выходит очень странное. Люди искренне привержены определенной позиции, которая хочет изменить ход вещей. Только при этом один из них спрашивает другого: да, видите ли, я портной, как изменится мое существование как портного, если ситуация изменится? - Другой, допустим, железнодорожный служащий, говорит: как изменится моя жизнь в качестве железнодорожного служащего, когда ситуация изменится? - Это только пример, но в конечном итоге всё сводится к тому, что люди полностью согласны с тем, что всё изменится, только через это изменение ничего не должно измениться, а всё должно остаться прежним. Это настрой, который сегодня живёт в душах чрезвычайно большого количества людей: всё должно оставаться прежним, когда оно меняется. Это ни в коем случае нельзя упускать из виду, а именно, что желания людей являются сегодня в социальной жизни чрезвычайно абстрактной величиной: они хотели бы многого, эти люди, но для их удобства ничего не должно меняться.

И так обстоит дело именно там, где речь идёт о необходимости найти себя в действительно новых обстоятельствах. И тем не менее, важно именно это: чтобы люди нашли возможность осуществить переход к тому, что необходимо полностью переосмыслить, по отношению к чему нужно измениться внутри.

Теперь из всего, что мы рассмотрели, возникают самые разные вопросы, но вопросы, которые, безусловно, касаются непосредственно жизни. Эти вопросы мы должны были рассматривать так, чтобы создать для них определенную более глубокую основу, говоря о том, как определенные силы, которые поначалу выглядят как духовно-душевные,

выражаются также и в физическом. Поскольку сегодня у нас полностью отсутствует способность вводить в материальную жизнь то, что мы представляем себе духовно. Но до тех пор, пока мы снова не вернёмся к тому, чтобы вещи, представляемые нами духовно, внедрять в материальную жизнь, мы не можем думать о том, чтобы ухватить собственно нерв социального вопроса.

Таким образом, речь идёт о том, чтобы стремиться к такой духовной жизни, которая действительно развивает знания о людях, а вместе с тем и социальные побуждения. Да, духовной жизни, сформированной в совершенно иных условиях жизни, для этого недостаточно. Как раз, духовная жизнь, организуемая государством или экономической жизнью, формирует почталыонов или лейтенантов. Но нам нужна духовная жизнь, которая формирует людей. Но она не может быть ничем иным, как тем, что отделено от экономической жизни и от государственной жизни. Поэтому однажды должно было произойти то, что произошло посредством нашей «Трёхчленности социального организма». Должно было быть радикально указано на то, что все виды зависимости духовной жизни от экономической жизни, от государственной жизни, должны быть прекращены, и духовная жизнь должна быть поставлена на свою собственную основу. Тогда духовная жизнь сможет дать хозяйственной и государственной жизни то, что государственная и экономическая жизнь не могут дать духовной жизни.

Это самое существенное, самое важное! Полноценный человек снова возникнет только благодаря тому, что мы будем работать, исходя из самостоятельной духовной жизни.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 октября 1919 года

В эти дни я говорил о том, как человек может продвинуться от нынешнего земного сознания к мировому сознанию, точно так же, как он продвинулся от Древней Греции и Рима до Средневековья и конца Средневековья, когда его территориальное сознание (Landbewußtsein) было преобразовано в земное сознание (Erdenbewußtsein). Эти вещи мы рассматриваем не абстрактно, а пытаемся действительно проникнуться ими таким образом, чтобы они стали конкретными членами нашего сознания.

В связи с этой идеей расширения сознания я сказал вам, что в первые три эпохи своей жизни человек находится под влиянием сил, которые мы, собственно, можем назвать подчувственными силами. С рождения до седьмого года жизни человек связан с силами самой планеты Земля. Формообразующие силы, которые работают тогда в человеческом организме, по сути являются теми силами, которые связаны с самой планетой Земля, закреплены внутри этой планеты Земля. И то, что тогда действует, как организующий и оживляющий фактор в человеке с седьмого по четырнадцатый год жизни, - это силы воздушного окружения, которые тогда опосредовано, через дыхание, пронизывают человека, и, благодаря которым он, как раз, и проживает заложенные в первые семь лет жизни организации и формы. Затем для человека наступает время, когда он подвергается, - но так, что это не проникает в его сознание, - воздействию сил, которые действуют на него через Землю из планетной системы.

Таким образом, человек организован действительно так, что организующиеся в нём силы являются не просто силами, которые он несёт в своем теле, или за границами своего тела, но силами, которые излучаются от планеты Земля, а затем и от всей планетной системы. И, благодаря таким рассуждениям, мы должны постепенно проникаться сознанием того, что человек образует единство со всей Землей.

Раньше я часто приводил сравнение, чтобы охарактеризовать это сознание с другой точки зрения. Я говорил: человеческий палец - это человеческий палец, только если он связан с человеческим телом. В тот момент, когда мы его отрезаем, он засыхает. - Как палец

относится к нашему телу, так и человек относится ко всей Землей, ко всей нашей планетной системе. Если вы уберёте человека с Земли и всей планетной системы, он засохнет, он засохнет, как отрезанный от человеческого тела палец. Речь идёт о том, чтобы человек постепенно продвигался в своей жизни от восприятия части к восприятию большего целого. Человек, как он может рассматривать себя сам, как физический организм и как эфирное тело, в действительности является неким частичным существом. Он будет считаться организмом только будучи связанным с Землей и даже со всей планетной системой. Но если мы это очень живо примем в своё сознание, станет понятно, что мы принадлежим больше миру, чем просто Земле, поскольку Земля имеет свои силы от Вселенной, и хотя поначалу мы зависим только от Земли, постепенно мы переходим к зависимости от Вселенной.

Но эти вещи можно и углубить. Среди звёзд, окружающих Землю как планетная система, самыми выдающимися, как вы знаете, являются Солнце и Луна. И в процессе того, как мы постепенно, начиная с четырнадцатого года, то есть, в третьей эпохе человеческой жизни, дорастаем до некоего состояния, в котором мы становимся зависимыми от планетной системы, мы хотя и зависим тогда от других членов планетной системы, от Меркурия, Марса и так далее, но в основном зависим от Солнца и Луны. Зависимость человека от Солнца и Луны можно, однако, правильно оценить только в том случае, если знать, что представляют собой Солнце и Луна, исходя не только из внешнего наблюдения. Внешнее наблюдение показывает человеку Луну, полную Луну, новую, Луну, первую и последнюю четверть как диск, о котором он полагает, что сам по себе он тёмный, но, освещаемый Солнцем, он передаёт часть его излучения. Но существо Луны этим не исчерпывается. То, что есть во Вселенной, человек узнаёт, только если он всегда видит её как сумму сил, взаимодействие сил. И надо себя спросить: какого рода силы, собственно, концентрируются в Луне? - В Луне в основном концентрируются человеческие силы воли, или лучше сказать силы, родственные волевым силам человека, силы, которые родственны всему тому, что действует на человека из подчувственного. Таким образом, с Луны излучаются те силы, которые родственны подчувственному человеческого существа. Физик прекрасно расскажет вам, что Луна - это своего рода шлак, что Солнце - это нечто вроде раскалённого, горящего космического тела, имеющего корону, которая посылает лучи своего огня в мир; так что, грубо говоря, человек думает, что если бы он смог медленно или быстро приблизиться к Солнцу, он вошёл бы в пылающее, раскалённое тело. Я уже говорил вам раньше, что это не так; но истина состоит в том, что там, где находится Солнце, имеется полое пространство, там ничего нет, и что свет исходит только от поверхности Солнца. В действительности там, где можно было бы предполагать наличие чего-то физического, ничего нет; поскольку существо Солнца полностью сверхчувственно, так же как существо Луны подчувственно. Эти сверхчувственное и подчувственное планетной системы, как они концентрируются на Солнце и Луне, они, таким образом, начинают действовать на человеческую организацию, начиная приблизительно с четырнадцатого года. Прежде всего, они действуют на организацию человека так, что лунное более родственно женскому элементу, всему женскому в мире, а солнечное более родственно мужскому в мире. Но они действуют и так, что во всём том, что человек развивает в смысле познания, что он развивает так, что мыслит, он имеет солнечное, а во всём, что он хочет, во всех импульсах воли - лунное. Солнце и Луна находятся не только снаружи, в космическом пространстве, Солнце и Луна находятся в нас. И в той мере, в какой мы мыслим, - мы солнечные существа, в той мере, в какой мы волим, - мы лунные существа. Лучше сказать: в той мере, в какой мы формируем в себе органы, которые являются посредниками мышления, на формирование этих органов, начиная с наших четырнадцати лет, действуют солнечные силы, сверхчувственное; в той мере, в какой мы формируем в себе органы, которые являются посредниками воления, начиная с наших четырнадцати лет, действуют лунные силы, подчувственное.

Если мы преобразуем такое знание в живое существо, то мы сможем почувствовать: ты человек, ты таков, что в тебе живёт не только то, что есть на Земле, но и то, что

конституирует в тебе Солнце и Луна. Солнце и Луна в тебе. Ты - гражданин Мира. Ты не был бы тем, что есть как человек, если бы в тебе не действовала Вселенная.

Абстрактное знание таких вещей не имеет большого значения; но чувствовать в себе, что ты существо, в котором действуют Солнце и Луна, - это дает внутреннюю жизнь. Чувствовать всё, что можно сверхчувственно помыслить и подчувственно желать, - это исходит от Солнца и Луны, это заставляет людей говорить себе: хотя я и странствую по Земле, но с каждым своим шагом, который я делаю на Земле, во мне живёт не только то, что растёт и прорастает на Земле, и что радуется и страдает на Земле, но и с каждым шагом, который я делаю на Земле, во мне живут Солнце и Луна. Я не просто гражданин Земли, я гражданин Мира. - Когда это волнуется и укрепляется как живая сущность в человеке, тогда через его мышление приходит определенная сила, которой у него нет без этого осознания. Особенно в настоящем люди должны учиться чувствовать, когда они, как раз, на Земле, что в них живёт Вселенная. Это должно стать чувством, это должно стать ощущением. Как бы глядя на солнце, человек должен, как бы, говорить себе: во мне также и твоя природа, о, Солнце! - И, глядя на Луну, он должен говорить: во мне также и твоя природа, о, Луна!

Если человек, как чувство, как ощущение, несёт это в себе, то только тогда он созревает для создания социальных идей. Иначе его мышление несёт в себе определённую земную тяжесть. Конечно, определённые идеи можно выдвигать и абстрактно, но их нельзя оживить их в себе внутренне в конкретном. Социальное - это нечто такое, в чём человек деятелен как человек. Естественная наука понимает лишь то, что не связано с человеком. По образцу естественно-научных представлений никогда не понять социальные силы, социальные действия. Социальное действие можно понять только тем лёгким мышлением, которое исходит из такого чувства, позволяющего ощущать себя гражданином Мира. Это просто так, что такое сознание гражданина Мира должно исходить из родства с Солнцем и Луной. Только когда человек больше не чувствует себя так, что он некоторым образом зависим от Земли, когда он чувствует себя временным жителем Земли, который вносит в это земное бытие силы Солнца и Луны, - только тогда его мышление настолько окрепнет и в то же время станет таким лёгким, что он действительно сможет воспринимать социальные понятия так, как они живут в социальном бытии. Ведь, смотрите, почти все национально-экономические мыслители думают, что со своим обычным, воспроизведённым на основе естественной науки способом представлений они могут воспринимать и социальные понятия. В национально-экономических трудах вы можете сегодня прочесть множество понятий, множество интерпретаций о понятии «товар», о понятии «труд» - я уже немного упоминал об этом, - и о понятии «капитал». Но все эти понятия, собственно, обычно нельзя использовать. Они не отражают то, что действительно живёт в социальной жизни. Если вы хотите попытаться создать понятие о том, что в хозяйственной жизни циркулирует как товар, и вы создаёте это понятие так, как вы создаёте понятие о кристалле, или растении, или животном, или пусть даже о физическом человеке, то из этого ничего не получится. Вы не сможете создать понятие «товара» по образцу естественно-научных представлений. Если вы хотите уловить его в настоящей жизни, то, как он стоит внутри социальной жизни, то, по сути, вам необходима имажинация; поскольку товар привязан к тому, что неотделимо от человека. В каждом товаре есть что-то от человека, будь то сшитое платье, или картина — поскольку национально-экономически картина, ведь, тоже только товар, - или час обучения. Час обучения с национально-экономической точки зрения тоже лишь товар. Всё, что включает в себя понятие «товар», связано с трудом человека. И в товар входит не обычная, полностью сознательная жизнь, а в товар во многом входит нечто из подсознательной жизни. Поэтому для правильного понимания понятия «товар» вам нужна имажинация. А для понимания понятия «работа» вам нужна инспирация. И для понимания понятия «капитал» вам нужна интуиция. Поскольку понятие «капитал» - это очень духовное понятие, только духовное понятие наоборот. Поэтому то, что связано с капитализмом, Библия совершенно верно обозначает как Маммон, как нечто такое, что имеет дело с духовным; только имеет дело, как

раз, не с лучшим из духов. Но если вы хотите понять, что, собственно, делает капитал в хозяйственной жизни, вам надо проникнуть в высшие регионы духовного познания.

Тут перед нами выступает нечто совершенно курьёзное, а именно, следующая необходимость: Чтобы получить верные национально-экономические понятия, надо иметь идею о сверхчувственных познаниях. Все сегодняшние национально-экономические понятия такие дилетантские именно поэтому, что люди не имеют сверхчувственных знаний, и потому используют эти понятия неверно.

Но поймите меня правильно. Если вы прочтаете мои «Основные пункты социального вопроса», вы скажете: Но то, что ты здесь даёшь, говоря о товарах, не имажинация; и это не инспирация, когда ты говоришь о работе, и не интуиция, когда ты говоришь о капитале, - определённно нет. Для того, чтобы видеть товар, работу и капитал, нет нужды подниматься в высшие миры; хотя видеть отражения товара, работы и капитала в высших мирах, - это тоже интересно. Но подниматься туда нужды нет. - Но нужно быть знакомым с тем, что такое имажинация, инспирация и интуиция, чтобы говорить об этом капитале верные вещи. Это то, о чём идёт речь. Тот, кто не знаком с имажинацией, инспирацией и интуицией, тот, как раз, не скажет ничего верного о товаре, работе и капитале. Так внутренне связаны духовная наука и сегодняшняя социальная наука, и для современных людей нет другого пути, кроме как перейти от земного сознания к мировому сознанию так, чтобы их мышление получило бы лёгкость и силу, дающих ему способность понимать социальную жизнь. Пока человек ползает по Земле и, по сути, полагает, что он является ни чем иным, как тем, что он берёт от растений, животных и минералов, что в нём только немного по-другому komponуется, до тех пор человек не узнает себя, как то настоящее существо, каким он является. Только когда он скажет себе: во мне действуют Солнце и Луна — только тогда человек узнает себя как настоящее существо, которым он является. Мировое сознание должно быть достигнуто, как раз, духовным способом; духовным способом человек должен узнать, что он принадлежит большей части мира, нежели Земля.

Теперь речь идёт о том, чтобы действительно понять, как подняться над обычными повседневными понятиями, чтобы достигнуть того мышления, которое здесь имеется в виду. Вы знаете, в мире есть материалистические мыслители. Сегодня число материалистических мыслителей очень велико, и все вы, ведь, наверное в глубине своей души убеждены, что быть материалистическим мыслителем непозволительно. По крайней мере, вы были до известной степени убеждены, и потому пришли к спиритуальному мышлению, почувствовали себя привлечёнными спиритуальным мышлением, которое практикуется в антропософском движении. То есть, себя мы не принимаем во внимание. Но есть и другие люди, представляющие дух, и многочисленные люди в мире, которые говорят: Ну, теперь кругом снуют только людишки, полагающие, что всё вокруг является материальными процессами и материальными существами. Эти думающие материалистически, чувствующие материалистически, противостоят думающим и чувствующим спиритуально. - Последние верят в дух и, как фантазёры, часто презираются за это думающими материалистически. Они мирятся с этим пренебрежением, поскольку полагают, что материалисты не видят того, насколько они правы, эти фантазёры, держась за спиритуальное. [То есть], делается это различие и замечается это различие между материалистическим мышлением и спиритуальным мышлением, и много спорят о том, кто прав, материалистические мыслители или спиритуальные. Но из многого из того, что здесь было сказано, вы должны были понять, что в принципе, тот, кто спорит о таких вещах, ещё не проникнулся смыслом духовной науки, что смыслом духовной науки проникнулся только тот, кто говорит: Ты - материалист, такое может быть, нет проблем. Ты — спиритуалист, такое тоже может быть, и это тоже хорошо. - Так же, как дерево можно фотографировать с одной стороны, можно фотографировать с другой стороны: с разных сторон оно выглядит по-разному, но оно всегда остаётся одним и тем же деревом. Когда воспринимают мир материалистически, это фотография только с одной стороны. Когда воспринимают мир спиритуально, это фотография с другой стороны. Материализм выглядит совершенно иначе, нежели спиритуализм. Но тайна заключается в том,

что мы не получаем мир ни в материализме, ни в спиритуализме, что они являются, собственно, только двумя фотографиями с различных положений. По сути, материалист так же прав, как спиритуалист, а спиритуалист, так же прав, как материалист. Поскольку эти понятия, спиритуализм и материализм, действительны только на физическом плане. Как только человек покидает физический план, различие этих понятий становится преодоленным. Тогда больше нет нужды спорить, материальный мир или спиритуальный, поскольку тогда ясно, что это два различных аспекта. Но почему же, собственно, спорят о том, является ли человек материальным или спиритуальным? Почему спорят о том, является ли он просто телесным или просто душевным существом? Почему один видит в человеке просто, так сказать, физическую телесность, а другой, наряду с физической телесностью, также душевно-духовное? Потому что человек является обоими! И тайна жизни состоит, собственно, в том, что человек - это и то, и другое. Если вы скажете: мысль - это просто духовная сущность, это просто нечто духовное, - то вы правы, так как мысль является просто чем-то духовным. Но мысль никогда не присутствует в вас как душевно-духовное без физического отпечатка, так что вы всегда можете обнаружить также и физический отпечаток; он всегда присутствует. Так что каждая мысль является одновременно и чем-то материальным. Можно было бы сказать: Вселенная вне партийно позаботилась о том, чтобы можно было быть как спиритуалистом, так и материалистом. Поскольку человек, ведь, действительно душевно-духовный; поняв это, можно стать спиритуалистом. Но человек полностью является и материальным отпечатком душевно-духовного, увидев это и опустив другое из вида, можно стать материалистом, поскольку человек - это они оба, и поскольку одно является лишь отпечатком другого, поскольку одно такое же, как другое. Поэтому речь действительно идёт только о том, сидит ли человек больше в своём физическом существе, - тогда он материалист; или он больше сидит в своём душевно-духовном существе, и тогда он - спиритуалист.

Собственно, того, что в этом присутствует, невозможно избежать, оставаясь в области представлений обычной повседневной жизни, или также в области представлений обычной науки. Можно изобрести множество различных теорий. Каких только нет теорий о душевно-телесном, об их взаимодействии или параллелизме, и бог знает ещё о чём! Но всё это вещи выдуманные, в них нет ничего, что коренится в реальном. Поскольку люди разучились - я это тоже уже часто подчёркивал — получать правильные представления об этих вещах, потому что в ходе исторического развития они были запрещены, как я говорил. В 869-ом году в Константинополе состоялся Восьмой Общий Собор, и он, ведь, исключил дух, он установил догму, что человек состоит не из тела, души и духа, как это ещё знала гностическая наука, а только из тела и души, и что душа обладает некоторыми духовными свойствами, поэтому средневековыми схоластиками владел ужасный страх говорить о так называемой трихотомии тела, души и духа; поскольку это было запрещено. Сегодняшние профессора философии, правда, уже не боятся, они отвыкли бояться; но римский завет они ещё не преодолели. Они тоже говорят только о теле и душе, о двойственности, и полагают, что представляют этим свободную, непредвзятую науку, в то время как, на самом деле, они, собственно, преподают только римско-католическую догматику Восьмого Общего константинопольского Собора. Они полагают, что это следует из их непредвзятого исследования, но они говорят это только потому, что они ограничены историей.

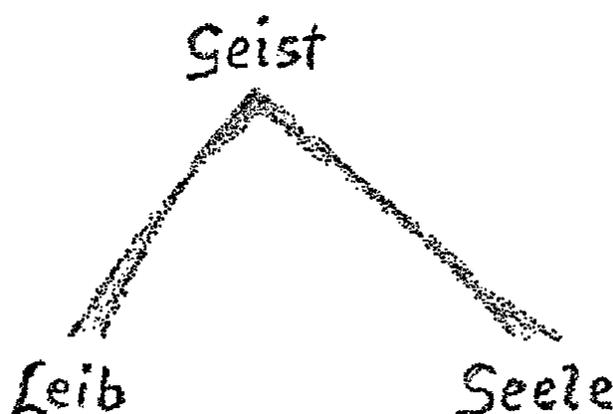

Рис. 2

Сегодня нашей задачей является возвращение к признанию существования тела, души и духа. Поскольку, когда мы рассматриваем внешний мир и нашу человеческую организацию, воспринимаемую так же, как внешний мир, мы воспринимаем телесное. Когда мы затем смотрим внутрь себя, рассматривая своё мышление, воление и чувствование во внешнем, поверхностном самопознании, или погружаясь вглубь себя мистически, тогда мы переживаем душевное; вовне - телесное, внутри — душевное. Но соединение, взгляд обоих друг в друга, постоянное взаимодействие духовно-душевного и телесно-физического, обеспечивает третье, - у нас нет для него даже подходящего слова, мы должны брать это слово с одной стороны, - обеспечивает дух. Так, что мы можем сказать: два различных аспекта - это тело и душа, но их соединение образует дух.

Мы должны снова вернуться к здоровому представлению о теле, душе и духе, иначе тело и душа будут для нас постоянно распадаться. В душевном нельзя найти ничего телесного, а телесном - ничего душевного, пока в них, в центре их, нет духа.

Много лет назад, чтобы сделать вам это понятным, я использовал такое сравнение. Предположим у нас здесь печать, на которой выгравировано, скажем, - чтоб это было достаточно «редким», - имя «Мюллер». А теперь я беру здесь, скажем на сургуч, и теперь могу отпечатать на нём имя «Мюллер».

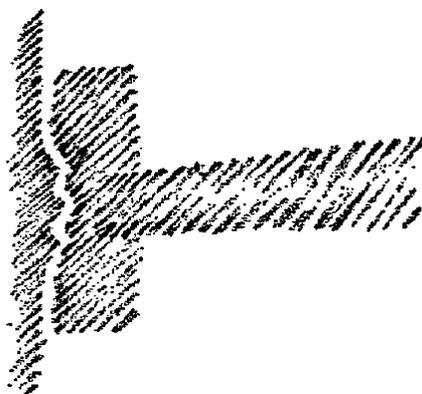

Рис. 3

Теперь мог бы подойти какой-нибудь кантианец и физиолог и сказать: Нет никакой связи между печатью, которая, наверное, сделана из бронзы, и тем, что получилось из сургуча. - Разумеется, одно целиком из бронзы, другое целиком из сургуча. Никогда ничего не перейдёт из бронзы в сургуч и из сургуча - в бронзу. Оба представляют собой чистую двойственность. Так же и с душой и телом. Одно отпечатывается в другом, но никогда ничего из одного не переходит в другое, каждое имеет собственную субстанциональность, и ничего, абсолютно ничего не переходит из одного в другое. И всё же после отпечатка у вас на сургуче стоит «Мюллер» и на печати стоит «Мюллер», один и тот же. Но сообщение произошло не за счёт того, что нечто очень тонкое перетекло с печати на сургуч; произошло не это, а возникло нечто такое, что не является ни бронзой, ни сургучом, но оба остались теми же, что и были. И то, что это именно Мюллер, воистину зависит ни от бронзы, ни от всего того, что есть в этой бронзе, а от жизненного. То, что кто-то получил имя Мюллер, связано с жизнью, оно указывает на весь охват жизни. Таким образом, у нас есть душевно-духовное, у нас есть

телесное. Душевно-духовное отпечатывается на телесном. А то, что в обоих одно и то же, - это дух, это весь мир. Но мы не поймём дух, рассматривая просто душевное, точно так же, как мы не узнаем Мюллера, глядя на печать. Мы также не поймём дух, если будем просто смотреть на материальный мир, так же, как мы не сможем узнать Мюллера, глядя на сургуч.

То есть, речь идёт о том, что дух опосредует нам то, что является связью между душевным и телесным. И мы в нашей эпохе живём в той фазе развития человечества, в которой мы должны этот факт изрядно просматривать.

Если вы взглянете на новейшую естественно-научную науку, вы обнаружите, что она опосредует вам множество телесного, собственно, только телесное. Если вы возьмёте многие физиологические понятия из древности, то они опосредует вам душевное. С обоими мы справимся только в том случае, если поднимемся к духу, поскольку мы станем гражданами мира только через духовное понимание нашего существа, в противоположность к гражданам Земли, которыми мы были вплоть до сегодняшнего времени. Как вы можете из этого видеть, мы должны быть в состоянии понять не просто то, что является телом человека, как внешнюю телесность, а мы должны охватить человека в его всевозможных связях. Я хочу рассказать вам один случай, который может послужить вам примером этого.

Обычное естествознание рассматривает человека только до его смерти. Затем она прослеживает то, что осталось от тела здесь на Земле, прослеживает, как оно сжигается, или предаётся земле, превращается в пыль. Вы можете исследовать, какие составляющие имеются в этой человеческой пыли, которые остались от человеческого организма. Тогда естествознание говорит: тут человеческая субстанция распадается, становится частью Земли. - Да, это даже не четверть истины, не одна восьмая истины, это вообще не истина, когда так говорят. Поскольку то, что передаётся Земле, - неважно через захоронение или через сжигание, - имело человеческую форму, имело человеческую форму также благодаря тому, что до рождения, или до зачатия, из духовных миров спустилось духовно-душевное существо, которое работало в этом физическом теле до самой смерти. Затем это физическое тело передаётся Земле. Тогда эта человеческая форма работает в Земле дальше, всё равно, похоронено тело или сожжено, она работает над Землёй. Земле постоянно сообщается то, что у неё не было бы, если бы после смерти людей ей не передавались человеческие тела. Для Земли это что-то значит, что после смерти людей ей передаются человеческие тела. Иначе Земля получала бы только субстанции, только земные субстанции.

Но это человеческое тело заселяло душевно-духовное существо, которое до рождения, или до зачатия, спустилось в него из душевно-духовных миров и задала структуру этому человеческому телу. Эта структура, как существенное, остаётся в каждой пылинке, остаётся в Земле, или в её атмосфере при сжигании, всё равно как, но Земля принимает с этим человеческим телом то, что спустилось из этих духовных миров. Это что-то да значит. Это не просто обычная истина, это имеет очень и очень большое значение. Поскольку наша Земля не развивалась бы больше, и уже давно на ней не было бы ни одного человека, возможно, также ни одного животного, - возможно, ни одного животного, - если бы к ней, вместе с человеческими телами, постоянно ни приходили бы оживляющие силы душевно-духовного рода. То, что Земля сегодня ещё является для человека заселяемым местом в мире, мы должны быть благодарны тому обстоятельству, что ей постоянно передаются человеческие тела. Они постоянно освежают силы Земли. Начиная с середины атлантического времени, Земля находится в состоянии увядания. У неё нет больше растущих сил; они были у неё в древние полярные, лемурийские, и так далее, времена. Но с середины атлантического периода Земля, сама по себе, обладает лишь увядающими силами, и оживляется для своего дальнейшего существования, только благодаря тому, что ей передаются силы формы человеческих тел. Они продолжают действовать в Земле. Только они делают Землю заселяемой для людей.

Отсюда вы можете узнать, что, с одной стороны, человек, как я уже рассказал, имеет в себе действующими внутренние силы планеты, силы атмосферы. Но, [с другой стороны], он, в свою очередь, отдаёт духовно-душевные силы Земле назад, обеспечивает Землю духовно-

душевными силами. Со своим рождением он приносит духовно-душевные силы из духовной вселенной на Землю, пользуется ими, пока в них нуждается, до своей смерти, а затем передаёт их силам формы Земли, и таким образом, является со-строителем будущей Земли. Внешнее естественно-научное мировоззрение, если бы его спросили, что значит человек для Земли, сказало бы примерно следующее: Ну, если бы человека не было бы на Земле, то всё происходило так, как есть; только человека не было бы. Домов, естественно, не было бы, городов и всего прочего, что человек привнёс, благодаря своей культуре; а во всём остальном всё было бы так же, только не было бы человека. - Духовная наука учит нас, что человек является не просто зрителем здесь, на Земле, но, посредством своего бытия, является со-строителем, со-организатором Земли, и, к тому же, благодаря своему телу, которое он передает Земле, он является для Земли посредником между духовным миром и этим физическим земным миром.

Если человек постепенно получает сознание того, что он не просто земной человек, но и человек Мира, то это означает ещё и следующее. Гражданин Земли рождён от отца и матери, несёт в себе наследственные признаки, нечто приобретает, что как наследство передаёт своим физическим наследникам, имеет детей, и так далее. Тот же человек, который осознаёт себя гражданином мира, говорит себе: вступая в бытие с рождением, я приношу в этот мир духовно-духовное. Этим я принимаю участие в строительстве земного бытия после того, как, посредством смерти, ухожу с этой Земли. - Только благодаря тому, что человек является гражданином Мира, он осознаёт, как его бытие связано с земным бытием, что он и Земля являются одним существом, но существом, которое, по-сути, только и даёт Земле её духовность.

Все эти понятия, которые таким образом усваиваются из духовной науки, нельзя усваивать как обычное знание. Я хотел бы сказать, хотя, возможно, это прозвучит парадоксально: знание вообще не является чем-то особенно ценным. Ценно лишь то, кем мы становимся, посредством этого знания. Это относится также и к воспитанию. То, что мы преподаём ребёнку географию, внешне, конечно, имеет некоторое значение, но не душевное значение. Внешне это имеет то значение, что позднее, если он захочет поехать, скажем, из Дорнаха в Цюрих, он не перепутает Цюрих с Берном, или чем-то ещё. То есть, внешне это имеет значение, учиться географии. Но то, что становится с душой, когда она изучает географию, имеет некое внутреннее значение. Человек в своей душе становится способным ориентироваться в мире. Человек высвобождает из глубин, из корней души определённые духовные силы, и высвобождение этих духовных сил, как раз, и имеет значение.

Если мы возьмём время с середины 15-го столетия, то это время, когда люди были меньше всего склонны высвобождать в себе духовно-душевные силы. Они больше держались отпечатка, сургуча. Люди фактически перешли в материальную эпоху с середины 15-го столетия. Но сейчас мы достигли точки, в которой мы должны осознать это, и в которой мы должны снова вернуться к спиритуальному и спиритуальное соединить с материальным.

Почему же, собственно, всё это произошло? Поверхностный мыслитель мог бы сказать: Да уж, Господь Бог мог бы сделать это удобнее для себя. Он мог бы просто дать человеку спиритуальную жизнь уже в 15-ом столетии, тогда человек не должен был бы делать этот крюк через материализм. - Наверное, он мог бы это сделать. Было бы обижено евангелическое сознание, если бы кто-то сказал, что он не смог бы этого сделать. Но это, ведь, то, что нас здесь мало интересует. Но он этого, как раз, не сделал, а позволил людям пройти через материализм. И таким образом, в 19-ом столетии, они достигли глубин материализма. Теперь, для того, чтобы подняться к спиритуальности, необходим мощный внутренний толчок; этот мощный внутренний толчок является толчком к свободе, толчком к тому, чтобы человек из самого себя, а не с помощью божьей прививки, обратился к спиритуальности. Если бы человек не был погружён в материализм, он не смог бы исходя из своей собственной свободы проникнуться спиритуальным. Чтобы призвать людей на Земле к самостоятельности, это проникновение материальным было таким сильным, что даже религии и теологии стали материальными. Посмотрите только, нечто духовное даже теолог

сегодня понимает с трудом, иногда это для него труднее всего, действительно, труднее всего. Недавно мне удалось сделать попытку побеседовать с одним католическим теологом, и так получилось, что эта беседа произошла под известной картиной Рафаэля, так называемой «Диспута». Разговор привёл к тому, что я попытался нечто проиллюстрировать, исходя из «Диспута». Я сказал: Мы должны снова вернуться к тому, - все те, кого заботит духовная жизнь, - чтобы можно было понять, почему Рафаэль, собственно, исходя из сознания своего времени, нарисовал эту «Диспуту». Там наверху небесные миры с Троицей, внизу Sanctissimum на алтаре, и Отцы Церкви, и теологи. Но всё это не так существенно в картине, а существенно то, что один теолог, который не был фривольным - а их уже к тому времени было много, - который ещё серьёзно относился к своей теологии, и из души которого рисовал Рафаэль, осознал: Если просвира (Hostie), Sanctissimum, освящена и вы смотрите сквозь неё, тогда вы смотрите на мир, который Рафаэль нарисовал в верхней части «Диспуты». - Освящённая просвира действительно является средством, чтоб смотреть сквозь неё и заглядывать в духовный мир. Вот почему Рафаэль нарисовал эту вещь. Это я хотел проиллюстрировать. Я хотел сказать: Мы должны снова найти путь назад, чтобы понять истинное содержание такой картины, нарисованной ещё из другого сознания. - В настоящий момент Я не могу описать вам выражение лица, которое сделал этот теолог, когда был принужден видеть свое самое святое в таком духовном смысле. Теология полностью материализована, причём, пожалуй, больше всего - теология. Она больше не связана ни с чем действительно духовным, поэтому даже христология стала материалистической. Поскольку для теолога 15-го века было бы невозможно уделять основное внимание «простому человеку из Назарета». В нём ещё было живым пребывание Христа в Иисусе из Назарета. Теперь он исчез из сознания. Простой человек из Назарета лишь немного выше Сократа, Платона или Аристотеля. Но даже теологи определяют его как простого человека из Назарета. Материализуется сама теология.

Нам нужно осуществить рывок, чтобы из самого внутреннего понимания нашей человечности свободно прийти к духовному. Мы не сможем сделать это, играя со спиритуальными фразами, говоря о духе, мы сможем сделать это только тем, что мы будем духовно мыслить. И духовно мыслить означает, что мы говорим: «Познание связано с силами Солнца, воля - с силами Луны». Когда здесь, на Земле, посредством наследственности, формируются человеческие тела, действует не земное; в мужской силе действует солнечное, а в женской - лунное. Земля перенасыщена и покрыта солнечно-лунной энергией также и в области воспроизведения человечества, а это воспроизведения человечества, в свою очередь, родственно силам познания и воли. Духовное пронизывает физическое, физическое является отпечатком духовного. Синтез, единство душевного и телесного, - это только и является тем, что сегодня необходимо искать, необходимо искать непременно. Сюда не относятся те тени понятий, которые были сформированы в новое время, начиная с середины 15-го столетия, - это только мысли, образованные в новое время, начиная с середины 15-го столетия, - сюда не относятся выдуманные внутри понятия, сюда относится внутренне пережитая духовная жизнь. Но пережитая духовная жизнь, - это единственное, что, в то же время, может действовать и практически. У нас достаточно долгое время была, по сути, непрактичная духовная жизнь. Как я уже говорил, люди долгое время много говорили о том, как быть хорошим, как быть братским, как быть добрым. Но это были понятия, которые остались в определенной сфере, которые не оказали влияния на практическую жизнь. Представьте себе: какой-нибудь настоящий современный бизнесмен, настоящий современный промышленник или, скажем, государственный служащий, - тогда у нас есть все три сорта, - он даже может быть благочестивым человеком, - такое, ведь, тоже бывает. Но, в конце концов, существует значительная разница между тем, что купец может переживать в своей душе как религиозное верование, и той жизненной деятельностью, которая находит свое выражение в его бухгалтерских книгах! То, что живет в его религиозной жизни, не может проникать в бухгалтерские книги. И государственный служащий, он, опять же, подготавливается не для того, чтобы стать человеком, а чтобы стать чиновником. То, чему он обучался как чиновник,

какое отношение это имеет к тому, во что он, возможно, внутренне верит, к его религиозности? - Религиозная жизнь — это одно течение, а, так называемая практическая жизнь, - другое течение. Поскольку понятия, идеи, стали слабыми, и не могут пробиться к практической жизни, мы не можем сегодня найти такие живые, такие сильные понятия, которые вводили бы нас в социальную жизнь. Поэтому необходимо освежение через духовную науку, чтобы понятия стали достаточно сильными, чтобы они проникали глубже, чем понятия воскресного проповедника, которые пробуждают теплое чувство в сердце, пробуждают в душе чувство внутреннего благополучия, но не проникают в деятельность, которая отражается в бухгалтерской книге. Понятия, извлеченные из духовного, должны проникать глубже, в практическую жизнь. Потому что понятия, которые своей внутренней силой не проникают в глубочайшую сущность материи, не являются духовными. В этом, как раз, и состоит духовность понятий, что они имеют силу и проникают в глубочайшую сущность материи.

Это то, что нам нужно, если мы хотим преодолеть пропасть, созданную между сегодняшним человечеством, которое ещё несёт в себе всевозможное наследство прежних времен, и будущим человечеством, которое действительно должно осуществить синтез, слияние материального и спиритуального. Быть материалистом, с одной стороны, и спиритуалистом, с другой, - это действительно возврат к прежним человеческим способам восприятия. И только когда ты можешь быть обоими, так что оба пронизывают в тебе друг друга, только тогда ты дорос до требований человечества в настоящем.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 10 октября 1919 года

В эти дни я хотел бы развернуть перед нечто из того, что необходимо для понимания и для действий в рамках нашей нынешней цивилизации. Из фактов, которые сегодня определенным образом повсюду бросаются в глаза, едва ли будет трудно понять, что наша нынешняя цивилизация содержит в себе упадочные явления, упадочные силы, и что перед лицом этих упадочных сил необходимо обратиться к тому, что требуется для привнесения новых сил в эту цивилизацию. Когда мы исследуем нашу цивилизацию, мы видим, что она содержит в основном три упадочных силы, три силы, которые должны постепенно привести эту цивилизацию к упадку. Все печальные явления, которые мы уже испытали в ходе развития человечества, которые мы еще будем испытывать, - ведь, в отношении многих вещей мы стоим лишь в начале, - всё это лишь отдельные симптомы тех упадочных явлений, которые происходят в наше время в целом.

Если мы взглянем на то, что произошло в нашей цивилизации в настоящем и за последние три-четыре века не близоруко, а более широко, тогда нам может броситься в глаза то, что древние времена, в качестве основы культуры, а также в качестве основы повседневной культуры жизни, имели нечто такое, во что мы в настоящее время можем ещё только верить. Эти древние культуры, а, именно, языческие культуры, имели определенный научный характер, благодаря чему, люди осознавали, что в их душах сохраняется что-то от всей Вселенной. Вспомните только, насколько живыми ещё были миры представлений греков, которые выходили за рамки повседневного, которые стояли за чувственным миром как миры богов и духов. И вам надо только вспомнить, насколько живо в повседневную жизнь пробивалось то, что давало этим людям более ранних культур определённую связь с одним из духовных миров, которые они знали. При любой повседневной деятельности эти люди древних культур имели полное сознание того, что они стоят в мире, который не исчерпывается повседневностью, на который воздействуют духовные существа. Повседневная деятельность осуществлялась, исходя из импульсов духовных сил. Таким образом, если мы обратим свой взгляд назад, на языческие культуры, прежде всего мы

обнаружим научный характер их основания, о котором мы можем сказать: Эти люди имели - мы можем сформулировать это так, - некую космогонию. Что означает, они считали себя членами всей вселенной; они знали, что они являются не просто потерянными существами, которые, подобно ягнтям, блуждают по зелёным земным лугам, а находятся в отношении со всей вселенной, и имеют своё предназначение в этой вселенной. Люди древних времён имели свою космогонию.

У нашей цивилизации нет настоящего стремления к созданию космогонии. У нас нет, собственно, настоящего научного способа представлений, в истинном смысле этого слова. У нас есть перечень отдельных природных фактов и у нас есть идеальная схема понятий; но у нас нет настоящей науки, которая связывает нас с духовными мирами. Насколько жалко то, что вторгается в нашу повседневную жизнь из того, что практикуется сегодня как наука, по сравнению с теми силами духовного мира, которые пронизывали действия древнего человека, и о которых он знал. У него была космогония, он знал, что является частью всей вселенной. Он не смотрел на Солнце, Луну и звезды как на чуждые миры, а ощущал, что его внутреннее существо родственно Солнцу, Луне и звездным мирам. Таким образом, древние цивилизации имели космогонию, а наша цивилизация эту космогонию утеряла. Человек не может быть сильным в жизни, если у него нет космогонии. Это одно из того, что, так сказать, как научный элемент, толкает нашу цивилизацию к гибели.

Второй элемент, толкающий нашу цивилизацию к гибели, - это отсутствие настоящего импульса к свободе. У нашей цивилизации отсутствует возможность всеобщего основания свободы жизни. Лишь немногие люди в настоящее время создали для себя действительное понятие свободы, хотя многие говорят о ней, и ещё меньше людей - реальное внутреннее побуждение для того, что такое свобода. Поэтому наша цивилизация постепенно впадает в то, что эта цивилизация перенести не может: она впадает в фатализм. Мы имеем либо религиозный фатализм, когда люди предают себя каким-либо религиозным силам, на службу которых они встают, и от которых они ожидают, что те будут управлять ими, как марионетками; или некий естественно-научный фатализм. Этот естественно-научный фатализм выражается в том, что люди стали постепенно склоняться к тому взгляду, что всё происходит по природной необходимости, или экономической необходимости; для свободного проявления человека места нет. - Когда люди чувствуют себя вписанными в этот экономический, или естественно-научный мир, то это ни что иное, как действительный фатализм. Или мы имеем тот фатализм, который принесли новейшие религиозные верования, собственно, исключающие действительную свободу. Представьте себе, в каком количестве сердец и душ сегодня присутствует сознание, что больше всего они хотели бы предоставить себя тому, что с ними делает Христос, или какая-либо другая духовная сила. Из него даже рождается упрёк, который очень часто можно слышать в адрес антропософии, что антропософия не придаёт значения тому, чтобы человек, как говорят, был искуплен Христом, а призывает к тому, чтобы он освобождал себя сам. Люди хотели бы быть ведомыми, хотели бы, чтобы фатализм был правильным. И как часто в последние несчастливые годы можно было то здесь, то там слышать: Почему Бог, или Христос не помогает тому или иному народному сообществу? Должны были бы верить в наличие божественной справедливости. - Люди хотели бы, чтобы эта божественная справедливость функционировала бы как фатум. Они не хотели бы быть действительно внутренне пронизанными импульсом свободы. Цивилизация, которая не в состоянии заботиться об этом импульсе свободы, ослабляет людей и обрекает их на гибель. Это второе. Отсутствие космогонии - это первое; отсутствие настоящего импульса к свободе, - это второе, что содержится в нашей цивилизации в качестве упадочных сил.

И третье, - это то, что наша цивилизация неспособна дать никакого нового импульса для настоящего религиозного ощущения и воления. Наша цивилизация хотела бы, собственно, продолжать заботиться только о старых религиозных верованиях. Для того, чтобы насаждать в жизнь новые религиозные импульсы, нашей цивилизации не хватает сил, и, в том числе, из-за этого в нашей цивилизации отсутствует сила для настоящих альтруистических действий в

жизни. Наша цивилизация так пронизана эгоизмом потому, что не получает, собственно, никакого достаточно сильного альтруистического импульса. Сильный альтруистический импульс может прийти только из духовного мировоззрения. Только когда человек знает себя как члена духовного мира, он прекращает так ужасно интересоваться собой, настолько, что для него его Я становится центром всего мира; тогда исчезают эгоистические импульсы и возникают альтруистические импульсы. Однако, наше время мало склонно к тому, чтобы развивать большой интерес к духовному миру. Поскольку этот интерес должен увеличиваться, если человек действительно чувствует себя частью духовного мира.

И так случилось, что на нашу цивилизацию, словно снегопад спустились импульсы инкарнации и кармы. Но как были восприняты эти импульсы реинкарнации и кармы? Даже теми, кто обратился к этим идеям реинкарнации и кармы, восприняли их, по сути, в очень эгоистическом смысле. Говорилось, например, что человек заслужил свою судьбу в определённой жизни. Даже от просто интеллигентных людей можно было услышать, что идеи инкарнации и кармы уже сами по себе являются ответом на вопрос о существовании человеческого страдания; социальные вопросы при этом, по сути, оказываются необоснованными. Так многие, просто интеллигентные люди говорили, что бедные, например, заслужили свою участь в своих прежних инкарнациях и должны в теперешней инкарнации пережить то, что они заслужили в прежних инкарнациях. Таким образом, даже идеи реинкарнации и кармы не в состоянии влиять в нашей цивилизации так, чтобы образовать побуждения для альтруизма. Речь, ведь, идёт не просто о том, чтобы мы внесли такие идеи, как идеи о реинкарнации и карме, в наше время, а речь идёт о том, *как* мы это сделаем. Если они станут только побуждением к эгоизму, то они не поднимут нашу культуру, тогда они будут способствовать только её падению. С другой стороны, ведь, реинкарнация и карма становятся не этическими идеями, анти-этическими идеями, когда многие говорят: Я должен стать хорошим человеком, чтобы получить хорошую следующую инкарнацию. - Из этого побуждения стать хорошим человеком, чтобы в следующей инкарнации пережить как можно больше симпатичных вещей, - действовать из этого побуждения - это двойной эгоизм, а не просто эгоизм. Но этот двойной эгоизм пришёл для многих людей из идей реинкарнации и кармы. Таким образом, можно сказать: Наша цивилизация имеет так мало альтруистически-религиозных импульсов, что для неё даже идеи реинкарнации и кармы невозможно понять в том смысле, чтобы они стали побуждениями к альтруистическим, а не эгоистическим действиям и чувствам.

Итак, вот три вещи, которые являются упадочными силами нашей культуры: отсутствие космогонии, отсутствие верного обоснования свободы, отсутствие альтруистического чувства. И смотрите, где нет космогонии, там нет настоящей науки, нет настоящего знания, там знание становится, в конце концов, своего рода мировой игрой, или цивилизационной игрой, что и наблюдается в наше время там, где речь не идёт о простой полезности во внешней культуре, во внешней технической культуре. Свобода в наше время становится простой фразой, поскольку всеобщее обоснование свободы и распространение импульса свободы не является силой нашей цивилизации. Так же мало возможности продвинуться вперёд, по настоящему социальном смысле, мы имеем и в экономической области, поскольку наша цивилизация не содержит в себе альтруистических побуждений, но только эгоистические, то есть, антисоциальные побуждения, а с антисоциальными побуждениями социализироваться невозможно. Поскольку социализация означает создание такой социальной структуры, где один человек действует для другого. Сложно даже представить себе, что в нашей цивилизации один человек должен что-то делать для другого! Ведь, весь наш общественный порядок устроен так, что каждый действует только для себя. Все наши институты таковы.

Так возникает вопрос: Как мы можем выйти из этой области упадочных явлений нашей цивилизации? - Переклеить (Überkleistern) то, что является упадочными явлениями в нашей цивилизации, нельзя. По отношению к сказанному речь идёт о том, чтобы взглянуть на это непредвзято и безоговорочно, чтобы не предаваться иллюзиям. Необходимо сказать себе: То,

что показывает себя как упадочные силы, - это здесь, перед нами, и не нужно полагать, что это можно как-то исправить, или что-то подобное; эти сильные упадочные силы, которые можно охарактеризовать так, как мы это только-что сделали, присутствуют. Напротив, речь идёт о том, чтобы обратиться теперь к тому, из чего можно обрести силы для подъёма. Этого нельзя сделать с помощью теорий; какие бы прекрасные теории, какие бы прекрасные принципы не были сегодня изобретены, - просто с теориями ничего не получится. Что-то начать в жизни можно только с силами, которые действительно есть на нашей Земле, и которые надо призвать. Если бы наша цивилизация была полностью такой, как я её описал, тогда мы не смогли бы сделать ничего иного, как сказать себе: этой цивилизации мы должны позволить погибнуть, и принять участие в этой гибели. Поскольку любая попытка исправления этих явлений, просто исходя из каких-либо идей или представлений — это абсурд.

Можно лишь спросить: может быть эта вещь лежит всё же глубже? - И она [действительно] лежит глубже. И эта глубина состоит в том, что люди сегодня, - как я уже здесь часто упоминал с других точек зрения, - слишком стремятся к абсолютной истине. Если вы спрашиваете: Что истинно? - то вы спрашиваете: что истинно в абсолютном смысле? - Вы не спрашиваете: Что истинно для определённого периода? - Если вы спрашиваете: Что хорошо? - то вы спрашиваете: что в абсолютном смысле хорошо? - Вы не спрашиваете: Что хорошо для Европы? Что хорошо для Азии? Что хорошо для 20-го века, и что хорошо для 25-го века? - вы спрашиваете об абсолютной истине и об абсолютном благе. Вы не спрашиваете, что реально в конкретном развитии человечества. Мы, однако, должны ставить вопрос по-другому, поскольку мы должны видеть реальность, и, исходя из реальности, эти вопросы должны быть поставлены по-другому, часто поставлены по-другому так, что ответы на них кажутся парадоксальными по отношению к тем, которые даются исходя из склонности рассмотрения поверхности вещей. Мы должны спросить себя: Нет ли возможности снова прийти к некому космогоническому способу представлений? Нет ли возможности прийти к действительно социально действующему импульсу свободы? Нет ли возможности прийти к импульсу, являющемуся одновременно и религиозным импульсом, и импульсом братства, то есть, к некому действительному основанию экономическо-социального порядка? - И если мы поставим эти вопросы, исходя из реальности, то мы получим и реальные ответы; поскольку то, о чём при этом идёт речь, следующее: что в наше время не все виды людей предрасположены прийти ко всей всеохватывающей мировой истине, а что различные виды людей Земли предрасположены к постижению только частичных регионов истинного действия. И мы должны спросить себя: где в современной земной жизни имеется возможность развития космогонии, где имеется возможность развития всё пронизывающего импульса свободы, где имеется импульс к совместной религиозной и братской жизни в социальном смысле?

Если мы начнём с последнего, тогда непредвзятое рассмотрение наших земных условий покажет нам, что настрой, образ мысли для действительного импульса братства мы должны искать у азиатских народов, особенно в китайской и индийской культурах. И хотя эти культуры уже впали в декаданс, и, не смотря на то, что это противоречит внешнему поверхностному наблюдению, там мы обнаружим те импульсы исходящей из глубин человеческих сердец любви ко всем существам, которые только и могут дать основания, во-первых, для религиозного альтруизма и, во-вторых, для настоящей альтруистической экономической культуры.

Но особенность заключается в том, что азиаты хоть и склонны к альтруизму, но у них нет возможности проявлять альтруизм. У них есть только предрасположенность, но у них нет возможности, нет таланта создать социальные условия, в которых начала альтруизма могли бы быть реализованы внешним образом. На протяжении тысячелетий азиаты знали, как культивировать альтруистические импульсы в человеческой природе. Тем не менее они умудрились вызвать ужасный голод в Китае, Индии и так далее. Особенность азиатской культуры заключается в том, что имеется предрасположенность, и эта предрасположенность

внутренне честна, но нет таланта реализовать её во внешней жизни. И в этом даже особенность этой азиатской культуры, что она содержит внутри человеческой природы чрезвычайно значительный альтруистический импульс и не имеет возможности реализовать его сейчас внешне. Напротив, если бы Азия осталась одна, тот факт, что она обладает способностью устанавливать альтруизм внутренне, но не способна реализовать его внешне, превратил бы её в ужасную пустыню цивилизации. Таким образом, можно сказать: из этих трех вещей, импульса к космогонии, импульса к свободе, импульса к альтруизму, Азия, в своей самой внутренней предрасположенности, имеет треть. Но это только треть того, что необходимо современной цивилизации, если она хочет возродиться снова, а именно внутренняя предрасположенность к альтруизму.

Что есть у Европы? У Европы есть крайняя необходимость в решении социального вопроса, но у неё нет предрасположенности для социального вопроса. Ей надо было бы, собственно, иметь азиатскую предрасположенность, если бы она хотела разрешить социальный вопрос. Все предварительные условия для решения социального вопроса, исходя из социальной необходимости, в Европе есть; но европейцы должны для этого проникнуться образом мышления, который для азиатов является естественным; у него только нет таланта увидеть социальную необходимость внешне. Часто им это даже нравится. В Европе есть внешний импульс для того, чтобы что-то делать в социальном плане, но нет склонности к этому. Но зато в Европе в сильнейшей степени развит талант, способность к обоснованию импульса свободы. То, что является особым европейским талантом, существует для того, чтобы в высшей степени сформировать внутреннее чувство свободы. Можно сказать, это специфически европейский дар, прийти к настоящей идее свободы. Но у этих европейцев нет людей, которые бы действовали свободно, которые бы реализовали эту свободу. Европейцы могут великолепно понимать мысли о свободе. Но как азиат немедленно знал бы, что делать, если бы он получил незамутнённую идею европейской свободы без прочих европейских вредных привычек, так же и европеец может развить самую прекрасную идею свободы, но у него нет политической возможности непосредственно реализовать эту идею свободы с европейскими людьми, потому что европеец из трёх условий цивилизации: импульс к альтруизму, импульс к свободе, импульс к космогонии: импульс к свободе, имеет только одну треть, - у него нет двух других. Таким образом, и европеец имеет только одну треть из того, что необходимо, чтобы войти в действительно новую эпоху. Это очень важно, чтобы эти вещи были, наконец, увидены как тайны нашей цивилизации. В Европе, - это, ведь, нам позволительно сказать, - мы в самом лучшем виде имеем все предпосылки, в смысле мышления, чувства, чтобы знать, что такое свобода; но у нас нет возможности для непосредственной реализации этой свободы. Я могу вас, например, уверить в том, что в Германии некоторыми отдельными людьми были написаны самые прекрасные вещи о свободе в то время, когда вся Германия задыхалась от тирании Людендорфа (Ludendorff) и прочих. У Европы есть талант для создания концепции импульса свободы, но этот импульс является только одной третью для действительного подъёма нашей цивилизации, не целым.

Теперь двинемся на Запад от Европы - при этом Великобританию я причисляю в этом отношении к Америке, - двинемся, таким образом, к англо-американскому миру; тогда мы обнаружим там тоже одну треть из этих импульсов, то есть, один из трёх импульсов, необходимых для подъёма нашей цивилизации, - это импульс к космогонии. Тот, кто знаком с англо-американской духовной жизнью, тот знает, что эта англо-американская духовная жизнь, изначально формальная, изначально материалистичная, так что она даже спиритуальное хочет достичь материальным образом, что у неё всё же есть средства и пути для того, чтобы прийти к некой космологии. Пусть эта космогония ищется сегодня на совершенно ошибочных путях, но она ищется в англо-американском существе. Снова одна треть: поиск космогонии. Нет возможности соединить эту космогонию со свободным, альтруистичным человеком, хотя есть талант приобщиться к этой космогонии, сформировать её, но нет таланта интегрировать человека в эту космогонию. Можно сказать, что даже устремления заблудшего спиритизма были космогоническими, как они зародились в

середине 19-го века и, собственно, не исчезли полностью и сегодня. Речь там шла о попытке определить, какие силы стоят за чувственными силами; только был избран материалистический путь, материалистический метод. Но речь шла не о том, чтобы получить, благодаря этому, такие формалистические науки, какие имеют, например, европейцы, а о том, чтобы познать настоящие, реальные сверхчувственные силы. Просто, как я уже сказал, они пошли по ложному пути, который до сих пор называют «американским». Таким образом и здесь только треть того, что, собственно, должно присутствовать для настоящего подъема нашей культуры.

Да, сегодня нельзя узнать тайны нашей цивилизации, если не знать распределение этих трёх импульсов, от которых зависит подъём нашей цивилизации, по поверхности нашей Земли; если не знать, что стремление к космогонии содержится в талантах англо-американского мира, стремление к свободе - в европейском мире, стремление к альтруизму и к такому настрою, который, будучи правильно использованный практически, ведёт к социализму, - собственно, только в азиатской культуре. Америка, Европа, Азия, - каждая из них имеет одну треть того, что необходимо достичь для действительного нового подъёма, для нового построения нашей культуры.

Именно, исходя из этих основ, должен сегодня думать и чувствовать тот, кто серьёзно и честно относится к работе над новым строением нашей культуры. Сегодня нельзя сидеть в кабинете и обдумывать, какая программа лучше всего для будущего. Сегодня нужно выходить в мир, и из этого мира получать импульсы, которые там есть. Я говорил: если посмотреть на нашу культуру, с её моментами упадка, должно сложиться впечатление, что её спасти невозможно, если люди не увидят: одно есть у одного, второе - у другого, третье - у третьего, если люди не придут к тому, чтобы работать вместе в большом масштабе, по всей Земле, не придут к реальному признанию того, что отдельные не могут достичь из самих себя в абсолютном смысле, но что может быть достигнуто только тем, кто, если можно так выразиться, предназначен для этого. - Если американец сегодня из самого себя захочет, кроме космогонии, сформировать (*gestalten*) ещё и свободу, и социализм: он этого не сделать сможет. Если европеец сегодня, в дополнение к обоснованию импульса свободы, захочет найти космогонию и альтруизм: он этого сделать не сможет. Так же мало и азиат сможет осуществить нечто другое, кроме своего давно вселившегося в них альтруизма. Если этот альтруизм будет перенят другими народными массами Земли, и проникнется талантами последних, только тогда мы действительно продвинемся вперёд. Сегодня человечество должно полагаться на совместную работу, потому что человечество обладает разными талантами.

Мы должны уже признать, что наша цивилизация ослабла, и что она должна снова стать сильной. Для того, чтобы то, что я высказал сейчас абстрактно, оформить несколько конкретнее, я хочу сказать следующее. Как вы знаете, древние дохристианские восточные культуры также создавали большие города. Мы можем взглянуть на широко раскинувшиеся восточные культуры, которые также создали большие города. Но эти большие города древних культур несли в себе определённый настрой. У всех восточных культур была та особенность, что с жизнью в больших городах они выработали точку зрения, согласно которой, если человек не проникает через физического в сверхфизическое, он живет в пустоте, в ничто. Таким образом, действительно могли развиваться великие города Вавилон, Ниневия и так далее, потому что человек, благодаря наличию этих городов, не видел в том, что эти города создали, нечто действительно реальное, а реальным для него было то, что стояло за всем этим. Только в Риме городская культура стала определяющим фактором (*Regulativ*) видения реальности. Греческие города немыслимы без прилегающих земель; они питаются прилегающей землей. Если бы наша история не была слишком *Fable convenue* (настолько выдуманной), но если бы она передавала реальный облик прежних времен, она показала бы, как греческий город коренится в земле. Рим больше не коренился в земле; история Рима состоит, собственно, в том, чтобы воображаемый (*imaginäre*) мир сделать реальным, то есть, мир, который не реален, сделать реальным. В Риме был, собственно, изобретен гражданин

(бюргер), гражданин (бюргер), эта ужасная карикатура на существо человека. Поскольку человек - это человек; и то, что он, кроме того, ещё и бюргер, - это воображаемая (*imaginäre*) вещь. То, что он является бюргером, стоит где-то в церковных книгах, или в юридических книгах, или ещё где-либо. То же, что он, кроме того, ещё и человек, и как человек обладает определенными способностями, а также зарегистрированной собственностью, собственностью, зарегистрированной в земельной книге, - это нечто воображаемое, наряду с реальностью. Но всё это римское. Да, Рим сделал гораздо больше этого. Риму удалось фальсифицировать в реальность всё то, что получилось в результате отделения городов от земли, от настоящей земли. Риму удалось, например, в религиозные понятия древних ввести римские понятия права. Тот, кто добросовестно изучает древние религиозные понятия, не найдет в них римских понятий права. Римская юриспруденция фактически вошла в религиозную этику. По сути, с религиозной этикой, - благодаря тому, что из неё сделал Рим, - дело обстоит так, будто в сверхчувственном мире заседают судьи, - такие же, что сидят на наших судейских стульях в римском стиле, - и судят о человеческих действиях. Да, мы даже испытываем это, потому что римские понятия права ещё действуют, например, там, где речь идёт о карме, большинство людей, которые исповедуют карму сегодня, представляют себе действие этой кармы так, будто существует некая потусторонняя справедливость, которая, согласно земным понятиям, награждает или наказывает, полностью в соответствии с римскими законами. Все святые и все сверхземные существа живут, собственно, в этих представлениях так, будто римские юридические понятия проникли в этот сверхземной мир.

Кто сегодня понимает, например, великую идею греческой судьбы? Такого персонажа как Эдип мы не можем понять в соответствии с римскими юридическими понятиями. Кроме того, под влиянием римских юридических понятий был полностью утрачен талант понимания величия трагедии. И эти римские понятия права проникли в нашу современную цивилизацию, они живут повсюду; они, по существу, сфальсифицировали в реальность то, что является воображаемым (*imaginär*), не образным, имагинативным (*imaginativ*), а воображаемым.

Поэтому нам должно быть абсолютно ясно, что мы, со своими идеями, фактически, оторваны от реальности, и что нам необходимо заново пронизать наши идеи реальностью. Поскольку наши понятия, по сути, пусты, нашей цивилизации ещё не хватает сознания того, что люди должны работать вместе на всём земном шаре. Мы нигде, собственно, не хотим обращать внимание на основу явления, мы везде хотим оставаться более или менее на поверхности.

Для этого я снова хотел бы привести вам пример. Вы знаете, что в прошедшие времена, скажем, в первой половине XIX века и немного позже, в различных парламентах мира, сформировалось два партийных направления, к которым, собственно, пока относились с довольно большим уважением: одно консервативное и другое либеральное партийное направление. Другие появившиеся партии добавились к этим двум основным партиям лишь позднее. Но видите ли, сегодня необходимо, чтобы через фразу доходили до сути, и чтобы относительно многих вещей запрашивали не то, что говорят об этом сами люди, которые эти вещи представляют, а то, что запрятано в подсознании людей. И тогда вы обнаружите, что те люди, которые поддерживают некоторые более консервативно окрашенные партии, являются теми, кто так или иначе имеет дело с сельским хозяйством, с заботой о земле, то есть, с изначальным членом человеческой культуры. Разумеется, на поверхности могут появиться всевозможные побочные явления. Я не говорю, что каждый консерватор должен быть аграрием, конечно, везде есть присоединившиеся, везде есть те, кто держится за какой-то принцип, исходя из фразы; но нужно видеть главное, а главным является то, что те, кто имеет интерес к поддержанию определённых форм структуры социального порядка, не позволяя им слишком быстро продвигаться вперёд, являются аграрным населением.

То же, что выходит больше из индустриальной области, что больше связано с работой, оторванной от деревни, является либеральным, прогрессивным. Таким образом, эти

партийные направления возвращаются к чему-то более глубокому; и нужно повсюду пытаться эти вещи выносить за пределы фразы, проникать от слов к вещам.

Но, в конце концов, всё это вещи, которые говорят нам только одно; что, по сути, мы слишком погружены в словесную культуру. Мы должны пробиваться вперёд, к предметной культуре (Sachkultur), к предметной цивилизации (Sachzivilisation), мы должны прийти к тому, чтобы не позволять себе обманываться словами, программами, словесными постановками задач, а видеть реальность, и прежде всего, мы должны видеть те реальности, которые лежат глубже, чем культура земли, культура города, или аграрная культура и индустриальная культура. А глубже лежат сегодня импульсы отдельных, распределённых по всей Земле членов человечества: американский член, идущий к космогонии, европейский член, идущий к свободе, азиатский член, идущий к альтруизму, к социализму.

Однако, пока, всё это развивалось странным образом. Англо-американская культура завоевывает мир. Необходимо, чтобы, завоевывая мир, она впитывала в себя то, что может прийти из завоеванных частей мира: импульсы свободы, импульсы альтруизма; поскольку сама она имеет только космогонический импульс. Она даже обязана своими успехами только космогоническому импульсу. Она обязана своими успехами тому обстоятельству, что можно мыслить космическими мыслями, как мы это часто обсуждали во время войны; что успехи пришли из сверхчувственных импульсов определенного рода с той стороны, которую другие понимать не хотели. Космогоническое не должно оставаться изолированным, но должно пронизывать себя областью свободы.

Чтобы понять это положение, конечно, необходимо далеко отойти от фразы и прийти к реальности. Поскольку тот, кто держится фразы, конечно, скажет: Но кто же тогда в последние годы представлял свободу больше, чем англо-американский мир! - Разумеется, словами ужасно много; но речь, ведь, идёт о том, как обстоят дела в действительности, а не о том, как они представлены словами.

Вы знаете, что здесь снова и снова я должен был сослаться на фразеологию вильсонизма. Эта фразеология вильсонизма долгое время была очень распространена в западных странах. Начиная с октября 1918-го года, она даже захватила Европу. Тут, правда, эта иллюзия продолжалась недолго, но она захватила центральную Европу. Здесь надо было постоянно упоминать об этом, и я помню, как всегда возникало небольшое движение, когда снова и снова на протяжении многих лет указывалось на безнадежность, пустоту и абстрактность того, что связано с именем Вудро Вильсона. Но теперь, похоже, даже в Америке начинают понемногу просматривать эту абстрактность и пустоту вильсонизма. Здесь речь шла не о международной оппозиции Вудро Вильсону; здесь речь шла не об антагонизме, исходящем из Европы, а об антагонизме, вышедшем из понимания наших цивилизационных сил. Речь шла о том, чтобы охарактеризовать вильсонизм как тип абстрактного, самого отдалённого от реальности человеческого мышления. Мышление Вильсона являлось таким односторонним потому, что оно приняло в себя американский импульс, не имея в себе импульса действительной свободы, - поскольку, ведь, говорить о свободе не означает реального присутствия импульса свободы, - и не имея в себе импульса действительного альтруизма.

То, что является среднеевропейской жизнью, лежит на дне, более или менее погружено в ужасный сон. В настоящий момент немцев призывают думать о свободе не просто так, как о ней красиво говорили фразеологически, когда люди задыхались от несвободы Людендорфа, а необходимость создаёт у них, конечно, некоторое понимание идеи свободы, но с парализованными душевными и телесными силами, с невозможностью каким-либо образом вызвать действительно интенсивные мысли. Мы делаем всевозможные попытки создания демократических структур, но у нас в Германии нет демократов, у нас есть республика, но нет республиканцев. Все это представляет собой явление, которое характерно для европеизма и с особой силой выступает в Центральной Европе.

А в восточной Европе: десятилетиями пролетариатом всего мира восхвалялась плодотворность марксизма. Ленину и Троцкому удалось этот марксизм применить на

практике: он истощит цивилизацию, что означает в то же время гибель цивилизации. И эти вещи только начинаются.

И тем не менее в Европе есть талант обосновать свободу идеально, спиритуально. Но эта Европа должна быть для этого дополнена до целого, посредством совместной работы с другими народами Земли.

В Азии мы видим, как заново засиял древний азиатский дух. Духовные лидеры Азии, — возьмите только, на что я уже указывал, пример Рабиндраната Тагора, - всей манерой своей речи показывают, что старый альтруистический дух никоим образом не исчез. Но ещё меньше, чем в прежние времена, существует вероятность того, что цивилизация будет достигнута с помощью этой одной трети из импульсов человеческой цивилизации.

Именно из-за всего этого сегодня говорят о таком множестве вещей, которые, собственно, принадлежат культуре упадка, но говорят так, будто они представляют что-то, что должно служить идеалом. В течение многих лет мы слышали, как провозглашается: у каждого народа должна быть возможность, - ну, я уж не знаю, - жить, по-своему или что-то в этом роде. - Теперь я вас спрашиваю: что такое сегодня для человека, если он честен и искренен, народ? В действительности, это фраза, это, ведь, не реальность. О народе можно говорить, когда говорят о народном духе, в том смысле, как это происходит в антропософии, если за ним стоит реальность, но не тогда, когда речь идёт об абстракции. А люди, которые говорят сегодня о свободе народов и так далее, имеют в виду абстракцию, потому что они не верят в реальность какой-то народной сущности. В этом заключается глубокая внутренняя неправда, перед которой сегодня склоняются, и которая заключается в том, что в реальность народной сущности не верят, но о свободе народа говорят, как если бы народ действительно что-то из себя представлял для сегодняшнего материалистичного человека. Что такое немецкий народ? Десятью миллионами человек, которых можно сосчитать! Это не замкнутая в себе народная сущность, в который верят люди. То же самое и с другими народами. Но об этих вещах говорят, и полагают, что говорят о реальностях, и внутренне лгут себе.

Напротив, реальность, когда говорят: англо-американское существо: стремление к космогонии; европейская существо: стремление к свободе; азиатское существо: стремление к альтруизму. - И теперь следовало бы попытаться охватить эти три частичные силы в мировом сознании, и из этого мирового сознания сказать себе: старая культура, стремящаяся к частичному, должна погибнуть, и стараться её сохранить означает, собственно, идти против своего времени. Нам нужна новая цивилизация на руинах старой. Руины старого будут становиться все меньше и меньше, и сегодняшнее время понимают только те люди, у которых есть воля и смелость для чего-то действительно нового. Новое, однако, не должно возникать ни из простого греческого или римского территориального сознания (Landbewußtsein), ни из земного сознания современного человека, но должно возникать из мирового сознания будущего человека, из того мирового сознания, которое снова от Земли обращается к космосу. Но мы не должны видеть этот космос глазами коперниканизма и галилеизма. Европейцы сумели математизировать земное окружение; но они не сумели создать действительную науку о земном окружении. В своё время Джордано Бруно несомненно был великим явлением, великой личностью; но сегодня нам нужно такое сознание, которое там, где он видел лишь математический порядок, воспринимало бы спиритуальный порядок, реальность. Американец на самом деле не верит в просто математический мир, в просто математический космос. Исходя из своей цивилизации, он стремится к знанию о сверхчувственных силах, хотя и на неверном пути. В Европе занимались самыми различными знаниями. Но когда Гёте, в свойственной ему манере, поставил вопрос: что такое наука? - дальше продвинуться оказалось невозможным; поскольку эта Европа не смогла найти возможность расширить до космогонии то, что можно узнать, скажем, о человеке. Гёте открыл метаморфозу: метаморфозу растения, метаморфозу животного, метаморфозу человека. Голова в его костной системе, - это преобразованный позвоночник и спинной мозг. Всё это хорошо. Но всё это должно привести к сознанию того, что эта голова является преобразованным человеком прошлой инкарнации, а человек

конечностей является заготовкой для последующей инкарнации. Действительная наука должна быть космической, иначе это не наука. Наука должна быть космической, космогонией, иначе эта наука не является чем-то таким, что даёт человеку внутренние импульсы, что поддерживает человека в жизни. Современный человек не может жить инстинктивно; он должен жить сознательно. Он нуждается в космогонии, и он нуждается в действительной свободе. Он должен не просто болтать о свободе, ему не нужно просто всё то, что является фразеологией свободы; ему нужно действительное вживание свободы в непосредственное бытие. Это можно достигнуть только на путях, ведущих к этическому индивидуализму.

И, конечно, характерно, что в момент публикации моей «Философии свободы» Эдуард фон Хартманн, получивший один из первых экземпляров этой книги, написал мне, что книгу следует называть не «Философия свободы», а скорее «Эпистемологическая феноменология (или феноменология теории познания) и этический индивидуализм». Хорошо; это было бы длинное название, но не было бы ничего плохого, если бы она называлась этическим индивидуализмом; поскольку этический индивидуализм есть ни что иное, как личная реализация свободы. Ведь, лучшие люди совершенно не понимали, что импульсы времени требовали чего-то вроде того, что содержится в этой книге «Философия свободы».

Теперь взглянем на Азию: Азия и Европа должны учиться понимать друг друга, и Азия и Америка также должны понимать друг друга. – Но, если будет продолжаться так, как было до сих пор, они никогда не поймут друг друга. Азиаты, смотря на Америку, видят, что там, собственно, только один механизм внешней жизни, государства, политики и так далее. Азиаты не чувствуют эти механизмы, азиаты чувствуют лишь то, что исходит из импульсов глубин человеческой души. А европейцы, ведь, тоже немного занимались тем, что такое азиатский дух, азиатская духовность, но можно сказать: пока большого понимания они не достигли! Они также, ведь, не пришли и к согласию, и по тому, как не было достигнуто это согласие, можно было видеть, что они действительно не знали, как привнести в европейскую культуру понимание того, что является настоящими импульсами азиатской культуры. Подумайте только о Блаватской: она хотела внести в европейскую культуру много всего из индийской и тибетской культур; не всё, из того, что она пыталась внести, безусловно. По-другому попытался привнести азиатскую культуру в Европу Макс Мюллер. Многие из того, что отсутствует у Макса Мюллера, можно найти у Блаватской; а то, что отсутствует у Блаватской, - у Макса Мюллера. Уже из оценки, сделанной Максом Мюллером в отношении Блаватской, хорошо можно видеть, насколько мало тут было проникнуто в суть предмета. Макс Мюллер считал, что Блаватская принесла в Европу не настоящий образ индийского духа, а лишь имитацию, и он вынес эту оценку, посредством образа, сказав: «Если бы люди увидели свинью, которая бы просто хрюкала, они бы не удивились; но если бы они увидели свинью, говорящую как человек, они были бы поражены. - Ну, согласно этому образу, надо полагать, что он имел в виду, что сам он со своей азиатской культурой хрюкает как свинья, а у Блаватской дело обстоит так, будто свинья начала говорить, как человек. На мой взгляд, как раз, хрюканье свиньи выглядит не слишком интересным, но эта свинья безусловно вызвала бы интерес, если бы она, вдруг, начала ходить и говорить, как человек. Таким образом, уже этот образ показывает, что искалось сравнение, собственно, полностью парившее в отвлечённом. Но сегодня люди не обращают на это внимания, и когда вы, не стесняясь, подчеркиваете смехотворность таких вещей, люди думают, что вы не должны этого делать по отношению к такому, как говорят, признанному авторитету, как Макс Мюллер; это не прилично. Но пришло время, когда мы должны говорить, как раз, честно и искренне. И эта честность, и искренность делает необходимым то, что мы без прикрас представляем такие вещи, как эти цивилизационные тайны современности: англо-американизм обладает талантом к космогонии; у Европы есть талант к свободе; у Азии есть талант к альтруизму, религии, социально-экономическому порядку.

Эти три настроения должны слиться для всего человечества. Мы должны стать людьми мира, и действовать с точки зрения людей мира. Тогда, в конце концов, придёт то, что время действительно требует.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 11 октября 1919 года

Уже поздно, поэтому сегодня лекция будет недолгой, а главное, что я должен сказать в этих трёх лекциях, перенесём на завтра. Завтра, ведь, эвритмия будет проведена раньше, и тогда можно будет уделить лекции больше времени.

В последний раз я обращал ваше внимание на необходимость дифференциации различных масс народов Земли, - для овладения того, что лежит в нашей современной закатывающейся цивилизации, - в зависимости от того, что живёт в этих отдельных массах народов, а именно, что живёт в англо-американских народах, в непосредственно европейских народах и в народах Азии. И мы видели, что предрасположенность к основанию современной космогонии мы находим, прежде всего, у англо-американских народов; предрасположенность к формированию импульса свободы - у европейских народов; затем предрасположенность к формированию импульса альтруизма, импульса религиозности, и того, что вместе с этим связано с человеческим братством, - у народов Востока. Новую цивилизацию будущего можно создать не иначе, как посредством действительного сотрудничества людей всей Земли. Но чтобы это стало возможным, чтобы было возможно действительное сотрудничество, - для этого нужны различные вещи. Для этого нужно, чтобы действительно непредвзято было увидено то, что не хватает современной цивилизации, что составляет упаднический импульс в нашей современной цивилизации. Эти силы, присутствующие в нашей цивилизации, нельзя рассматривать, скажем так, что говорят: всё плохо. - Это было бы, во-первых, не исторически, во-вторых, это не приведёт ни к чему позитивному. Те импульсы, которые содержатся в нашей цивилизации, в какое-то время и каком-то месте были полностью правомерны. Но всё то, что в историческом становлении человечества ведёт к гибели, ведёт к гибели потому, что то, что когда-то и где-то было правомерно, переносится в другое время и на другое место; и потому что люди, из-за определённых ариманических и люциферических побуждений, пытаются удержать то, к чему они привыкли, и не хотят принимать участие в действительном, требуемом космогонией прогрессе человечества.

Наше время гордится своей научностью. Но всё же из этой научности проистекают также и все большие социальные заблуждения нашего времени. Поэтому пора уже основательно осветить механизм мышления и механизм деятельности, поскольку, ведь, эта современная деятельность полностью зависит от современного мышления.

В ходе вчерашнего рассмотрения мы обращали наше внимание на то, что общая культура Земли составляется из научной культуры, из политическо-либеральной (политически-свободной) культуры и из альтруистическо-экономической культуры, которая, собственно, сводится к альтруистическо-религиозному элементу. Когда люди сегодня, - на что я уже указывал, - рассматривают силы, действующие в нашей социальной структуре, они остаются на поверхности, они не хотят проникать вглубь. С наших учебных кафедр лекторы вещают об экономической мудрости тем способом, который извлечён из современного естественно-научного метода. При этом, как некая несъедобная каша, рассматривается только то, что живёт в человеке, и что движет человеческие души и человеческие существа. Но не рассматривается реальное, фактическое.

Остановимся вначале на культуре Европы. Какова основная черта этой культуры Европы? Если попытаться проследить эту черту культуры Европы, то, если иметь желание её действительно понять, надо углубиться довольно далеко в прошлое. Надо прояснить для себя, как из импульсов первичного древнего кельтского населения, благодаря тому, что

позднее в него влились различные слои народностей, которые на основании европейского бытия ещё продолжают существовать, сформировалось это европейское население, со всеми его религиозными, политическими, экономическими и научными импульсами. В Европе, по сути, в противоположность американскому Западу и азиатскому Востоку, всегда господствовал определённый интеллектуализм. То, что я вчера назвал романизмом, романским элементом, не смогло бы так возвыситься, если бы в европейской цивилизации не было, в качестве основной черты, интеллектуализма. Но для интеллектуализма свойственны две вещи: во-первых, он не может безоговорочно вытеснить из себя религиозные импульсы. Религиозные импульсы под влиянием интеллектуализма всегда приобретают абстрактный характер. Столь же мало интеллектуализм может развиваться в действительную движущую силу, направленную в практическую экономику. На примере экспериментов, проводимых сейчас в России, будет видно, насколько невозможно европейскому интеллектуализму навести порядок в экономической жизни. То, что образует ленинизм, - это, ведь, чистейший интеллектуализм. Всё это вымышлено, тут социальный порядок сконструирован из мышления. И будет сделана попытка по каплям ввести эту состряпанную из мышления социальную систему в реальные отношения, существующим между людьми, и с течением времени будет ужасным образом показано, насколько это невозможно, ввести интеллектуально вымышленное в человеческую социальную структуру.

Сегодняшние люди ещё не хотят видеть эти вещи в полную силу. В этом европейское население проявляет эту свою ужасную черту сонливости, эту неспособность целиком поспевать за тем, что так необходимо, что сегодня пронизывает общественную жизнь Европы. Но то, что можно увидеть прежде всего, так это следующее: то, что, собственно, питает эту европейскую цивилизацию, откуда эта европейская цивилизация берёт свое начало. Сама по себе, своим собственным существом, эта европейская цивилизация произвела только интеллектуальную культуру, культуру мысли. Сухость и трезвость мысли господствует в нашей науке; он господствует также и в наших социальных институтах.

Мы, ведь, переживали этот интеллектуализм в европейских парламентах на протяжении многих, многих десятилетий. Можно было почувствовать, как через все эти европейские парламенты проходила эта интеллектуалистическая точка зрения полезности, лишённый вдохновения элемент, в котором отсутствовала пробивная сила как для религиозных импульсов, так и для для каких-либо экономических импульсов! Подумайте только, как мы получили нашу религиозную жизнь. Мы получили её таким образом, что из всего исторического распространения этой религиозной жизни видно, что в самой Европе не было никаких религиозных импульсов. Подумайте, каким трезвым, каким бесконечно трезвым был мир, когда расширялась Римская империя, - прозаично трезвым до крайности. И это, ведь, было только начало. Представьте себе на мгновение, во что превратилась бы Европа, если бы романская культура с ее прозаической трезвостью нашла своё продолжение без импульса, пришедшего с азиатского Востока и являющегося религиозным импульсом: без христианского импульса. То, что возникло из утробы Востока, - и что могло возникнуть только из утробы Востока, и никогда из утробы Европы, - религиозный импульс, как волна культуры и цивилизации, пришло с Востока. Европа, ведь, не сделала ничего, кроме как втиснула римские понятия права в этот религиозный импульс, пришедший с Востока, пронизала этот восточный импульс трезвыми, абстрактно-интеллектуальными, юридическими формами.

По сути, восточный религиозный импульс был чем-то чуждым для европейской жизни; и он остался ей чем-то чуждым. Он никогда не был полностью растворён в европейской сущности. И в протестантизме он был, так сказать, странным образом изолирован, как в пробирке. Как в пробирке наблюдается разделение субстанций, так и в европейской цивилизации это происходит относительно её религиозного характера. В 6-ом, 7-ом, 8-ом, 9-ом, 10-ом столетиях был, как бы, поставлен опыт формирования внутреннего единства религиозного чувствования, ощущения и научного, экономического мышления. Но затем, действительно, как в пробирке разделяются две субстанции, трезвое мышление

интеллектуализма и религиозный импульс разделились и, наконец, пришёл протестантизм, лютеранство. Наука - одна истина на одной стороне, вера - другая истина на другой стороне. Обе не должны больше смешиваться! Даже видели святотатство в попытках пронизать содержание веры мыслительным содержанием, мыслительное содержание согреть содержанием веры. А затем пришло наитрезвейшее, кёнигсбергское, кантианство, которое, наряду с критикой чистого разума, представило критику практического разума, моральное рядом с научным, благодаря чему образовалась ужаснейшая пропасть между тем, что в человеческой природе должно проявляться и переживаться как единство. И европейская цивилизация, собственно, живет в этих условиях до сих пор. И в этих условиях европейская цивилизация также будет все больше и больше приходить в упадок. Как нечто чуждое был принят этот религиозный импульс с Востока, и он не образовал органического единства с остальной духовной и физической жизнью Европы. Это следует сказать в отношении интеллектуальной жизни Европы.

Видите ли, прогрессу современной цивилизации было дано достаточно похвал. Его хвалили до тех пор, пока миллионы людей внутри этой цивилизации не были убиты, и втрое больше искалечены. Со всех церковных кафедр лились елейные речи до тех пор, пока не потекли реки крови. Со всех учёных кафедр провозглашался хвалёный прогресс, пока этот прогресс не привел ни к нулю. Оздоровления не наступит, пока человек не взглянет на эти вещи без предубеждения. И сегодня приходят ленинисты и прочие, и размышляют о социализме, об экономизме, и, исходя из тех понятий, которые уже давно оказались неадекватными для управления европейской цивилизацией, без каких-либо новых понятий, без переосмысления, хотят реформировать наш экономический порядок, наш социальный порядок.

Мне кажется, я уже говорил здесь однажды, к каким прекрасным понятиям приходят наши учёные господа, например, в этой области. Это настолько прекрасно, что я хочу обговорить здесь эти вещи еще раз. Есть такой известный экономист Луйо Brentано. Некоторое время назад появилась его статья «Предприниматель». Brentано пытается сконструировать понятие капиталистического предпринимателя. Он объединяет характеристики капиталистического предпринимателя. Третья характеристика, упомянутая Луйо Brentано, заключается в том, что предприниматель использует средства производства на свой страх и риск для того, чтобы служить человечеству. Затем добрый Луйо Brentано, исследуя роль обычного рабочего в общественной жизни, говорит: средством производства рабочего является его физический труд; и он использует его на благо общества на свой страх и риск. То есть, рабочий - это предприниматель. Нет абсолютно никакой разницы между предпринимателем и работником, оба представляют собой одно и то же! - Не правда ли, то, что сегодня называют научным мышлением, стало настолько запутанным, что, когда люди формируют понятия, они больше не могут видеть различия между двумя противоположными полюсами.

При этом у Brentано это ещё не так легко заметить, как, например, у одного профессора философии из Берна, который, среди прочего, пишет так много книг, и которому приходится писать так быстро, что у него нет возможности для тщательного обдумывания того, что он пишет. Но он читал лекции по философии в Бернском университете. И вот, в одной из книг этого профессора философии из Берна также была фраза: Цивилизация может развиваться только в зоне умеренного климата, потому что она не может развиваться на Северном полюсе, - там она замерзнет насмерть - и она тоже не может развиваться на Южном полюсе, потому что там слишком жарко, в отличие от Северного полюса, там бы цивилизация сгорела! - Это действительно так и было, что рядовой профессор философии написал в своей книге, что на Северном полюсе холодно, а на Южном - жарко, потому что он писал так быстро, что у него не было времени это обдумать!

Национал-экономические ошибки Brentано в основном порождены той же поверхностной точкой зрения, как и многое в Европе. Потому что человек рассматривает то, что есть, как данное, и связывает свои понятийные схемы с тем, что находится перед ним.

Этому учатся из естественно-научного метода, это практикуется в научных учреждениях, и это то, что люди говорят сегодня, в наше время, - в котором, конечно, ничего не дается без авторитета! - принимая это на веру. Потому что, если вы слышите, что сегодня кто-то является авторитетом, то это уже основание полагать, что он говорит правду! Человек принимает это как истину не из собственного понимания, а потому, что это сказано авторитетом. И экономические факты также рассматривают так, будто они равнозначно стоят один рядом с другим, в то время как в действительности они являются вложенными друг в друга элементами, которые надо рассматривать по отдельности.

Подобно тому, как европейская цивилизация имела религиозный импульс с Востока, для экономической структуры Европы снова нужно было нечто другое. было необходимо кое-что еще. Когда приближался пятый послеатлантический период, к середине 15-го века, то это было также время, когда произошли те события, которые придали всей современной цивилизации её основной характер, дали ей лицо лицо: открытие Америки, открытие морского пути через мыс Доброй Надежды в Ост-Индию; что дало отпечаток всей современной цивилизации. И всё экономическое развитие Европы нельзя изучать, исходя из него самого. Бессмысленно полагать, что, изучая экономические факты, можно обнаружить экономические законы, управляющие европейским обществом. К этим законам можно прийти, только если постоянно брать в учёт то, что из Европы бесчисленное количество вещей могло быть перемещено в Америку. И вся социальная структура Европы возникла только потому, что там, в Америке, постоянно появлялись новые земли, и в эти новые земли перетекало то, что Европа посылала на Запад. Подобно тому, как она получила свой религиозный импульс с Востока, она посылала свой экономический импульс на Запад. В режиме этого течения развивалась её собственная экономика, так же, как её духовная жизнь развивалась под притоком религиозных импульсов с Востока. Европейская жизнь, весь процесс становления европейской цивилизации, развивались на протяжении веков до наших дней под влиянием этих двух течений. Тогда европейская цивилизация была посередине, тогда религиозный импульс приходил с Востока (см. рис. 4, фиолетовый), а экономический импульс перетекал на Запад (красный). Приток религиозных импульсов с Востока, отток экономических импульсов на Запад - вот что жило в становлении европейской цивилизации.

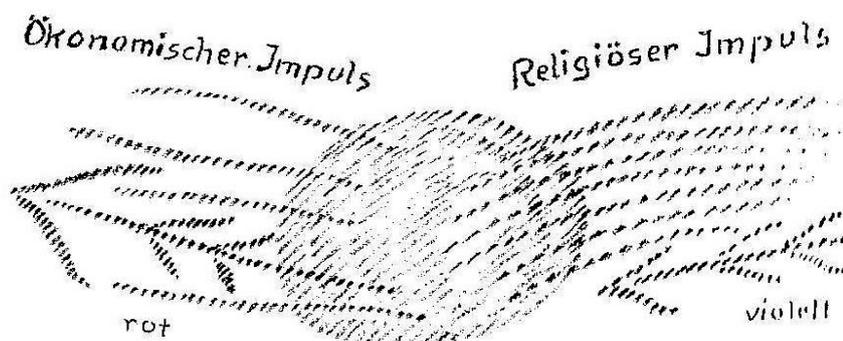

Рис. 4

И на рубеже 19-го и 20-го веков это достигло определённого кризиса. Начался застой. Всё начало идти не так, как шло в продолжении четырёх столетий. И под влиянием этого застоя мы стоим и живем сегодня. Подобно чему-то чуждому, проник религиозный импульс и создал нашу духовную жизнь. А наша экономическая жизнь возникла в результате того, что она постоянно испытывала разжижение. Если бы Америки не было, и наша экономика возникла бы по своим собственным законам, если бы она не могла постоянно выбрасывать из себя то, что ей не нужно, она не смогла бы развиваться в Европе. Сейчас происходит застой. Поэтому должен быть найден внутренний выход. Изнутри должна быть найдена

возможность вывести на правильный курс то, что стало невозможным пространственно снаружи.

Это должно произойти, благодаря трёхчленности. Это должно произойти посредством того, что то, что было внедрено не органично, теперь будет внедрено действительно органично. Для принятия трёхчленности социального организма имеется не одна причина, а множество всевозможных причин; имеется научные, экономические, исторические причины, и о правомерности трёхчленности социального организма в полной мере в состоянии судить только тот, кто видит все эти различные причины.

И это хотелось бы сказать людям современности; поскольку эти люди в настоящее время страдают от понятийной нищеты, которая постепенно стала, как раз, ужасающей. Эта понятийная нищета действительно стала такой, что любой, кто сегодня обладает чувством для идей, обнаруживает, что в нашей духовной жизни господствует, собственно, лишь очень небольшая сумма идей, которые можно найти повсюду. Тот, кто ищет идеи, работает так: он изучает предмет физики; в этом предмете есть определенная сумма идей. Потом он изучает, скажем, геологию; он обнаруживает в ней другие факты, но находит всё те же идеи. Затем он изучает биологию, он опять находит другие факты, но те же идеи. Он изучает книгу по психологии, которая имеет дело с жизнью души: он находит другие факты, которые, собственно, состоят только из слов, поскольку, ведь, душу знают только как сумму слов. Когда говорят о воле, то есть слово; о реальной воле не знают ничего. Когда говорят о мышлении, - о реальном мышлении не знают ничего, потому что люди думают ещё только словами. Ничего не знают и о чувствах. Вся область психологии сегодня представляет собой игру со словами, которые, как бильярдные шары, сталкиваются друг с другом самым разнообразным образом: как в калейдоскопе стекляшки образуют различные группы, так же происходит и с нашими понятиями. Они по-разному перемешаны в наших различных науках, но это лишь очень небольшая сумма идей, которые появляются перед вами снова и снова, и которые набрасываются на факты. И люди не заставляют себя искать для этих вещей подходящие понятия, исследовать для этих вещей подходящие идеи! Эти вещи просто не замечаются.

Некоторое время назад в одном из городов Центральной Европы проходил съезд радикальных социалистов. Эти радикальные социалисты были озабочены созданием такой социальной структуры, которая должна была быть в Европе. Это примерно та же социальная структура, о которой вы можете прочитать в серии статей в базельской «Vorwärts» («Вперёд»). В чем особенность этой социальной структуры? Люди находят её такой превосходной, что, кажется, иначе и быть не может. Но она кажется такой только потому, что её создали люди, которые никогда не имели ничего общего с реальной экономической жизнью, которые никогда не знали реальных источников и движущих сил экономической жизни. Её создали люди, на протяжении последних десятилетий принимавшие участие в политической жизни. Как принимали участие в политической жизни в последние десятилетия? Ну, либо в качестве избирателя, либо в качестве избранного. Как кандидат человек избирается либо в результате элементарных выборов, либо во втором туре выборов. В результате элементарных выборов вы, скажем, ещё не выбраны; но вы потратили огромные деньги на голосование. Были проведены сборы, собрана огромная сумма, чтобы заполучить достаточно избирателей для своего избрания. Эти суммы были потрачены. Вы ужасно поносили своего партийного оппонента; он был подлецом, негодяем и обманщиком, если не того хуже. Теперь настает время голосования. До сих пор ни у одной партии не было большинства; теперь речь идёт о том, чтобы выбрать кого-нибудь из тех, кто имел относительное большинство. Тут следует другая процедура: тут треть потраченных на выборы денег оппонентом, который до этого был мошенником, негодяем, мошенником, возвращается! Вы получили их обратно, и внезапно превращаетесь в оратора, который говорит: всё-таки, необходимо, чтобы этот человек был избран! - Тот, кто раньше был негодяем, проходивцем, обманщиком, теперь должен быть избран. Вам вернули треть денег за голосование, и постепенно, благодаря этой заинтересованности в возвращении трети денег

за голосование, вы превращаетесь в того, кто теперь выступает за него. Поскольку избран должен быть только один из двух, у другого нет никаких перспектив; он может получить только, самое большое, треть денег для голосования.

Итак, вы принимали участие в этой политической жизни; вы участвовали в том, как пробиваются в политическое руководство. Вы научились тому, как ведётся руководство из ведомств, и так далее, короче говоря, вы познакомились со всей политической машиной, но не ощутили даже запаха экономической жизни. Те политические понятия, которые вы теперь приобрели, - понятия, конечно, очень коррумпированные, но, в любом случае, они являются политическими понятиями, - вы теперь просто переносите в экономическую жизнь. Итак, если вы проделаете всё это, вы получите экономическую жизнь с чисто политической структурой. Структуру экономической жизни уже путают с политической структурой, настолько мало люди могут различать то, что постепенно внедрялось друг в друга. Но уже сегодня необходимо, чтобы во многих, многих местах распространялось понимание того, что есть на самом деле. Но в это сегодня люди вдаваться не хотят.

И смотрите, как раз от этого очень сильно страдало старое теософское движение. Чем было это старое теософское движение, как не, своего рода, особой религией! Оно не несло в себе нового импульса, который вышел бы из самой цивилизации Европы, а состояло только из чувств, которые содержались также и в старом религиозном элементе. Просто эти старые религиозные понятия, идеи и чувства наскучили, и потому обратились к другим вещам. Но они были пронизаны той же атмосферой, которая пронизывала и старые верования. Члены этого движения хотели быть благочестивыми так же, как были благочестивы на евангелический лад, если человек был евангелистом, или на католический лад, если человек был католиком; но, в принципе, они не хотели того, что требовалось: настоящего нового религиозного импульса, наряду с другими импульсами, - потому что европейское население привыкло к такой жизни, посредством чуждого, азиатско-религиозного импульса. Вот что здесь важно. И пока те вещи, которые были переплетены неорганически, не будут переплетены органически, не будет и никакого подъема европейской цивилизации. Мы должны отнестись к этому чрезвычайно серьезно, и это должно проникнуть в то, что должно жить в науке, экономике, религиозности и политической жизни.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 октября 1919 года

В этих рассматриваниях я с самых различных точек зрения показал, как то, что обычно воспринимается как разыгрывание истории человечества, во многих отношениях является поверхностным взглядом на вещи. Теперь, чтобы понять условия настоящего, особенно важно не впадать в какие-либо иллюзии относительно этого поверхностного взгляда на новое историческое развитие человечества. Мы ни в коем случае не должны предполагать, что то, что разворачивается в наше время, и что я хотел бы сейчас обозначить как последняя фаза исторического развития, которая приходится на пятый послеатлантический период, справедливо для всего хода человеческой истории. Так себе это представлять мы не должны. Но для этой последней фазы действительно то, что я теперь хотел бы сказать.

Со стороны социализма, ведь, указывается, что весь ход истории человечества, в соответствии с его реальностью, следует искать, собственно, только в экономических процессах, в процессах экономической жизни, в классовой борьбе, которая является результатом процессов экономической жизни. На основе этого экономического мира фактов, так сказать, развилась бы надстройка, которую мы видим развивающейся в праве, морали, духовной жизни в целом, то есть, в искусстве, религии, науке и так далее. Для всего хода истории человечества, это конечно, глупость, но нужно спросить себя: как возникла эта

глупость? - Эта глупость возникла, благодаря тому, что на этой, обозначенной как последняя, фазе человеческого развития, то есть, для новейшего времени, в основании этой вещи действительно лежит нечто истинное. Среди событий, которые привели к этому новейшему времени, мы выделяем упомянутые вчера потрясения в ходе развития Земли, которые произошли в результате открытия Америки и открытия морского пути в Ост-Индию. Но мы выделяем эту новейшую фазу человеческого развития также и, благодаря великому духовному перевороту, который произошёл в начале этого новейшего времени, и который мы называем Реформацией.

Сегодня необходимо уяснить себе то, чем, собственно, была эта реформация. И, как раз, если углубиться во всё то, что мы уже подготовили вчера, и что даёт нам более глубокий, а не поверхностный взгляд на историю, можно обнаружить, что то, что на первый взгляд предстаёт нам как духовный переход в начале нового времени, то есть, Реформация, во многом основывается на чём-то таком, что, по сути, всё же носит экономический характер. И, как раз, из этого взгляда на экономическую основу Реформации, при одностороннем рассмотрении со стороны социализма оказалось, что всё историческое развитие является, собственно, только результатом классовой борьбы и экономических фактов.

Если рассматривать в свете истины, а не в свете иллюзий то, что произошло и что претерпело метаморфозы в результате Реформации в начале новейшего исторического развития, то следует сказать: безусловно, произошло мощное преобразование слоёв населения, довольно быстрая реорганизация слоёв населения в начале нового времени. Эта реорганизация слоёв населения произошла потому, что до Реформации, особенно в Западной Европе, землёй владели одни люди, а после Реформации - другие. Поскольку влиятельные люди, которые в определенном смысле были определяющими для социальной структуры до Реформации, в результате Реформации потеряли свое господство. Гораздо больше, чем можно было бы подумать, вся земельная собственность до Реформации в самом широком смысле зависела от господства священников. Господство священников до Реформации было решающим для экономических условий. Те, кто владел землей, владели ею в значительной степени, как бы, под покровительством властей, так или иначе связанных с Церковью.

Если перепроверить исторический процесс и взглянуть на него, возможно, менее идеалистично, но более правдиво, можно обнаружить, что с Реформацией почти по всей Европе старая церковная собственность и собственность духовенства была изъята у владельцев и передана светским правителям. Так, в основной своей массе, было в Англии; так, также в основной своей массе, было и в более поздней Германии. В более поздней Германии большая часть территориальных князей перешла на сторону Реформации. Но это был не всегда - чтоб не выразиться слишком язвительно - энтузиазм от Лютера или других реформаторов, а это был голод по церковным благам, стремление к секуляризации церковных ценностей. Необъятная церковная собственность средневековья перешла к светским, территориальным князьям. В Англии это произошло так, что у большей части владельцев земли, их собственность была экспроприирована, и они эмигрировали в Америку. Большая часть переселенцев в Америку - о причинах этого, с другой точки зрения, мы указали вчера, - были экспроприированными землевладельцами Европы. Таким образом, экономические условия сыграли в значительной степени решающую роль в той метаморфозе недавнего исторического развития, которую обычно называют Реформацией. Поверхностному взгляду эти вещи предстают примерно так, что говорят, что в человеческие души должен был войти новый дух, что старое церковное правление слишком сильно связывала мирские элементы с духовными, и что вообще необходимо было найти более духовный путь ко Христу, и так далее. Рассматривая же немного глубже, немного менее поверхностно, в передаче духовной собственности мирским людям обнаруживается экономическая смена слоёв.

Но это связано с очень широко охватывающим фактом всемирно-исторического развития, и только что приведённые отдельные факты новейшей истории можно понять, только если оглянуться назад на более широкий диапазон человеческого развития. Тут нам нужно взглянуть только на ту фазу человеческого развития, которую мы называем египетско-

халдейским периодом, который, как вы знаете, закончился в середине 8-го века до н.э., и за которым следует греко-латинский период, который длился примерно до середины 15-го века.

Если мы вернемся к древнеегипетской, древней халдейской культуре, то в качестве непосредственно правящих сил у нас будет нечто совершенно иное, нежели то, что мы имели позднее. Сегодня люди очень мало отдают себе отчёт о великих потрясениях, произошедших в ходе исторического становления. Фактически правящими силами этого древнего времени, которое закончилось примерно к середине 8 века до нашей эры, были люди, которых в старом стиле духовной науки можно было назвать инициированными, посвященными. Ведь, все египетские фараоны до определенного момента времени были посвященными. Они были посвящены в тайны космологии и смотрели на то, что им нужно делать на Земле с точки зрения космологии. У современных людей, если кто-то говорит что-то подобное, возникают определенные трудности понимания по той простой причине, что современный человек, исходя из своего сознания, говорит: да, но фараоны, а также, так называемые, халдейские посвященные, ведь, сделали много в высшей степени спорных вещей! - Конечно, можно было бы возразить, что и современные непосвященные правители делают некоторые вещи, которые не совсем соответствуют высшим моральным понятиям, но это, конечно, было бы здесь слабым возражением. Однако следует отметить, что за пределами чувственного мира существуют не только добрые боги, а есть также боги, которые действуют полностью вопреки тому, что обычно считается интересами людей. Так что ни в коем случае нельзя думать, что настоящий посвященный может действовать только из хороших побуждений. Если говорить в том смысле, в каком это делаю сейчас я, о том, что фараоны являлись инициированными, то нужно просто уяснить себе, что они действовали, исходя из духовно-спиритуальных побуждений. В их воле жили духовно-спиритуальные импульсы. То, что иногда это могло быть очень плохо, не отрицает тот, кто в нашем смысле познал то, что лежало тогда за чувственным миром как божественно-духовные силы, силы сверхчувственной природы. Но именно посвященный, который мог принять не только в своё сознание, но и в свою волю то, что давали божественно-духовные силы, был настоящим правителем до середины 8-го века до нашей эры. Затем началось время, о котором можно сказать, если избавиться от различных иллюзий, пропитывающих нашу общую историю, что настоящим правителем был священник. Светские правители, даже если они были Карлом Великим, в большей или меньшей степени зависели от духовенства. Даже в средние века европейской цивилизации власть духовенства была решающей в гораздо большей степени, чем это принято думать. Она проявлялась во всём, и, прежде всего, она была тем элементом, который был решающим также для социальной структуры. И люди, которым принадлежала земля, получали её, собственно, по большей части от священства. То, что в древние времена до середины 8-го столетия до нашей эры было армией, - это была армия на службе посвящённых. То, что стало армией в четвёртом послееатлантическом периоде, в греко-латинском периоде, с середины 8-го до середины 15-го века нашей эры, было армией священничества. И такие мероприятия, как крестовые походы, были, по сути, военными мероприятиями по заказу духовенства, если можно так выразиться. То, что делалось, было каким-либо образом связано со священническим правлением.

Итак, мы можем сказать: тип инициированного был правящим типом в египетско-халдейский период, тип священника был правящим типом с середины 8-го века до нашей эры до середины 15-го века нашей эры. С этого времени доминирующим фактором действительного исторического развития стал экономический тип человека. Имена, по сути, не имеют значения. Чем дальше вы продвигаетесь в истории человечества, тем меньше значение имеют имена. Но что давало определенную основу для правления, так это возможность вмешательства в экономику. Подобно тому, как у священника, у посвященных в древности являлось важным, чтобы эти соответствующие правящие типы людей могли влиять на экономические отношения, - но они делали это с более высокой точки зрения, - так и в новейшее время экономический тип людей может влиять, по сути, на всё, что касается социальной структуры.

Но это также связано с кое-чем другим. Для инициированного типа правителя я уже указывал вам это. Тип инициированного правителя действует через свою волю, принимая в эту волю спиритуальные импульсы высших миров. У типа священника это уже не так. Тип священника, по сути, реализует не спиритуальную жизнь; тип священника реализует интеллектуальную жизнь. Поэтому и в той цивилизации, где преобладает тип священника, в европейской цивилизации, преобладающим, самым существенным является интеллектуальное.

В Азии, на Востоке важна не интеллектуальная, а спиритуальная жизнь. Поскольку, пусть даже то, что сегодня там ещё остается цивилизацией, пришло в сильный упадок, в любом случае, это остаток того, что когда-то было инициированной культурой, спиритуальной культурой. Когда религиозный импульс Востока был перенесен в Европу, он перешёл в интеллектуалистическое рассмотрение духовенства. Из посвящения в реальные факты, в духовный мир, интеллектуальная обработка фактов духовного мира стала теологией. Теология - это интеллектуальная обработка фактов духовного мира. Но и этот тип священника, который интеллектуально обрабатывал факты духовного мира и провозглашал их в интеллектуальной форме, так что люди, собственно, получали только интеллектуальный религиозный элемент, также в начале нового времени был заменен, в своём реальном значении, экономическим типом человека. В отдельных явлениях, как раз, можно увидеть, как возникает этот экономический тип человека. Об этом мы сейчас и поговорим.

Но сначала, конечно, нужно спросить себя: как же получается так, что происходят такие значительные преобразования в ходе исторического развития? В основе этого лежит нечто, что, в свою очередь, делает необходимым не останавливаться на поверхностных наблюдениях за исторической жизнью, а идти глубже. Если сегодня немного окунуться в то, что называется историей, то окажется, что те, кто пишет историю, предполагают, что в ходе этой истории в духовном развитии человека, собственно, не произошло никаких значительных изменений. Материалистические мыслители думают: когда-то давным-давно по Земле бродили обезьяны, такие обезьяноподобные существа; затем из этих обезьяноподобных существ, посредством всевозможных процессов, хотя и очень медленно, - но медленно делает это сегодня наука, - возник человек. Каким человек появился, таким, относительно своих состояний сознания, относительно своей душевной конституции (*Seelenverfassung*), он и остался, - изменилось немного. Сегодняшний человек, вероятно, представляет себе древнего египтянина немного похожим на ребёнка, потому что он был ещё не таким «умным» и ещё не так много знал, сколько знает человек сегодня; но в целом современный человек представляет себе душевную конституцию древнего египтянина такой же, как у самого себя. Тем не менее, если мы вернёмся к временам, лежащим ранее 8-го века до нашей эры, то тогда душевная конституция человека очень и очень отличалась от того, что было позже, после середины 8-го века до нашей эры.

Если взять конфигурацию души современного человека и знать только её, то, собственно, нельзя получить никакого представления о том, что жило в душе такого человека, жившего до 8-го века до нашей эры. Эти люди были такими, что у них ещё была живая связь со своим предыдущим воплощением. Если они не принадлежали к племенам, говорящим на иврите, - там было немного иначе, - а принадлежали к широкому кругу, так называемых, языческих народов, то переживаемое в их душах, определено было для них результатом предыдущих воплощений, предыдущих земных жизней, и они ясно осознавали, что то, что они переживали в своей душе, было спиритуальным переживанием духовных миров. Для таких людей не было сомнений в том, что большая их часть не была унаследована от отца и матери, а спустилась из духовных миров и соединилась с тем, что пришло от отца и матери. Эти люди имели душевное состояние, полностью основанное на спиритуальной культуре. Поэтому и то, что было для них общественной жизнью, также направлялось и ориентировалось теми, кто был инициирован, кто в определённой степени был посвящён в духовные факты не интеллектуально, не посредством мыслей, а реально. В то время, когда говорили человеку о спиритуальных фактах, говорили как о чём-то таком, что было

говорящему хорошо известно. Собственно, все люди представляли себя кентаврами. То, что было их физическим телом, они действительно представляли себе как возникшее в результате телесного наследования; но затем внутрь этого вошло то, что спустилось из духовного мира. Это знал каждый; каждый представлял себя, своего рода, кентавром.

Затем пришло время, которое начинается с 8-го века до нашей эры, примерно с основания Рима. В это время, - мы уже рассматривали тот же факт с других точек зрения, - реальная спиритуальная связь была утеряна. Но для интеллекта человека ещё оставалась определенная спиритуальная связь с духовными мирами. Человек больше не представлял себя собственно кентавром, то есть, таким образом, что действительно высшая спиритуальная сущность спустилась в то, что появилось в результате кровной наследственности; но человек ясно осознавал, что его интеллект, мир его мыслей, не связан с его кровью, не связан с его физической телесностью, а имеет духовное происхождение.

Трудно понять великого философа Аристотеля, если не знать, что Аристотель, называя высшую часть человеческой души Дианоэтикон¹, ясно осознавал: эта высшая часть человеческой души, которая является интеллектуальной, словно капля дождя, опускается (heruntergeträufelt) из духовно-духовных миров. Аристотель знал это точно. Да, люди хорошо знали это ещё и в первые годы христианства. Осознание того, что человеческий интеллект имеет божественное, духовное происхождение, было утрачено только в 4-ом веке нашей эры. Только в 4-ом веке нашей эры люди перестали верить в то, что то, что они имели в себе как силу мысли, опустилось на них сверху, из духовно-душевных миров при их рождении. В душах людей произошел великий перелом. Если мы оглянемся на 1-ый, 2-ой, 3-ий христианские века, мы определенно найдем людей, которые говорили себе: «Конечно, я родился от своих отца и матери, но то, каким образом я [именно] знаю, а не просто размышляю об этом, что мой глаз видит свет, я знаю, что мой разум исходит от богов. - Это было непосредственное сознание, которое было у людей, как сознание, возникающее из восприятия. - Только с 4-го века у людей всё больше и больше появлялось чувство: там, наверху, в этом пустом костном пространстве, - поскольку это, ведь, полость, как я показывал вам в различных рассмотрениях, - имеются органы для интеллекта, и этот интеллект имеет какое-то отношение к наследственности, к кровному родству. Только в эту эпоху, когда произошел переход от веры в божественность интеллекта к наследованию интеллекта физическим путём, могло произойти то, что можно было бы назвать интеллектуализацией религиозного импульса посредством священнического правления. И когда интеллектуализация продвинулась уже очень далеко, и у человека осталось только то представление об интеллекте, что он привязан к человеческой телесности, тогда закончилось и правление священников. Власть священников могла существовать только до тех пор, пока человеку можно было сделать ясными древние традиции божественности интеллекта. Экономический тип человека возник в тот момент мировой истории, когда иссякла вера в божественность интеллекта, когда человек, согласно чувству, всё больше и больше стал переходить к вере в то, что в основном носителем, органом для развития мысли является физический человек.

Надо только знать, как священство всегда боролось и борется до сих пор. Те, кто, например, знаком с католическо-теологической литературой знает, как священство до сих пор борется со всевозможными философскими обоснованиями за то, что присущий человеку интеллект, является чем-то таким, что приходит к человеку. Прочтите что-нибудь наугад из католической богословской литературы, и вы обнаружите, что там, ведь, больше не отрицается то, что больше нельзя отрицать для современного человека: что все прочие функции человека связаны с телесным. Но то, чем является интеллект, пытаются при этом спасти как нечто божественно-духовное, не имеющее ничего общего с человеческо-

¹ Как Дианоэтикон (греч. Διανοητικόν “Способность мыслить”, или διανοητική ψυχή - *dianoëtike psyché*, от греч. Διάνοια *diánoia* «Размышлять», Разум, лат. *anima rationalis* - обычно переводится как «Духо-душа», или «Душа разумная») Аристотель в своём учении о душе обозначает высший член души, душу сознательную. (из AnthroWiki). Прим. пер.

физическим. Но в общем для сознания человечества - это не так. Для общего сознания человечества дело обстоит так, что всё больше и больше возникает чувство, ощущение: тело - это то, что позволяет человеку также и думать, что является основой также и для интеллекта. И поэтому всё больше и больше людей приходит к сознанию, что он на самом деле только физическое существо. И только под влиянием такой духовности, которая исходит из того, что человек является только физическим существом, на поверхность мог выбиться экономический тип человека.

Таким образом, существуют глубокие духовные причины того, что экономический человеческий тип вышел на поверхность. Но он, именно, только вышел на поверхность, и это было затем в социалистических теориях односторонне интерпретировано и эксплуатировано. Но со времен Реформации экономический тип стал доминирующим. Отсюда вы также видите, какой, собственно, дух царит в вероисповеданиях, появившихся после Реформации. Сделайте для себя ясным, этот дух: с одной стороны, мирская наука, проникающая в повседневную жизнь через свои технологии, которая совершенно не хочет быть зависимой от веры: всякие религиозные вещи, ведь, не проникают в круги этих внешних наук. Вера должна спокойно оставаться храниться в специальном ящичке, как можно дальше от внешних фактов жизни! Наука: сама по себе, одна бухгалтерия; вера: сама по себе, другая бухгалтерия. Не смешивайте их вместе! Мы хотим верить, мы даже хотим быть благочестивыми людьми, - как говорит экономический тип человека, - чем благочестивее, тем лучше. - Его видят в воскресенье идущим в церковь с молитвенником, как можно более демонстративно, конечно; Но в бухгалтерию религия вмешиваться не должна, тут ей делать нечего, в крайнем случае позволительно написать на первой странице «С Богом!», но это, ведь, уже богохульство, не так ли! - Не тревожьте наши круги! В противном случае можно было бы прийти к выводу, что во многих отношениях Реформация, собственно, была всего лишь обходным путём для того, чтобы осуществить секуляризацию конфискацию церковной собственности в пользу светских правителей. Не мог же немецкий территориальный князь или английский лорд сказать: «Мы создаем новую всемирно-историческую эпоху, отбирая землю у тех, кто владел ею раньше! Современные социалисты говорят: мы экспроприруем землю у помещиков! - Но в начале нового времени они этого не говорили. Они делали это и над всем этим наводили туман: мы устанавливаем новое религиозное вероучение. И люди тогда не знают, почему они, собственно, благочестивы. Но это хорошо для них, эта иллюзия, которую они распространяют относительно настоящих причин, по которым они благочестивы. Так вышел экономический тип человека.

Видите, сознание переживания в себе духовного исчезло постепенно. Это более глубокая духовная основа этой вещи. Возвратимся ещё дальше назад во времени, к третьему послееатлантическому периоду, который начался в 3-ем, 4-ом тысячелетии до нашей эры и закончился в середине 8-го века до нашей эры, - тогда мы увидим совершенно другую структуру. Как бы парадоксально, это не покажется сегодняшним людям, но в 4-ом, или даже в 5-ом тысячелетии на Земле не было человека, который бы думал, что главное в нём он получил от отца и матери. Тогда ещё все люди верили в то, что самая существенная их часть спустилась с неба, если можно так выразиться. Это было твёрдым убеждением этих людей. Они не рассматривали своё происхождение как земное, они рассматривали своё происхождение как духовное, спиритуальное. И то время, когда люди начали чувствовать себя как физические люди, как люди из мяса, евреи обозначили как грехопадение, как начало того периода, когда людей захватил первородный грех. Но этот первородный грех, собственно, захватывал человека не раз. Прежде всего, он захватил его в начале третьего послееатлантического периода, когда он считал происходящим от отца и матери часть себя, кровь, и полагал, что спиритуальное находится сверху, над ним. Во второй раз он захватил его, когда человек начал считать наследственным своё интеллектуальное. Этот второй первородный грех произошёл приблизительно в 4-ом веке нашей эры, поскольку с этого времени интеллект стал рассматриваться как нечто наследственное, как нечто, связанное с телесным. А в будущем произойдут ещё другие грехопадения.

В настоящее время мы должны вернуться к духовности другим путём. Для этого у нас должна быть возможность сначала вернуться к спиритуальной интеллектуальности. Мы должны иметь возможность связать с земной жизнью такой смысл (Sinn), чтобы в самом этом смысле, в свою очередь, открылось спиритуальное. Если, например, мы возьмем те вещи, которые изложены в моих «Очерках тайноведения», то о них нельзя сказать, что интеллектуальность, с которой они были восприняты, имеет физическое происхождение, поскольку телесным разумом нельзя достичь того, что сказано там о космосе и о человеке. Это, в свою очередь, является перевоспитанием человека для понимания такой интеллектуальности, которая является духовной. Для этого современное человечество должно снова привыкнуть к возможности взгляда на интеллект, как на нечто божественно-духовное. Только тогда можно будет вообще говорить о возврате к спиритуальности. Это задача, которую сознательно должно взять на себя человечество: снова вернуться к спиритуальности и, прежде всего, к спиритуализации интеллекта. Люди должны снова научиться думать так, чтобы их мышление было пронизано спиритуальностью. Лучший способ начать, - это взглянуть на этическое и проследить это этическое до моральной фантазии, до моральных интуиций, как я это сделал в своей «Философии свободы». Если в моральном увидеть нечто, что, - как я выразил в «Философии свободы» - берёт свои импульсы непосредственно из духовного мира, то это является началом спиритуализации интеллекта. Я сделал это осторожно и тихо в своей «Философии свободы», потому что от девятнадцатого века нельзя было ожидать многого в отношении спиритуализации. Но это тот путь, по которому нужно идти.

Человек экономического типа, пришедший с Реформацией, видел свою задачу, собственно, в том, чтобы весь интеллект сделать просто телесной вещью. Этот экономический тип человека быстро оторвался от духовной основы человеческого существа на Земле во время Реформации. Это можно просто показать на отдельных примерах. В начале и в первой половине 16-го века в Англии жил один человек, Томас Кромвель, который, в отличие от Оливера Кромвеля, сыграл важную роль во внедрении принципа Реформации в Англии. Иаков I. был той личностью, которая ещё хотела спасти старое священническое правление, и лучше всего понять Иакова I можно, воспринимая его как консерватора, как того, кто хотел законсервировать старое священническое правление. Но этим планам, ведь, помешали другие. И среди тех, кто тогда возвысился, кто стал, так сказать, первым человеком экономического типа, был Томас Кромвель. Томаса Кромвеля можно понять, только зная, что он принадлежит к тем людям, которые снова воплощаются здесь, на Земле после очень короткой жизни между смертью и новым рождением. Особенно часто такие люди, которые появились в последнее время, и которые имели лишь короткую жизнь в духовном мире перед нынешней земной жизнью, относятся именно к типу правителей. Вы знаете, я часто говорил здесь о том, что одним из самых значительных явлений в новейшей истории является то, что, как раз, для типов правителей происходила выборка худших. Я говорил вам это снова и снова на протяжении многих лет по разным поводам. Правители, - это селекция далеко не из лучших; в наше время лучшие остались внизу, а те, кто был выдвинут наверх, особенно на руководящие посты, как раз, совсем не лучшие. Часто это была селекция низкосортного. И эта селекция низкосортного, относительно их человеческого существа, касалась того, что они разворачивали земную жизнь, которая предвлялась лишь очень коротким промежутком времени между последней жизнью и настоящей. У многих ведущих личностей современности находят очевидным тот факт, что они снова возвращаются на Землю после короткой духовной жизни. Благодаря этому, они мало пропитаны духовным. В своей предыдущей жизни между смертью и новым рождением они лишь в небольшом количестве приняли духовные импульсы. Но тем больше они пропитались всем тем, что может дать Земля.

В первую очередь, это были люди экономического типа, те, кто имел короткую предыдущую духовную жизнь, и кто был полностью пропитан тем, что может дать только Земля как таковая. Не то чтобы в новое время не было людей, которые прошли через более

длительные периоды между смертью и рождением, и которые принимались во внимание в наше время; но они были отодвинуты. Это повлекло за собой судьбу исторического развития человечества, общую человеческую карму.

И в таких условиях разыгрывается новая жизнь человечества. Действительно, плачевно видеть, насколько многочисленны в последнее время явления, когда авторитетами считаются люди, по своей внутренней сущности, скорее худшие, чем лучшие. Это обычное явление. Уважаемые авторитеты - это истинно не те, кто представляет собой выборку лучших людей. Сегодня настало время, когда пора уже прекратить восхваление современной цивилизации, когда пора уже обратить внимание на реальные факты, без всяких прикрас. Потому что люди должны постепенно привыкать смотреть на жизнь не поверхностно, внешним образом, а рассматривать её с точки зрения внутренней конфигурации душ. И один из фактов, который необходимо принять во внимание, заключается в том, что нужно отличать тех людей, которые имели продолжительную духовную жизнь между смертью и рождением, и тех, за плечами которых была короткая духовная жизнь.

На людей нужно смотреть с духовной точки зрения. Только такое рассмотрение людей с духовной точки зрения позволит сознательно навести порядок в социальной структуре. Более глубокое понимание того, что необходимо в социальных отношениях сегодня, может быть достигнуто, только если искать это понимание на основе духовного знания.

Это было, как раз, моей задачей в течение этих трех дней, указать вам, как следует рассматривать цивилизацию настоящего с точки зрения возможного дальнейшего развития человека. Видите ли, наша Земля как Земля со всем, что на ней есть, уже вступила в период упадка. Я уже часто упоминал о том, что это зафиксировано даже геологами. Уже чисто внешне, физически, с помощью строгой и точной геологии, можно доказать, что Земля находится уже в состоянии распада, что восходящее развитие Земли прекратилось, что мы действительно ходим по разваливающимся комьям Земли. Но в процессе разрушения находится не только минеральное царство Земля, а всё, что движется по Земле в виде органики, уже разрушается, уже разлагается. Также и тела растений, животных и людей больше не находятся в восходящем развитии, они разрушаются. Мы не обладаем больше организацией, которая была у нас до 4-го века нашей эры, или в древнегреческие времена. Наша организация находится в упадке, и вместе с нами находится в упадке Земля. Физическое тело Земли находится в декадансе. Я впервые обратил внимание на это явление много лет назад на лекции в Бонне, но эти вещи обычно не принимаются с должной серьёзностью. Мы находимся в хрупких телах, но мы должны рассматривать также и противоположность этого: хотя мы и находимся в хрупких телах, но именно в этих наших хрупких телах больше развивается духовность, если мы ей отдаёмся.

У старых тел, если изображать это схематически, дело обстояло так, что тело (см. рис. 5 слева, белое, weiss) повсюду пронизано своей духовностью (красное, rot), тело повсюду всасывало в себя духовное. Сегодня наше тело во многом является хрупким. Оно хрупкое, ломкое, находится в декадансе, и духовность (см. рис. 6 справа, красное, rot) повсюду выпрыскивается наружу, оно повсюду становится свободной от тела. Если мы войдём в это, то внутренне, в душе, мы повсюду сможем увидеть духовное, как раз, благодаря хрупкости наших тел.

Но необходимо, чтобы мы не полагались на физическое, а, из-за нашей хрупкости, обращались к духовному. Всё физическое становится хрупким, всё физическое на Земле уже находится в состоянии распада, и на физическое уже нельзя надеяться, но ожидать чего-то можно только от того, что из-за распада физического будет, - выражаясь тривиально, - выпрыскиваться наружу: от духовно-душевного.

Из этого видно одно. Посредством наших тел, мы связаны с физическими условиями Земли, а условия Земли социально выражаются в экономических условиях; поскольку всё хрупко, всё находится в упадке, в упадке, в определенном отношении, находятся также и экономические условия. И глупцом сегодня является тот, кто считает, что экономические условия можно регенерировать только с помощью экономических же условий.

Рис. 5

Рис. 6

По сути, тот, кто мечтает сегодня о достижении некоего экономического рая на Земле, посредством чисто экономических мероприятий, подобен человеку, который хочет гальванизировать, оживить труп. Поэтому, возьмите все существующие сегодня чисто экономические теории, позвольте людям рассказывать вам, как следует организовывать экономическую жизнь посредством экономической жизни по её собственным законам, позвольте им рассказывать вам, как следует организовывать производственные отношения, как следует переходить от частной собственности к общественной собственности, и так далее: всё это основано на ложном убеждении, что экономическая жизнь может быть регенерирована из самой экономической жизни, в то время как истина состоит в том, что всё физическое, в том числе и в экономической жизни, само по себе находится в состоянии разложения. Когда что-то само по себе находится в состоянии разложения, то это можно лечить только периодически, то есть, для постоянно разлагающейся экономической жизни нам нужно лекарство. Экономическая жизнь, если бы она была предоставлена самой себе, если бы из неё делали то, что хотят из неё сделать Ленин и Троцкий, постоянно находилась бы в состоянии развала, в состоянии болезни. Поэтому, как противоположный полюс экономической жизни, постоянно должно присутствовать то, что лечит: это противостоящая ей независимая духовная жизнь. Если у вас есть кто-то, кто болеет, или кто-то, кто в любой момент может заболеть, вы всегда должны иметь рядом врача. Если у вас есть экономическая жизнь, которая из-за эволюции Земли, будучи предоставленная самой себе, находится в постоянной готовности к распаду, вам, в противовес, необходима непрерывная исцеляющая внутренняя духовная жизнь. Это внутренняя связь. Это связано со здоровой космогонией, - то, что мы получаем независимую духовную жизнь. И без самостоятельной духовной жизни, которая является непрерывной исцеляющей мудростью рядом с оснащённой постоянной тенденцией к распаду экономической жизнью, человечество вперёд не продвинется. Поскольку желание регенерировать экономическую жизнь из себя самой, - это глупость. Рядом с этой экономической жизнью необходимо поставить исцеляющую силу, содержащуюся в независимой духовной жизни, и мостом между обоими должна быть нейтральная правовая жизнь. Мы не придём к адекватному пониманию того, что необходимо в настоящее время, если мы не в состоянии увидеть, что физическая жизнь Земли уже находится в упадке. И поскольку этого не видят, сегодня существует так много людей, которые верят, что всевозможные средства возрождения экономической жизни можно по

волшебству создать из самой этой экономической жизни. Такого не бывает. Есть только возможность непрерывно поддерживать экономическую жизнь, посредством самостоятельно стоящей рядом духовной жизни. Полное видение этой таинственной связи нашей жизни может достичь только тот, кто сможет посмотреть на неё с точки зрения действительно современной космогонии.

Подумайте, насколько серьезны эти вещи, насколько необходимо видение того, что люди придут к гибели, веря сегодня в то, что смогут возродить экономическую жизнь, исходя из неё самой, если они не уверуют в то, что выпрыскивается из хрупкой физической жизни, и что может стать самостоятельным, может стать здесь непрерывно действующей исцеляющей силой. Люди спрашивают: какие есть средства против революций? - Да, если в кризисах накапливается столько импульсов, толкающих к упадку, сколько необходимо для революции, тогда революция наступит. Поскольку революциям можно противодействовать только за счёт того, что сила, противодействующая революции, применяется постоянно, непрерывно. Если не противопоставлять экономической жизни постоянно оздоравливающую духовную жизнь, экономическая жизнь накаляется до революции.

Необходимо, чтобы рассматриваемые здесь вещи были взяты во всей их серьезности, во всем их весе, чтобы не думали, что можно играть с духовной наукой. С этим играть нельзя. Из настоящей духовной науки нельзя составить воскресную проповедь. Привычки, которые люди приобрели из старых религиозных верований, в которых они, посредством всевозможных учений о реинкарнации и карме, хотели развить только внутреннее душевное благополучие, на основе этих учений, если к ним относиться серьезно, развить нельзя. Эти учения хотят вмешиваться в жизнь; эти учения, благодаря тому, чем они являются, хотят стать поступками. Поэтому, то, что живёт в духовной науке, а также должно теперь сформироваться в разнообразных социальных идеях, является не какой-то субъективной прихотью, а, по сути, само собой разумеющийся факт. Это относится ко всему. Конечно, тот, кто говорит о развитии и эволюции в современном научном смысле и, собственно, не имеет представления о том, что в эволюции сначала присутствует подъем, а затем упадок, не захочет понять, что, в отношении развития Земли, мы уже живём в внутри распада, и захочет выработать силы для регенерации из того, что уже разлагается. Но это больше невозможно.

В ходе этих трех лекций я, прежде всего, хотел привить вам чувство глубокой серьезности по отношению к тому, чем является духовная наука. С духовно-научным нельзя играть; в крайнем случае, если разбавить это до состояния какого-либо мистического сектантства, но люди, которые верят, что с этим можно играть, поступают очень плохо. Как раз, с духовно-научным играть нельзя.

Существует множество оппозиций тому, что представлено в этой антропософски ориентированной духовной науке. Почти все те люди, которые встают в оппозицию, хотят играть с духовно-научной жизнью, - я бы назвал их «мистификаторами». Мистицизм: мистификация. Те, кто хочет мистифицировать, в конечном итоге, не сойдутся с духовной наукой, потому что они не хотят чувствовать серьезность жизни. Поэтому существует так много противников духовной науки, и особенно много таких противников, которые повылазили из всевозможных дыр мистифицирования, и которые стали противниками, благодаря этому. В последнее время произошел ещё один всплеск против духовной науки, при этом говорилось, что она носит научный характер, и что то, что является реальным опытом духовного мира, должно исходить из непосредственного опыта духовного, и ничему научному там не место, и тому подобное. Самый последний удар был нанесён из того угла, где мы, ведь, много работали, но из которого постепенно выходит всё больше и больше мистифицирующего, скользкого, как раз, в этом направлении. Опять же сейчас, пусть из другого издания, из мюнхенского угла, появилась книга, которая, по сути, хочет представить такое нападение, и которая называется «От живого Бога», мистическая книга.

Видение этих вещей в наше сегодняшнее социально серьезное время показывает, сколько духовного легкомыслия и цинизма духовного характера присутствует в нашей жизни. Это надо отбросить. И серьезно отнестись к высасыванию духовной жизни из

разлагающегося времени. Надо быть в состоянии смело и непредвзято противостоять разложению Земли, поскольку то, что умирает физически, рождает духовно живое. Но любая игра с духовными вещами, как раз, представителем антропософски ориентированной духовной науки, действительно воспринимающим духовное, должна осуществляться очень тонко, и ничто не должно вызывать среди нас меньше симпатии, чем любого рода сектантство, любого рода мистифицирование. Потому что это не проникает в духовные миры; напротив, оно преграждает путь в духовный мир. Но нам нужны, как раз, пути в духовные миры, если мы действительно хотим продвинуться вперед также и в социальном плане. Вот почему сегодня время, когда мы должны с полной серьезностью выявить для себя самый важный вопрос в жизни и спросить: что мы можем сделать, реально сделать, чтобы уловить импульсы, действительно соответствующие времени?

Понимаете, это строение стоит здесь сейчас. Оно стоит и ждёт, чтобы мир воспринял его всерьёз, чтобы мир воспринял его всерьёз так, чтобы было действительно видно: оно сознательно встроено в умирающее время, но для того, чтобы из этого умирающего времени принять духовное. Здесь не должно быть места вере в то, что можно сохранить старое, созревшее для упадка, для декаданса. Здесь должна господствовать вера в то, что из накатывающего распада будет извлечено духовное, которое совершенно непохоже на старое. Это невозможно сделать с помощью небольших культурных метаморфоз. Речь идёт о том, что мы должны с серьезностью предстать перед необходимостью познания того, что необходимый прогресс человечества на пути к будущему может быть достигнут только с помощью больших культурных импульсов. Мы должны опираться на самих себя, чтобы стать сильными для настоящего принятия новых импульсов. Мы должны обладать смелостью, насколько это возможно, чтобы объяснить людям, что это означает: Земля находится в декадансе, и то, что до наших дней сохранилось как цивилизация, к чему мы привыкли, также направляется к гибели. Но из этого гибнущего нужно спасти новую духовность, которую можно перенести в другие миры, когда Земля приблизится к своей окончательной гибели.

Работать над обновлением искусства, науки и свободы с полным осознанием, - вот что должно быть связано с этим строением. В качестве этого строения пытались представить нечто такое, что своими формами определенным образом насмехается над прошлым. Так что нужно действительно набраться смелости, чтобы понять, что следует извлечь из того факта, что это строение стоит здесь. Мы ни к чему ни придём, если будем цепляться за использование мелких средств, если мы не будем работать над тем, чтобы сознательно поставить человечество перед необходимостью построения новой духовной культуры. Поскольку только она одна может стать настоящей отправной точкой для новой социальной культуры. Социальное больше не будет выводиться из экономического, а будет иметь возможность погрузиться в экономическое только из духовного. И мы должны осознать, что экономический тип человека себя исчерпал, что должен прийти другой тип человека, тип человека мира, который осознаёт, что в нём живет не только то, что является земной наследственностью, но и силы Солнца, Луны и звездного неба, силы сверхчувственного мира. И в тех формах, в которых люди могут это понять, мы должны доводить это до их сознания, и только тогда мы можем внести что-то в реальный прогресс человечества. Мы совершенно бесполезны, просто передавая мистические учения. То, чем является наша мистика, должно быть настоящей духовной жизнью, действующей духовной жизнью.

Это то, что я хотел сегодня до вашего сознания. Это строение в Дорнахе действительно следует рассматривать таким образом, чтобы, не проявляя нескромности, действительно воспринимать его как отправную точку для большого мирового движения, которое является совершенно интернациональным и охватывает все области интеллектуальной жизни. Это строение в Дорнахе должно стать отправной точкой для отказа от любого пристрастия к тому, что приходит к упадку, и принятия импульса чего-то такого, что направлено на реальное обновление человеческого сознания. Если бы мы смогли поместить в мире нечто такое, что послужило бы отправной точкой для принятия духовного из процесса разложения

физической Земли, и могли бы мы сказать: этим строением в Дорнахе мы хотели бы создать монумент для этой отправной точки, мы хотели привлечь к этому внимание людей, поскольку они должны видеть то, чего мы хотим, - если бы мы могли создать что-то подобное, то мы бы исполнили то, что, собственно, лежит в импульсах антропософски ориентированной духовной науки. Но мы должны постараться создать нечто такое, что действительно говорит человечеству, что мы обращаем их внимание на следующее: смотрите, здесь хотят того, что заложено в смысле реального дальнейшего развития как научного, так и художественного и религиозного сознания. Если мы сможем говорить об этом положительном, наше влияние будет гораздо больше, чем если бы мы пытались пускаться во всё то, чего хотят другие. Мы должны осознать, что можно желать чего-то нового. Если мы сможем это сделать, то мы выполним достойную задачу. Но, в этом отношении, мы должны обратиться к своей душе, должны попытаться взяться за эту задачу антропософии в этом смысле правильно.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 17 октября 1919 года

Сегодня я хотел бы поговорить с вами о некоторых фундаментальных знаниях науки инициирования, которые затем должны предложить нам, некоего рода, основу для того, что мы будем рассматривать завтра и послезавтра. Сегодня мы прежде всего укажем на нечто такое, что, хотя и содержится в сознании каждого человека, но обычно понимается недостаточно ясно. Обсуждая такие вещи, мы всегда говорим с точки зрения нашего настоящего, в том стиле и смысле, которые я часто обсуждал здесь: что и знания никоим образом не применимы всегда и везде, но для определенного времени, и даже для определенного пространства Земли. Так, определенные взгляды знаний применимы, например, к европейской цивилизации; другие точки зрения применимы, скажем, для знаний Востока. Теперь, вероятно, уже каждый человек знает, что наши знания находятся, так сказать, между двумя полюсами. Каждый чувствует, что, на одной стороне стоят те знания, которые мы получаем через чувственное восприятие. Простой, наивный человек знакомится с миром, посредством своих чувств, и доходит до некоторой обобщающей точки того, что он видит, что он слышит, что он вообще воспринимает через свои чувства. И, по сути, то, что предлагает наука, та наука, которую мы имеем сейчас на Западе, является ни чем иным, как неким обобщением того, что даётся людям чувственно. Но каждый, вероятно, чувствует, что есть и другие знания, что невозможно быть полноценным человеком в обычном смысле этого слова для повседневного мира, если не добавить другой вид знания к только что охарактеризованному. И это тот вид знаний, который имеет дело с нашей нравственной жизнью. Мы говорим не только об идеях познания природы, с помощью которых мы объясняем себе то или другое в природе; мы говорим о моральных идеях, о моральных идеалах, которые мы воспринимаем как движущую силу наших действий, которой мы позволяем господствовать над собой, когда мы сами хотим вступать в наш обычный мир. И каждый также чувствует, что с одним полюсом нашей познающей жизни, с чувственным познанием и его дополнением, рассудочным познанием, - поскольку рассудочное познание является лишь дополнением к чувственному познанию, - мы обычно не можем подняться до моральных идей. Моральные идеи здесь; но мы не можем их обнаружить, занимаясь, например, естествознанием, из рассмотрения растительного мира, из рассмотрения минерального мира, или каким-либо иным естественно-научным способом. В этом, как раз, и заключается трагедия нашего времени, что, например, в социальной сфере, хотят найти идеи для действий в соответствии с естественно-научными методами. Если по-настоящему руководствоваться здравым смыслом, этого сделать невозможно. Будто на другой стороне жизни, здесь присутствуют моральные идеи. Наша жизнь действительно находится под

влиянием этих двух течений: познания природы, с одной стороны, и нравственного познания, с другой стороны.

Из моей «Философии свободы» вы знаете, что, в восприятии моральных интуиций, нам даются высшие моральные идеи, в которых мы нуждаемся как люди, и что эти моральные идеи, когда мы овладеваем ими, образуют основание для нашей человеческой свободы. С другой стороны, вы возможно также знаете, что для некоторых мыслителей всегда существовал, своего рода, разрыв между тем, что представляет собой знание природы, с одной стороны, и тем, чем является знание морали, с другой. Кантианская философия, ведь, основана на этом разрыве, на этой пропасти, которую она не может полностью преодолеть. Отсюда возникла и «критика» Канта теоретического разума, «чистого разума», как он говорит, в которой он имеет дело только с познанием природы, в которой он говорит всё то, что он должен сказать о познании природы. А с другой стороны, у него есть «Критика практического разума», где он говорит о моральных идеях. Хочется сказать: для него вся человеческая жизнь проистекает из двух совершенно отделённых друг от друга корней, которые он описывает в своих двух основных «критиках».

Ну, было бы, конечно, затруднительно стоять перед человеком, если бы не было никакого моста между этими двумя полюсами нашей душевной жизни. И тот, кто серьёзно занимается духовной наукой, с одной стороны, а с другой стороны серьёзно относится к задачам, как раз, нашего времени, должен интенсивно заняться вопросом: где мост между моральными идеями и идеями природы? Для ответа на этот вопрос мы сегодня выберем ту точку зрения, которую я назвал бы исторической. Из различных рассмотрений, которые мы здесь сделали, вы, ведь, знаете, что душевная конституция людей в древние времена существенно отличалась от той, какой она стала в более позднее время. Возникновение христианства действительно проводит глубокую черту во всем развитии человечества. И только поняв, что, собственно, образовалось в развитии человечества с появлением христианства, можно вообще прийти к пониманию человеческого существа.

То, что лежит во времени за возникновением христианства, без учёта иудаизма, - мы только недавно упоминали об этом, - это весь спектр языческой культуры. Иудаизм был, ведь, лишь подготовкой к христианству. Весь этот спектр языческой культуры существенно отличается от нашей современной христианской культуры. Эта языческая культура, - и чем дальше мы углубляемся в историю, тем больше, - была единой культурой. Это была культура, в основе которой лежала преимущественно человеческая мудрость. Я знаю, что современному человеку обидно слышать то, что в отношении мудрости в древние времена люди были дальше, чем мы, современные люди; но это так. В древние языческие времена на Земле существовала мудрость, которая была ближе, гораздо ближе к основам вещей, чем наше сегодняшнее знание, а именно, чем наше сегодняшнее естествознание. И это старое, древнее знание, было очень конкретным знанием, это было знание, интенсивно связанное с духовной реальностью вещей. Человек получал что-то в свою душу, зная о реальности вещей. Но что было особенно необычным в этой древней языческой мудрости, так это то, что люди, получившие её, - а вы знаете, люди получали её в таинствах от посвященных, - получали её таким образом, что в этой мудрости одновременно содержалось и знание природы, и знание морали. Сегодня мы отрицаем эту чрезвычайно важную для истории развития человечества истину только потому, что во внешней истории мы не можем дойти до действительно характерных времён древней языческой мудрости. Историческое знание не простирается так далеко назад, чтобы с его помощью можно было понять времена, когда люди, глядя на звёзды, получали от этих звёзд ту мудрость, которая, с одной стороны, по-своему объясняла им путь звёзд, но, с другой стороны, также говорила, как люди должны вести себя здесь, на Земле. Говоря в какой-то мере образно, хотя, по сути, не совсем образно, а в определенной степени предметно, можно было бы сказать, что древнеегипетская и древняя халдейская культуры были таковы, что законы природы люди считывали из движения звезд, но также в этом движении звёзд видели указания для того, что им следует делать на Земле. Кодексы древнеегипетских фараонов, например, содержат предписания о

том, что должно было стать законом. Так то, что должно было стать законом в более позднее время предсказывалось заранее на многие столетия. Но всё, что было в этих кодексах, было считано из движения звёзд. Таким образом, в те давние времена существовала не астрономия, как сейчас, которая содержит только математические законы движения звёзд или движения Земли, а существовала наука о космосе, которая в то же время была моральной наукой, этикой.

Сомнительность доведённой сейчас до дилетантизма современной астрологии состоит в том, что в ней больше не чувствуется, что то, что в ней дано, представляет собой целое только в том случае, если вместе с имеющимися в ней законами людям даются и моральные законы. Это является чем-то очень важным, чрезвычайно важным.

Но в ходе развития человечества эта изначальная наука, эта изначальная мудрость, во многом была утеряна. И это является причиной того факта, что определённые тайные школы, которые, однако, в своей серьёзной форме фактически прекратили свое существование уже в конце 18-го века, а также некоторые западные тайные школы, постоянно говорили о потерянной науке, о «потерянном слове». Их приемники обычно уже не знали, что понимать под этим «словом». Но за этим стоит определенный факт. И у Сен-Мартена вы ещё можете прочесть отголоски того, как вплоть до 18-го века очень чётко ощущалось, что в древние времена, вместе со знанием о природе, к людям одновременно приходило и духовное знание, содержащее в себе также науку о морали, которая была утеряна, - утеряна, по сути, уже за восемь столетий до возникновения христианства. Можно даже сказать: древнегреческая история - это, по сути, постепенная утрата изначальной мудрости.

Изучая философов до Сократа которых Ницше называл философами трагической эпохи греков: Гераклит, Фалес, Анаксимен, Анаксагор, - я занимался ими в своих «Загадках философии», насколько это возможно для человечества сегодня, поскольку, ведь, от них осталось очень немного текстов, - в их предложениях, оставшихся, как оазисы в пустыне, можно снова и снова обнаружить, словно в виде отзвуков, какие великие, всеобъемлющие знания имелись в то время. То, что говорит Гераклит, что говорят Фалес, Анаксагор, Анаксимен, - все это выглядит так, будто человечество забыло свою изначальную мудрость и вспоминает здесь или там только отдельные фрагментарные предложения. Словно фрагментарные воспоминания, возникают перед вами отдельные предложения, дошедшие до нас от Фалеса, Анаксагора, от семи греческих мудрецов.

И затем у Платона мы находим ещё, своего рода, ясное сознание этой изначальной мудрости, у Аристотеля всё уже преобразовано во внешнюю человеческую мудрость. У стоиков и эпикурейцев эти вещи исчезают всё больше и больше. Древнее изначальное знание остается лишь в виде саги. Так было у греков.

Что касается римлян, - римляне, ведь, по своей природе были прозаичным, трезвым народом, - то у них дело обстояло так, что они отрицали даже смысл какого-либо изначального знания, они всё превращали в абстракции. Для человечества было необходимо, чтобы ход развития был именно такой, как я только что описал вам относительно изначальной мудрости. Люди никогда не смогли бы прийти к развитию свободы, если бы интенсивность и значение изначальной мудрости, пришедшей к ним на пути атавистического ясновидения, сохранились для людей в том же виде. Но с этой изначальной мудростью было всё же связано всё, что могло прийти к человеку, так сказать, с божественных высот, в виде моральных импульсов. Это нужно было спасти. Моральный импульс для человечества нужно было спасти.

И среди всего того, что мы уже должны были сказать о Мистерии Голгофы, находится тот факт, что с тем божественным принципом, который сошёл на Землю через человека Иисуса из Назарета, была перенесена моральная сила, которая, конечно, постепенно тоже рассеялась, распалась вместе с угасанием и постепенным отмиранием древней изначальной мудрости. Это действительно так, даже если сегодня это и кажется парадоксальным; так что можно сказать: существовала древняя изначальная мудрость (см. рис. 7, белое, weiss). С этой древней первозданной мудростью была связана моральная сила, моральная мудрость

человека. Она была его интегрированной составляющей (красное, rot). Теперь старая изначальная мудрость угасла. Она больше не могла быть проводником морального импульса.

Рис. 7

Этот моральный импульс должен был взят Мистерией Голгофы, так сказать, под защиту (см. рис. 8, желтое, gelb), и его дальнейшее распространение для западной цивилизации стало тем, что возникло из Мистерии Голгофы как импульс Христа, в который, как моральный экстракт, было внесено то, что осталось от древней изначальной мудрости.

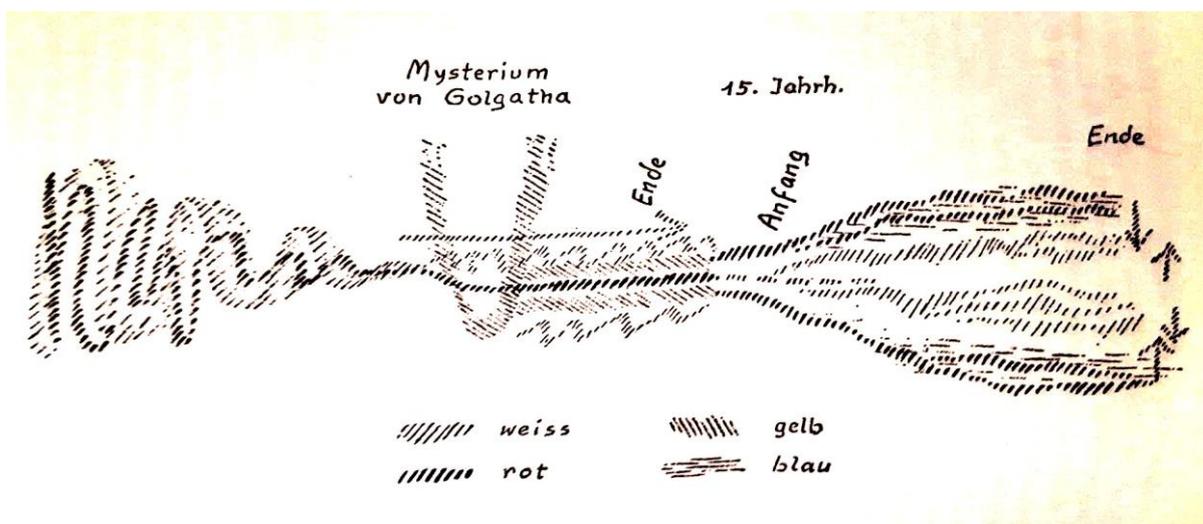

Рис. 8

Если мы проследим, скажем, то, что жило в западной цивилизации в виде собственной науки, собственной мудрости, вплоть до 8-го, 9-го столетия нашей эры, то мы обнаружим много странностей. Почитайте описание западного знания, вплоть до 8-го, 9-го столетия нашей эры, в моей книге «загадки философии». Вы увидите, что в этом развитии, по сути, нет ничего, что в нашем сегодняшнем смысле можно было бы назвать знанием. Последнее появляется только с середины 15-го столетия, со времени Галилея. Всё, что там было от знания, было, собственно, тем, что осталось от древней первичной мудрости, но это было уже не внутренне интуитивной первичной мудростью, не внутренне переживаемой первичной мудростью, а мудростью, передаваемой извне. Я часто рассказывал вам историю Галилея, которая не является анекдотом, о том, как Галилей пытался убедить одного своего друга в истинности того, что он утверждал. Как и прочие люди Средневековья, посвящающие себя мудрости, этот друг привык опираться на то, что было в книгах Аристотеля или других старых книгах. Это было, ведь, всё, что изучали в то время, письменные свидетельства.

Передавали дальше то, что было в книгах Аристотеля. И этот ученый друг Галилея говорил вслед за Аристотелем, что нервы выходят из сердца. Галилей попытался объяснить ему, что, согласно науке, на основании опыта с трупами, он должен сказать нечто другое: что у человека нервы исходят от головы, от мозга. Человек Аристотеля, этот аристотелевский мыслитель в это не верил. Тогда Галилей отвёл его к трупу и показал ему, что нервы исходят от мозга, а не от сердца, и что теперь он должен поверить в то, что он видел своими собственными глазами. Тогда этот человек сказал: Похоже на то, что это так; внешне действительно выглядит так, будто нервы выходят из мозга, но Аристотель говорит обратное. И если я должен выбирать между видимостью природы и тем, что говорит Аристотель, то я скорее поверю Аристотелю, а не природе! - Это не анекдот, это реальная история. По сути, в наше время мы переживаем то же самое, только наоборот.

Видите, всё, что тогда было от знания, - это письменные источники древности. Новое знание пришло только во время Галилея, Коперника и так далее. Но движущей силой морали все эти столетия был христианский импульс. Моральный импульс был существенно связан с религиозным элементом. В языческой культуре это было не так. В языческой культуре человек осознавал: получая мировую мудрость, он также получал моральный импульс.

Затем, с серединой 15-го века, пришёл новый импульс, который полностью порвал со всем тем, чем являлась древняя мудрость, хотя она и оставалась, благодаря письменным источникам. Чрезвычайно интересно наблюдать, с какой яростью те, кто поднимал новые знания, например Джордано Бруно, можно сказать, ругали всё то, что осталось от древней мудрости. Бруно, например, просто приходил в ярость при упоминании о древней мудрости. Таким образом, приходит нечто совершенно новое. И человек действительно уходит далеко от понимания развития человечества, если он не в состоянии видеть в этом новом, которое приходит, некое начало.

Смотрите, если мы здесь (см. рис. 8, жёлтое, gelb) обозначим Мистерию Голгофы (Mysterium von Golgatha), мы можем сказать, что моральный импульс продолжается (красное, rot). Что же это было, что было перенесено через Мистерию Голгофы из более раннего времени в более позднее время, в этом направлении (стрелка вправо)? - Это был конец (Ende). И чем дальше мы продвигаемся, тем больше исчезает древняя мудрость, даже в качестве традиции. Можно сказать: она ещё продолжает продвигаться вперёд, как жемчуг на волнах традиции (белый, weiss); но с 15-ым столетием приходит это новое, некое начало.

Мы действительно не очень далеки от этого начала. Несколько столетий, которые мы пережили с середины пятнадцатого века, принесли нам некоторые науки; но мы не очень далеки от этого начала.

Но что это за мудрость? Это мудрость, которая, прежде всего, так, как она выступает, имеет, как раз, ту особенность, что, в отличие от древней языческой мудрости, она вообще не содержит морального импульса. В смысле этой новой мудрости, этой мудрости Галилея, мы можем сколько угодно изучать минералогию, геологию, физику, химию, биологию и так далее, но мы никогда не извлечём из нашего знания о природе какое-либо моральное побуждение.

Если люди сегодня верят, что они могут обосновать социальную науку на основе естествознания, то это огромная иллюзия. Поскольку из этого естествознания, в том виде, в каком мы имеем его сегодня, невозможно выжать то знание, которое могло бы быть идеалом для человеческой деятельности. Это естествознание стоит только в самом начале, и мы можем только надеяться, что это естествознание, продолжая развиваться все дальше и дальше, продвинется настолько, что оно снова сможет содержать в себе также и моральные импульсы как таковые. Но если оно будет развиваться дальше само по себе, то, посредством своего собственного способа развития, оно не сможет производить из самого себя моральные импульсы. Для этого необходимо, чтобы рядом с этим знанием природы развивалось теперь новое сверхчувственное знание (синее, blau). Тогда это сверхчувственное знание сможет, в свою очередь, содержать в себе также и лучи моральной воли (красное, rot). И когда начало, сделанное с серединой 15-го века, к концу существования Земли само закончится, тогда то,

что является сверхчувственным знанием, сможет течь вместе с чувственным знанием (белое, weiss), и из них образуется единство (стрелки).

Вы видите, когда древний языческий мудрец, или исповедующий древнюю языческую мудрость, получал от своего инициированного языческую мудрость, то он получал от него: знание о природе, космическое знание, антропогенез и науку морали, которая одновременно была для него моральным импульсом. Всё это было в одном.

Сегодня человеку необходимо подняться до исповедания того, что он получает, с одной стороны, естественное знание, а с другой стороны, сверхчувственное знание. Само по себе знание природы не содержит моральных побуждений. Моральные побуждения должны быть получены через сверхчувственное знание. И поскольку социальные импульсы, в конце концов, тоже должны быть моральными импульсами, настоящее социальное знание, - даже не сумма социальных импульсов, - немислимо без того, чтобы люди, поднялись до сверхчувственного знания.

Современному человеку важно увидеть, что он должен избрать другой путь к социальному познанию, нежели тот, который может предложить ему метод естествознания. Но, говоря это, я ощущаю также необходимость обратить ваше внимание на странный парадокс. Как раз здесь я уже часто говорил о том, что самые глубокие истины науки инициации кажутся парадоксальными для обычного повседневного сознания, кажутся странными, а грубому материалисту кажутся даже выжигающими мозг. Но в наше время необходимо познакомиться с этими, во многом кажущимися парадоксальными, премудростями. Поскольку и для нашего времени верно то, что некоторые вещи, которые кажутся людям глупостью, являются мудростью перед Богом. Не повредит, если этот отрывок из Библии будет в некоторой степени принят во внимание теми, кто сегодня высокомерно высмеивает или уничижительно критикует антропософию. Поскольку они могли бы тогда представить себе, что возможно то, что они считают глупостью, может является мудростью перед богами. Некоторым людям, - а «некоторых» здесь очень много, - и особенно тем, кто ходит в церковь со своим молитвенником и критикует антропософию, на самом деле было бы очень полезно, меньше гордиться своей верой, и больше вникать в то, что действительно содержит в себе вероучение христианства. А именно, в наше время необходимо познакомиться с некоторыми, на первый взгляд, парадоксальными вещами.

Например, сегодня возможны две вещи. Сегодня кто-то может познакомиться с естествознанием нашего времени, - сегодня я хочу несколько грубо представить эти две вещи, которые мне нужно охарактеризовать. Например, он может принять то, что предлагает сегодня наука химии, физики, что предлагает наука биологии. Он может прилежно и старательно изучать то, что получилось из так называемого дарвинизма в виде истории эволюции. Изучая всё это, он сможет стать материалистом в отношении своего воззрения на познание. Он может стать материалистом, определённо, этого нельзя отрицать. И поскольку люди сегодня, так сказать, скоры на суждение, они, как раз, становятся материалистами, то есть, в своём внешнем познании природы полностью отдаются намерениям некоторых своих современников. Но можно сделать, и кое-что другое. В дополнение к физике, химии, минералогии, ботанике, зоологии, биологии, в дополнение к тому, чему учат эти науки, можно направить свое внимание на то, что делается в физическом кабинете, при экспериментировании. Можно обращать внимание на то, как ведут себя в химической лаборатории, что там делают; можно обращать внимание на то, как исследуют растения, исследуют животных в их развитии.

Знание природы Гёте основано, в частности, на том, что он много занимался тем, каким образом другие пришли к своему знанию. Величие Гёте основано, как раз, на том, что он много занимался способами того, как другие приходили к своим знаниям. И очень, очень важно по настоящему изучить истинный дух такой работы Гёте, как трактат «Опыт как посредник между объектом и субъектом». Там видно, как Гёте внимательно следил за изучением природных явлений. Он чрезвычайно внимательно прослеживал то, что можно назвать методом исследования. Если вы прочтёте мои «Введения к естественнонаучным

трудам Гёте», вы увидите, к каким великолепным результатам пришёл Гёте, благодаря такому прослеживанию за естественно-научным методом. В определенном отношении то, что сделал Гёте, можно было затем продолжить для достижений естествознания в 19-ом веке и вплоть до 20-го века, чего сам Гёте, ведь, больше делать не мог.

Итак, я говорю: возможны две вещи. Запомните вначале это. Либо останавливаются на результатах естественных наук, либо занимаются наблюдением того, как к этим естественно-научным результатам приходят. Запомним, что мы, таким образом, сказали о познании природы. Рассмотрим теперь человеческое стремление к познанию с другой точки зрения. Вы знаете, что помимо естествознания существует еще и духовное знание, что, например, космологией, антропологией как антропософией, знанием о человеке, можно заниматься таким образом, что это приводит к результатам, которые я описал, скажем, в моём «Очерке тайноведения». Там есть позитивные знания, указывающие на духовный мир. Подобно тому, как человек получает позитивное знание в естествознании, - в минералогии, геологии и так далее, - так мы имеем там позитивное знание, относящееся к духовному миру. В ходе развития нашего антропософского движения для меня было особенно важно в различных мною написанных книгах распространять такие позитивные знания о духовном мире. Но это можно сделать и так, что в основном обращается внимание не столько на получение этого знания, сколько на то, каким образом человек это делает; каким образом человек это описывает, как человек переходит от внешнего наблюдения к внутреннему наблюдению, как посредством своего внутреннего душевного развития, на пути мистики, он приходит к более высокому духовному воззрению, подобно тому, как он приходит к научному воззрению в кабинете физики, в клинике, в обсерватории. То есть, параллельно с рассмотрением естественно-научного метода, заниматься тем, как это делается. Так что и здесь есть два аспекта: наблюдение над результатами и наблюдение за тем, каким образом к этим результатам приходят душевно.

Давайте теперь гипотетически предположим то, что уже из-за самого своего предположения кажется несколько парадоксальным. Предположим, что кто-то в естествознании занимается, как Гёте, в основном наблюдением за естественно-научными методами, - он точно не станет материалистом, он обязательно будет исповедовать спиритуальное мировоззрение. В новое время надёжным путём для преодоления материализма является видение способа исследования в естествознании. И материалистами в естественных науках люди становятся, как раз, только потому, что они либо вообще, либо слишком мало занимаются способом своего исследования. Они останавливаются на результатах того, что приносит клиника, кабинет, обсерватория. Они не переходят к гётеизму, к рассмотрению способа исследования; поскольку тот, кто позволяет воздействовать на себя научному способу взгляда на мир, оперировать вещами, чтобы прийти к знанию, тот становится по крайней мере идеалистом, и, вероятно, спиритуалистом, если проникнет достаточно далеко.

Если же пытаются избежать прихода к положительным результатам в духовной науке, если находят скучным пускаться в частности духовной науки, и хотят только снова и снова описывать то, как душа человека становится мистической, то есть, основное внимание уделяют методам достижения духовного, то это - действительно величайшее искушение стать материалистом. Величайшее искушение стать материалистом - это нежелание иметь дело с конкретными результатами духовной науки, и желание постоянно делать акцент только на мистическом исследовании, на мистическом душевном погружении, на методе вхождения в духовный мир.

Видите ли, это парадоксальная вещь. Кто наблюдает за естественным знанием, естественным исследованием, становится спиритуалистом; Тот, кто пренебрегает реальным духовным знанием и говорит только о мистицизме, то есть о том, как сделать так, чтобы прийти к духовному знанию, тот подпадает большому искушению стать настоящим материалистом. Такие вещи надо сегодня знать. Без знания таких вещей не обойтись. Поскольку, смотрите, сегодня существуют монистические объединения; люди, выступающие

в роли лидеров в таких монистических объединениях, распространяют поверхностное мировоззрение. Они обобщают внешние материалистические результаты естествознания в поверхностное мировоззрение. Оно просветляет сегодняшних людей, не желающих слишком сильно напрягаться, и предпочитающих лучше ходить в кино, чем куда-либо ещё, и потому, в качестве того, что нужно выработать внутренне, предпочитают скорее, своего рода, кино-науку, - поскольку это, ведь, материализм. Таким образом, эти лидеры монистических объединений распространяют поверхностный материализм. Определённо, они вредители, потому что распространяют заблуждения. Нехорошо, конечно, позволять им расширять свою деятельность, потому что они забивают людям головы материализмом. Но они менее опасны, потому что по большей части честны. Эта честность не защищает их от распространения заблуждений, но всё же в большинстве случаев они честны, и их заблуждения будут устранены. Они имеют лишь временное значение.

Но есть и другие люди, которые отказываются - систематически, умышлено - приводить людей к конкретным позитивным результатам духовной науки. Да, они разжигают существующее сегодня из-за определённого удобства нежелание людей приобщаться к позитивным конкретным результатам духовной науки. Вы знаете, такие вещи, как те, что описаны в моей «Тайной науке», которую вам нужно изучать несколько лет, если вы хотите что-то понять, не удобны для человека сегодня, который хотя и отправляет своего сына в университет или институт, чтоб он стал химиком, предполагает, однако, что если он должен познать небо и Землю и овладеть духом, он должен сделать это в мгновение ока, по крайней мере, за один вечер, и который требует от каждой лекции о сверхчувственных мирах, что она даст ему всю сумму мировой мудрости. Конкретные результаты позитивного духовного исследования люди находят неудобными. И эту склонность людей используют отдельные личности, убеждая этих людей в том, что им такие вещи не нужны, что нет необходимости заниматься отдельными конкретными позитивными духовными фактами. Они говорят: Ах, что там эти люди говорят о высоких иерархиях, с которыми вам нужно познакомиться? Что там говорят эти люди о Сатурне, Солнце, Луне, Земле, Юпитере, Венере, Вулкане и так далее? Всё это ни к чему! - Они рассказывают людям: если вы только углубитесь внутрь себя, если вы сделаете душу по-настоящему мистической, тогда вы достигнете Бога. - Они рассказывают всё это людям, дают им общие указания об отношениях материального мира со сверхчувственным миром. Они разжигают у людей нежелание проникать в конкретные духовные миры. И зачем они делают это? Ведь, выглядит так, будто они хотят распространить духовный настрой; но на самом деле они хотят чего-то другого: на самом деле, они хотят таким образом утвердить материализм. Поэтому лидеры монистических объединений наносят наименьший ущерб. Те же, кто сегодня распространяет мистицизм и вливает в уши людей всякую мистику, часто являются настоящими практиками, утонченными практиками материализма. Они говорят о каких-то путях, ведущих к духовному, избегая конкретного, говорят в основном о чём-то в общем, и, если они придут к успеху, то точно достигнут того, что в третьем поколении мир сплошь материализуется. Безопасным и утонченным путём к материализму сегодня во многом является передача мистицизма людям, которые избегают вникать в позитивные духовно-научные результаты. И многое, что появляется сегодня на почве, так называемой, духовной литературы, в гораздо большей степени питает материализм, чем, например, книги Эрнста Геккеля.

Сегодня людям неудобно слышать такие вещи, потому что, помещая перед ними что-то подобное, в большой степени апеллируют к их способности различения (Unterscheidungsvermögen). Но люди сегодня не хотят, чтобы от них требовали обращения к своей способности различения. Людям больше нравится возбуждать в себе внутреннее душевное наслаждение с помощью всякого рода мистических вещей. Поэтому также возрастает противодействие, как раз, тем устремлениям, которые сегодня честно подходят к духовной жизни, избегая общего «мистицизма». Тот, кто приносит настоящую духовную науку, испытывает сопротивление. Поскольку в настоящее время существует множество людей и человеческих сообществ, которые ни в коем случае не хотят, чтобы к человечеству

пришло истинное духовное возвышение, и которые используют тот факт, что если рассказывать людям о мистическом вообще, несомненно утверждается материализм. Они используют этот факт. Поэтому они до последнего борются с честными путями, которые вводят в духовную науку.

Этим я обозначил вам богатую литературу, доступную сегодня. Собственно, сегодня дела обстоят так, что всякий, кто берет в руки любого рода мистическую книгу, должен сильно апеллировать к своей способности различения. Это обязательно. Поэтому не следует заблуждаться относительно того, что множество мистической писанины, появляющейся в настоящее время, легко понятна. Само собой разумеется, что людям будет легко понять, если, например, им говорят: тебе нужно просто глубоко заглянуть в себя; тогда в тебе живет Бог, твой Бог, которого можешь найти только ты, идя своим собственным путем. Никто кроме тебя не может дать тебе этот путь; поскольку любой другой говорит о другом Боге. - Сегодня вы обнаружите, что это представлено во многих книгах в необычайно соблазнительной манере.

Я очень настоятельно прошу вас принять эти вещи близко к сердцу. Поскольку то, что должно быть достигнуто с помощью нашего антропософского движения, может быть достигнуто, только благодаря тому, что вас будет хотя бы небольшая кучка, которая захочет развивать выше охарактеризованную способность различения. Для человечества будет плохо, если оно не поднимется до этой способности различения. Уже сегодня надо твердо стоять на ногах, чтобы выстоять среди сегодняшнего смятения, среди сегодняшнего хаоса. Часто уже сегодня можно спросить себя, что, собственно, является причиной такого великого смятения в человечестве. Но эти причины почти лежат на поверхности. Они лежат в мелких фактах. Просто нужно уметь правильно судить об этих мелких фактах.

В заключение я хотел бы рассказать вам о небольшом факте, который стал мне известен буквально несколько часов назад и который вполне подходит для того, чтобы пролить свет на душевное настроение людей в наши дни. Мой лейпцигский издатель Альтманн написал мне, - я получил письмо несколько часов назад, я не знаю, как обстоят дела на самом деле, - что в одном из теософских журналов в Лейпциге появилась резкая, оскорбительная статья - что, ведь, конечно, разрешено, не так ли! - против моей антропософии, уничижительная статья в том же номере, где напечатан мой календарь души и моё воззвание к цивилизованному человечеству, так что там стоят строки календаря души «по Рудольфу Штайнеру», моё «воззвание к немецкому народу и цивилизованному миру», и затем эта статья: «Призыв Рудольфа Штайнера к инстинкту посредственности» («Rudolf Steiners Appell an den Instinkt der Mittelmäßigkeit»), - к характеристике современной антропософии.

Видите ли, в таких вещах раскрывается кое-что из конституции современной человеческой души. Только там это выступает в гротескной форме. Но неудобно сразу видеть во многих формах то, что присутствует везде. Всевозможные гротескные противоречия присутствуют не только в некоторых нечистых местах, они присутствуют также повсеместно в сегодняшней человеческой жизни. И сегодня необходимо действительно стремиться к ясности, я бы сказал, к кристально чистой ясности, если хочешь стоять твердо. Вот что важно.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 18 октября 1919 года

Мы провели целый ряд рассмотрений, которые в основном были направлены на то, чтобы показать, как оздоровление социальных и прочих условий человеческого сосуществования может быть вызвано только тем фактом, что люди будут изнутри охвачены другого рода представлениями, нежели те, что, так сказать, выросли за последние три-четыре столетия. Среди влияний, которые особенно проявили себя в том, чтобы произвести такой род представлений, которому больше не позволительно владеть людьми, особую роль сыграл

также и естественнонаучный образ мышления. Сегодня трудно совершенно непредвзято говорить об этом научном образе мышления по той причине, что, ведь, без сомнения, благодаря этому научному образу мышления, человечество добилось огромных успехов. Тем не менее, необходимо отдавать себе отчёт в том, что именно относящиеся к нему достижения последнего времени, являются теми, что разрушили собственную духовную жизнь человека. Постепенно произошло так, что достигли прогресса в основном те области человеческого знания, которые могли быть использованы во внешних технологиях. Также и прочая культурная жизнь, благодаря этой тенденции, получила оттенок того, что человеческое мышление и человеческое представление всегда ориентировалось на то, что можно использовать во внешних технологиях.

Было бы совершенно неправильно полагать, что это утверждение касается только того, что в современной духовной жизни зависит от научного мышления. Это не то, что здесь имеется в виду; здесь имеется в виду, что всё мышление современного человечества, за исключением унаследованных старых представлений, старых элементов в этом мышлении, имеет ту природу, в которой оно нашло выражение в крайних проявлениях научного мышления и находит своё выражение сейчас. Но сегодня мыслят естественно-научно не только те люди, которые находятся под непосредственным влиянием естествознания. Можно даже сказать, что имеет место парадоксальное: люди, находящиеся под непосредственным влиянием естествознания, меньше всего думают в том смысле, который здесь имеется в виду. - Имеется в виду, что общий образ мышления людей выражается в форме, особенно характерной для естествознания, так что в некотором смысле то, каким образом думает современное человечество, можно лучше всего увидеть в естествознании. Таким образом, мы неоднократно говорили о влияниях того рода представлений, которые нашли своё особенно характерное проявление в естествознании.

Теперь я хотел бы указать на специальную особенность, которая присуща нашему мышлению, всему нашему представлению и вообще всей нашей современной душевной жизни, благодаря тому, что в этой душевной жизни присутствует так много естественно-научных импульсов. Эта особенность состоит в том, что, будучи современными людьми, мы в определенном смысле разучились наблюдать за вещами непредвзято. Люди полагают, что они наблюдают за вещами непредвзято; но они этого не делают. Уже наше школьное образование сегодня таково, что оно прививает людям очень большое количество заранее сформированных представлений, окрашивающих чистый взгляд на вещи. Чистого взгляда на вещи у нас в наше время, собственно, нет.

Вы можете задать вопрос: тот факт, что мы утратили способность к чистому восприятию вещей, - не проявляется ли он особенно вредно в научных исследованиях, в естествознании? - Надо полагать, это так. Но если присмотреться, можно заметить кое-что ещё. Наука спасает себя от разрушительности и пагубности этой неспособности правильного видения, всё более и более направляя своё внимание исключительно на внешний мир чувств, на то, что дано внешним чувствам. Внешние же чувства не следуют за заранее сформированными представлениями, и поэтому они постоянно исправляют то, что приходит из заранее сформированных мнений и представлений, то есть, из заранее сформированных взглядов. Тут наблюдение постоянно исправляет то, что человек накладывает на восприятие вещей из самого себя. Поэтому, когда производятся научные наблюдения, не замечают, что и здесь вносятся всевозможные вещи из заранее сформированного представления. Но они, тем не менее, вносятся. И тот, кто затем во взаимосвязях возьмёт то, что создано научным путём, тот обнаружит, как эти заранее сформированные представления переносятся на всё научное воззрение.

Но особенно вредящее этой неспособности правильно видеть, проявляется тогда, когда современный человек думает о социальных условиях. Тут факты совершенно не исправляют те заранее сформированные мнения, которые человек привносит в эти факты. Итак, мало-помалу мы действительно дошли до того, что, применительно к социальным фактам жизни, в конце концов, можно утверждать всё, что угодно. Действительно, сегодня можно найти

самые разные мнения. С одной стороны, вы обнаружите мнение, что истинная социальная реальность состоит только из экономических процессов, что вся духовная жизнь - это лишь, своего рода, надстройка, своего рода, дым, который поднимается или висит над экономическими фактами; это одна крайность. Другая крайность заключается в следующем: говорят, - поскольку о реальных духовных силах, которые живут в современном мире, имеют мало понятия, - о господствующих абстрактных идеях, идеях вещей и так далее, и утверждают: эти идеи формируют - возможно, людьми, но именно они формируют - то, чем являются внешние экономические и другие факты.

Как видите, это два противоположных мнения. Теперь речь идет о доказательстве одного мнения и другого. Сегодня вы можете использовать совершенно правильные аргументы, неопровержимые аргументы как в пользу одного, так и в пользу другого мнения, - аргументы, которые одинаково хороши как для одного, так и для другого мнения. Если сегодня появится какой-нибудь человек, который будет утверждать, что всё происходящее на самом деле управляется духом, идеями, то он сможет это доказать. И кто-то другой может выступить и сказать: то, что вы доказываете, - это чистая фантазия; в действительности все идеи - это только отражения, только надстройка того, что является экономическими фактами. - Один может прекрасно опровергнуть то, что говорит другой; он может доказать своё мнение и мнение другого. Аргументы одинаково хороши в обоих случаях.

Это явление, которому, собственно, уделяется слишком мало значения в духовной жизни нашего времени. Сегодня люди разделяются на партии или группы, и представляют какую-то максиму, какую-то программу. Они убеждены в этой максиме, они убеждены в этой программе, и могут это доказать. Другие представляют совершенно другую максиму, совершенно другую программу; они тоже могут её доказать, и нельзя сказать, что у одного есть лучшие или худшие основания для своего осуждения. Это явление в общественной жизни, которое действительно стоит отметить, поскольку это самое характерное явление нашего времени. Ведь, это явление приводит к самым антисоциальным фактам и настроениям. Потому что, если кто-то убежден в какой-либо максиме и знает хорошие основания для этой максимы, тогда он держит того, кто имеет другие убеждения, за дурака, за мошенника, или за какого-нибудь нечестного человека. А другой, у которого, однако, есть такие же хорошие основания, считает, в свою очередь, дураком, мошенником, или нечестным человеком, первого. То, что никто не видит этого факта как такового, в определенном смысле, является трагедией настоящего времени. Только люди сегодня настроены так, что верят, что то, что применимо к человеческой душе сегодня, применимо всегда. И как только сегодня кто-то обращает внимание на это явление, можно с достаточной степенью уверенности предвидеть, что он придёт и скажет: то, что ты здесь говоришь, что все мнения имеют своё подтверждение, так было в развитие человечества всегда. - Если бы люди хотели узнать что-то о реальном развитии человечества, они бы не сделали такого заявления; потому что на самом деле так было не всегда; хорошо доказанные мнения, максимы и программы не стояли так открыто друг против друга так, как сегодня. Поскольку сегодня можно очень хорошо доказывать. Сегодня можно, - если ты такой умный, как некоторые социалисты левого толка, - довольно чётко и ясно обосновать марксизм, а, если кто-то придерживается другой точки зрения, можно довольно чётко и ясно доказать, что марксизм является полнейшей чепухой. Сегодня можно доказать всё, что угодно; нужно совершенно ясно понимать это.

Это обучение умению доказывать прививают сегодня даже детям. Но в этом есть, как раз, нечто чрезвычайно печальное для наших дней, что всё может быть так чётко и ясно доказано и что, следовательно, так легко быть в чём-то убежденным. Поскольку из всех видов убеждения самым лёгким является доказательство в сегодняшнем смысле. Нет более лёгкого способа обрести какое-либо убеждение, как это убеждение доказать. Именно, благодаря этой способности доказывать, люди полностью утратили чувство, правильное чувство того, что за убеждения в жизни нужно бороться, что необходимо преодоление, если это убеждение действительно должно занять место в душе.

На чём основывается этот факт, этот так глубоко укоренившийся в нашей жизни факт того, что мы так безмерно легко можем доказывать? Он основывается на том, что мы привыкли по-настоящему думать только на поверхности. Люди по-настоящему думают сегодня на поверхности вещей не пытаясь вникать в них слишком глубоко. И чем более поверхностно человек думает, тем лучше он может доказывать. Это чрезвычайно важно понимать. Чем тоньше понятия, - а на поверхности вещей все понятия становятся тонкими и абстрактными, - тем, кажется, лучше эти понятия предоставляют доказательства для того, во что человек, из совершенно других побуждений, из совершенно бессознательных побуждений, хочет верить и что хочет принимать, - верить и принимать, исходя из чувств, из воли и тому подобного. Всю нашу партийную жизнь надо было бы как-нибудь изучить и описать с той точки зрения, которая была вам сейчас представлена.

Что меньше всего может подпасть под влияние этой поверхностности, так это действительное познание человека. Поэтому сегодня так много людей требуют, наконец, углубления нашего представления в том направлении, чтобы человек продвигался к самопознанию, то есть, к познанию своего существа. В скольких произведениях, лекциях, учениях и агитационных речах говорится об этом необходимом познании человека! Но сначала нужно, ведь, создать основу для такого возможного познания человека! Её нельзя создать, начиная с какой-то произвольной отправной точки. И что тут необходимо для того, чтобы снова выйти из этого убогого положения доказывания, это научиться смотреть непредвзято, научиться просто видеть вещи такими, какие они есть во внешней жизни. Для здорового ощущения и здорового воззрения совершенно необходимо научиться видеть вещи такими, какие они есть; поскольку это именно то, что мы разучились больше всего. Мы доказываем, какими должны быть вещи; но в действительности мы не видим их такими, какие они есть, поскольку наблюдение гораздо неудобнее, чем доказывание того, что вещи такие-то и такие-то. Например, к определенным утверждениям, которые делаются сегодня в социальной сфере, можно прийти только в процессе доказывания. Но, исходя из беспристрастного взгляда на реальность, к таким утверждениям прийти нельзя. Таким образом, самым важным является действительное наблюдение, действительное видение вещей такими, какие они есть.

Если вы прочитаете естественнонаучные труды Гёте, в том числе и его работы по искусству, вы увидите, как он уже в своё время всеми силами пытался обратить внимание на беспристрастное видение. Он видел, как все науки работают, исходя из понятий, которые нужно доказать. Он счёл это чем-то таким, что необходимо преодолеть в первую очередь, и, прежде всего, он хотел добиться того, чтобы человек действительно познавал феномены, явления, факты в их первоначальном значении, познавал их такими, какие они есть. Это было использовано так мало, что почва, на которой Гёте особенно пытался позволить фактам говорить самим за себя, почва теории цветов, ещё и сегодня является той, на которой право Гёте высказывать свое мнение по этому поводу полностью оспаривается.

Но особенно необходимо для познания человека прийти к действительному видению фактов жизни, субъективной жизни. Например, люди много говорят сегодня о том, что для человека является внешним, а что внутренним. Я думаю, что если вы сегодня спросите многих людей: Ты видишь красный цвет, ты слышишь тот, или иной звук, ты воспринимаешь то, или иное во внешнем мире, - это внешнее или внутреннее?, - спрашиваемый ответит: То, что воспринимают мои чувства, - это внешнее! - Затем он укажет на своё внутреннее: это противоположность внешнему. Тогда спросите этого человека, понимает ли он разницу между внешним и внутренним. Он с уверенностью скажет вам: Да, мне это абсолютно ясно; я знаю совершенно точно: То, что воспринимают мои органы чувств, - это внешнее, а то, что внутри, что принадлежит самому человеку, - это внутреннее. - Если вы, однако, будете продолжать спрашивать: Смотри, ты говоришь о внешнем: трава зелёная, небо голубое, солнце встаёт и так далее, ты говоришь о том, что ты наблюдаешь, и представляешь мне всё это по отдельности, хорошо. Но представь мне теперь так же по отдельности то, что у тебя внутри, что ты называешь своим внутренним! Попробуйте получить у большинства людей

сегодня какой-либо внятный ответ, при котором имеешь дело с конкретными фактами, посредством которых человек описывает вам своё внутреннее. Он предан иллюзии того, что знает это внутреннее, в противоположность внешнему; но если вы попытаетесь копнуть немного поглубже и скажете ему: хорошо, опиши мне это внутреннее так, как ты описываешь внешнее! - тогда вы увидите, что это знание внутреннего содержит в себе совсем немного. И когда человек действительно доходит до описания этого внутреннего, оказывается, что оно является ничем иным, как отражённым внешним, тем, что развивается на основе внешнего, и, в лучшем случае, сохраняется в виде бледного отражения в памяти, в воспоминании. Но оно ненамного отличается от внешнего, - то, что этот человек описывает. В качестве современного человека он, в конце концов, может сказать вам о своём внутреннем не больше, чем то, что трава зелёная, а небо голубое; в лучшем случае, он расскажет вам, что при виде зелёной травы он ощущает то-то, а при виде голубого неба — то-то, и тому подобное, но действительное различие и отношения между внешним и внутренним современному человеку описать нелегко.

Но это имеет одно важное следствие. Это имеет то следствие, что люди сегодня не приходят к какому-либо правильному пониманию того, в чём заключается различие внешнего и внутреннего человека, даже внешне. Поскольку, смотрите, естествознание, со своей сегодняшней точки зрения, пытается исследовать органы, которые должны быть носителями внутренних процессов. И если будут с сегодняшней точки зрения смотреть на то, что доказывают, но в действительности совсем не видят, то скажут: «Ну, да, стол находится снаружи, а внутри - жизнь души». - И тогда указывают на собственное внутреннее и считают, как раз, в естествознании, что внутреннее черепа, - это внутреннее человека. Представления, которые неясно приобретены, посредством зрения, переносятся теперь также на человеческое тело и при этом говорится: там внутри, где-то за глазом, там внутреннее (см. рис. 9). Даже если кто-то, если он захочет получить более точные понятия, начинает пропускать через себя те вещи, которые ему даны как понятия, подсознательно он всё же думает: тут, на кончике моего пальца, - это внешнее, а там, внутри, за глазом, - это внутреннее. - Но то, что он так говорит, а именно, что он делает такой вывод в отношении органов тела, происходит только из-за неточного видения. Поскольку, фактически, всё, что вы имеете право называть своим внутренним, - это то, что вы переживаете во внешнем мире, в, так называемом, внешнем мире. Вы постоянно находитесь вместе с внешним миром, и то, что вы, как вам кажется, переживаете внутри, вы переживаете вместе со всем внешним миром.

Рис. 9

В одной из «Восьми медитаций», - вы можете это там прочесть, - я указывал на то, как человек, наблюдая за внешним миром, постоянно срастается с этим внешним миром, и что это совершенно неоправданно по отношению к тому, что мы тогда переживаем в мире, делать различие между внешним и внутренним. То, что для нашего сознания находится в нашем окружении, - вот что мы воистину могли бы назвать своим внутренним, если бы мы действительно описывали то, что видим. Но это, как раз, наше внутреннее. И это является, как раз, неприятной вещью для многих мистиков, поскольку они очень большое значение придают внутреннему погружению. Но это внутреннее погружение в большинстве случаев

ни что иное, как внутреннее описание определённых телесных представлений внешнего мира, которые возвышают даже до божественного и тому подобного. Это телесные представления, заимствованные из внешнего мира. То, что можно непредвзято видеть, и что обычно описывают как внешнее, - вот что надо было бы обозначать как внутреннее. Человек, в определённой степени, внутри себя в том, что находится перед его лицом. Мы, ведь, находимся, в конце концов, гораздо в большей степени дома в тот момент, когда мы, скажем, все сидим здесь, в этом зале, чем в нашем, так называемом внутреннем, особенно, если мы называем этим внутренним то, что находится внутри черепа, за глазами. Вы можете думать об этом внутреннем что угодно, но кроме нескольких понятий, в действительности очень немногих, взятых из анатомии или физиологии, вы знаете о том, что находится в черепе за вашими глазами, ужасно мало. И если вы себя спросите: Что во мне более внутреннее, то, что находится в этом зале вокруг меня или то, что находится в моём черепе?, - то вы ответите себе: без сомнения более внутренним является то, что находится в зале вокруг меня, нежели то, что в моём черепе. - В любом случае, ваша внутренняя жизнь в этот момент гораздо больше затронута тем, что, как вам кажется, является внешним миром в этом зале, нежели тем, что происходит внутри вашего черепа. То, что происходит внутри вашего черепа, является для вас чем-то очень внешним, гораздо более внешним, чем-то, что в действительности находится перед вами. И когда вы объективно воспроизводите то, что видите, вы должны сказать: внешнее для человеческого сознания на самом деле является внутренним, а внутреннее — внешним.

Теперь вы можете сказать: это выдуманные понятия. - Прежде всего, это не выдуманные понятия, а это понятия, которые вытекают из констатации действительно воспринятого, в отличии от того, что получается теоретически, доказывается. Это действительно воспринятое, действительно увиденное. Это то, что непосредственно предстаёт сознанию, и то, что считалось бы верным, если бы констатировалось только то, что действительно предстаёт сознанию, а не то, что констатируется посредством заранее сформированных взглядов. Это то, что нужно сказать прежде всего. Но у этой вещи есть важные последствия. Пока вы лелеете веру в то, что то, что есть снаружи, есть внешнее, а то, что внутри - внутреннее, вы не можете прийти к тому, что я всегда называю видением духовно-научных фактов, посредством здравого смысла; поскольку духовно-научные факты можно увидеть только тогда, когда в основе этого видения лежит беспристрастное наблюдение. Но тогда их можно увидеть, их можно увидеть задолго до того, как каким-либо образом достигается ясновидение. Но с запутанными понятиями сегодняшней повседневной жизни, конечно, очень трудно увидеть то, что является истиной.

Inneres = внутреннее

Äusseres = внешнее

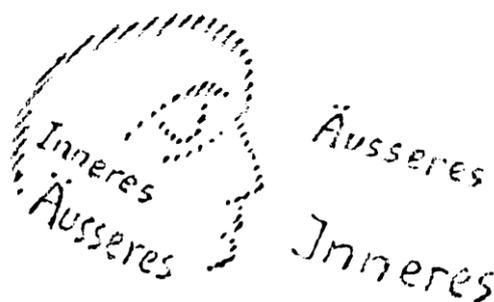

Рис. 10

То, что мы видим внешний мир, - то есть, то, что мы обычно называем внешним миром, - таким, каким мы его видим, а также то, что он содержит наше правильно увиденное и определенное внутреннее, исходит от наших органов чувств, от того, как они устроены. Посредством чувств, мы живем в непосредственном настоящем. И, посредством наших

чувств, мы сопереживаем то, что происходит вокруг нас в настоящее время. Наши чувства, по сути, делают нас сопереживающими настоящего. Однако, из нашего чувственного восприятия, когда мы отдаемся внешнему миру, возникают наши представления, которые мы затем продолжаем носить в нашей памяти. Потом мы вспоминаем то, что мы испытали как сопереживающие настоящего. Мы носим это с собой. И это, по сути, является нашими понятиями. Понятия людей - это вспоминаемые представления, в основном, того, что что они получили из, так называемого, внешнего мира. Но эти представления, эти понятия и идеи всё же опосредуются тем, что обычно называют внутренним, с чем мы знакомимся как с внешним, - но именно опосредуются, а не создаются. Посредством того, - о чём мы, собственно, ничего не знаем, - что лежит за нашими глазами, опосредуются представления и понятия. Но что, собственно, происходит в этой человеческой голове?

Если наблюдают то, что, собственно, происходит в этой человеческой голове, то нельзя сказать: в то время как человек мыслит, представляет, он, так же как и при восприятии своими органами чувств, является сопереживающим процессов настоящего. - Как мыслящий он им, как раз, не является; а при мышлении в нашей голове продолжает действовать та деятельность, которую мы осуществляли до рождения, или до зачатия. Это значит, что то, что происходит здесь внутри (см. рис. 11), когда вы представляете, - это не является деятельностью, которую вы осуществляете, благодаря тому, что вы человек настоящего, а эта деятельность осуществляется вами, благодаря продолжению деятельности, осуществляемой вами между смертью и новым рождением, или зачатием, в сверхчувственном мире.

Человеком настоящего вы являетесь, благодаря тому, что вы воспринимаете, посредством своих органов чувств; открывая внешнему миру свои чувства, вы воспринимаете настоящее и живёте, как человек настоящего, вместе с внешним настоящим. Но в тот момент, когда вы начинаете думать, в вашем мозгу разыгрывается не то, что делает вас человеком настоящего; тогда в вашем мозгу действует послезвучие того, чем вы были в духовном мире, в сверхчувственном мире до рождения, или до зачатия. Человеком настоящего вы являетесь, благодаря тому, что вы воспринимаете, посредством своих органов чувств; открывая внешнему миру свои чувства, вы воспринимаете настоящее и живёте, как человек настоящего, вместе с внешним настоящим. Но в тот момент, когда вы начинаете думать, в вашем мозгу разыгрывается не то, что делает вас человеком настоящего; тогда в вашем мозгу действует послезвучие того, чем вы были в духовном мире, в сверхчувственном мире до рождения, или до зачатия.

Рис. 11

Если вы хотите представить себе это образно, вы можете прекрасно представить себе это так: я беру какую-то ноту, воспроизвожу какой-то звук; и эта нота звучит ещё долго после того, как я этот звук воспроизвёл. Теперь, представьте себе, что всё время между вашей последней смертью и этим рождением вы осуществляли какую-то деятельность в духовном мире,

которую я схематически изображу так (см. рис. 12, красным, rot). Эта деятельность продолжается; и эту продолжающуюся деятельность вы осуществляете, когда думаете как человек настоящего. То есть, вы не осуществляете деятельность человека настоящего, когда думаете, а это ещё продолжает осуществляться деятельность, которую вы осуществляли между последней смертью и теперешним рождением в сверхчувственном мире.

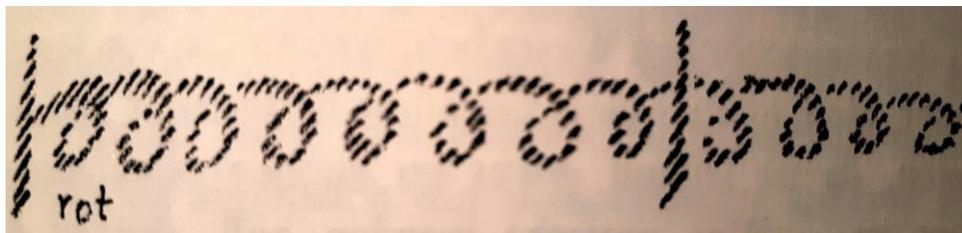

Рис. 12

Только как человек чувств вы человек настоящего. Как мыслящий человек вы осуществляете деятельность, которая является отголоском той деятельности, которую вы осуществляли до рождения в сверхчувственном мире. Это просто не соответствует действительности, что в то время, когда мы думаем, мы осуществляем деятельность, проистекающей из настоящего. Если вы естественно-научным образом исследуете то, что находится в вашем черепе, вы, найдете, конечно, только материальные вещи, поскольку то, что действует в нём, помимо материального, является продолжением деятельности до рождения. Живым доказательством для того, кто способен видеть правильно, является тот факт, что человек не только выходит из сверхчувственного мира, но и сейчас, живя здесь, продолжает переживать то, что он делал в сверхчувственном мире.

Представьте себе, что вы испытали здесь, в этом физическом мире, сильную боль, , которая продолжает чувствоваться даже тогда, когда того, что вызвало эту боль, уже нет. Так же и ваше мышление в настоящем, - это отзвук того, что вы пережили гораздо более интенсивным образом до вашего зачатия в этом чувственном мире.

Таким образом, мы являемся людьми настоящего, только в процессе чувственного восприятия. Если бы мы были только людьми настоящего, мы бы никогда не думали, потому что мышление не даровано нам, благодаря нашему рождению в физическом мире, но мышление даровано нам, благодаря тому, что мы можем позволить продолжаться деятельности, которую мы осуществляли до рождения, или до зачатия, в духовном мире, и, благодаря тому, что мы применяем эту деятельность по отношению к тому, что окружает нас здесь в виде чувственно воспринимаемого мира.

Эта вещь никогда не будет понятна, если исходить из привычных понятий «внешнего» и «внутреннего», и менее всего будет понятно истинное положение дел, которое выражается в человеческом существе, когда исходят из той глупой мистики, которая овладела сегодня столькими душами, и которая говорит: Там, внутри можно найти нечто такое, что является человеческим сверхчувственным. - То, что надо искать, так это то, что было до рождения: Ты должен указывать не на свое внутреннее существо, указывая за пределы внешнего чувственного мира, ты должен указывать на время, которое ты прожил до своего зачатия и до своего рождения, ты должен выйти из этого человека настоящего в человека до рождения, - тогда ты действительно войдешь в сверхчувственное. - Вот о чём идёт речь. А поскольку не хотят прорабатываться к этому здоровому понятию, говорят словами, которые, собственно, не имеют содержания, о разного рода божественном внутреннем и тому подобном. Внутреннее, которое так ищут в человеке настоящего, следует искать в том, что было до того, как мы были задуманы для этой жизни.

А когда мы действуем, когда в наше действие переходит воля? Возьмем самое простое действие: мы ходим по комнате; это действие, не так ли? Сначала мы видим себя, ходящего. О том, как с нашим хождением связана *воля*, у человека сознания нет, так же, как в обычной

жизни у человека нет сознания того, что он переживает во сне. Человек, вероятно, переживает себя спящим. Он видит внешне, - так же, как он видит синий цвет, дерево или звезды, - также и то, что делает этот человек из плоти, который тут ходит туда-сюда. Он наблюдает самого себя. О том, как он *волит*, он ничего не знает. Он знает только, что кто-то тут ходит туда-сюда, и этот кто-то, - он сам. И поскольку о том, кто тут ходит туда-сюда, он вынужден думать как о самом себе, он говорит: «Я *волю* (хочу, *will*) ходить туда-сюда». - Но как это воление (*Wollen*) связано с этим хождением, - тут и речи не может быть о том, чтобы человек в обычном сознании что-либо знал об этом.

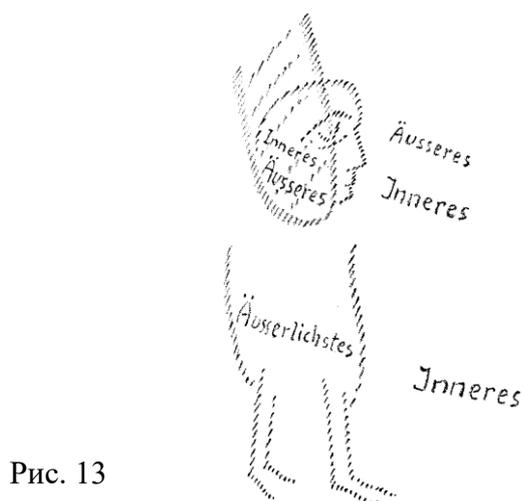

Рис. 13

Это опять же очень связано с тем, что обычно называют «внешним», и что на самом деле является «внутренним». Когда вы ходите туда-сюда, то есть, передвигаете свои ноги, вы видите, как вы передвигаете ноги (см. рис.13). Вы видите, как этот парень здесь ходит, и констатируете, чего он хочет (волит). Вы видите этот внешний процесс. Но здесь вы, собственно, можете увидеть намного больше, что это, собственно, человеческое внутреннее, поскольку вы, - даже если вы и не видите, как это связано, - вкладываете в это хождение свою волю. Это хождение, собственно, является её частью. Вы можете увидеть это здесь легче, чем вообще в чувственно-воспринимаемом мире; так что то, что тут ходит туда-сюда, вам легче назвать внутренним, чем то, что является содержанием чувственного мира. При том, что переходит от воли в действие, вам легче увидеть, что это внутреннее.

Само собой разумеется, это опять же не подходит современным мистикам, которые считают внешние действия внешним, и которые говорят, что надо проникнуть внутрь к божественному человеку, истинному человеку, и так далее. Но как здесь (см. рис.13, вверху) мы имеем внутреннее в чувственном восприятии и внешнее в, так называемом, внутреннем головы человека, точно так же напротив этого внутреннего (внизу) мы имеем то, что является человеком конечностей.

И теперь мы подходим к этому странному представлению, которое, ведь, довольно плохо совпадает с тем, что сегодня можно доказать, но которое, странным образом, если смотреть на вещи непредвзято, является верным. Я думаю, однако, что душевное настроение современного человека таково, - я извиняюсь за то, что должен касаться также и этих вещей, - что множество современных филистеров, а их немало, полагают, что тот регион космоса, который располагается ниже их диафрагмы, имеет дело, как раз, с их внутренним. Это люди называют это чем-то таким, что имеет некое отношение к их внутреннему. Но, на самом деле, для человеческого сознания это является в человеке самым внешним. Если мы называем (рис.13, вверху) внешним это, то мы можем сказать, что то, что лежит под диафрагмой, - это самое внешнее, наивнешнее. То, что расположено ниже диафрагмы, что является нижней половиной тела (*Unterleib*), - это в человеке самое внешнее. Любое дерево, любой камень, которые мы видим нашими глазами, является для нас внутренне ближе, чем наша нижняя

половина тела. Последняя — самая внешняя. Нашим действительным внутренним являются чувственные восприятия, то, что мы воспринимаем как наши действия. Содержание головы - это уже внешнее, и самое внешнее - это то, что лежит ниже человеческой груди. Это действительная констатация того, что можно увидеть. И это можно увидеть.

Это, в свою очередь, также имеет совершенно определённое значение. Вспомните, с тех пор как мы занимаемся антропософией, мы постоянно говорим: Когда человек бодрствует, его Я и астральное тело находятся в физическом и эфирном телах. - Это верно. Но когда человек засыпает, от засыпания до пробуждения, его Я и астральное тело находятся вне физического и эфирного тел. Я уже часто обращал ваше внимание и на то, в чём, по сути, состоит это внешнее. Это внешнее состоит в том, что то, что обычно находится в голове от Я и астрального тела, опускается вниз, под диафрагму. У вас может быть даже, так сказать, эмпирическое доказательство этого: вы видите во сне прекрасных змей, именно потому, что вы только что пробудились от своего пребывания в нижней половине своего тела, где вы воспринимали кишечник. Это воспоминание о восприятии кишечника превращается в сновидение о прекрасных змеях. - Так, говоря относительно человека, внешнее и внутреннее, собственно, получают своё определение, если мы знаем, что в человеке действительно является внешним и внутренним.

Но опять же, только приобретя такие увиденные представления, - не те, которые можно «доказать», а такие увиденные представления, - только тогда снова появляется возможность, посредством здравого смысла, понять достижения духовной науки. Поскольку то, что мы волим, определенным образом возникает из самого внешнего. А теперь подумайте, какое здоровое представление надо поставить на место нездорового. Человек считает, что если он чего-то хочет (волит), это исходит из его внутреннего. Это исходит из самой внешней его части, это возникает из того места, где его в бодрствующем состоянии совсем нет, где он присутствует, в лучшем случае, когда он спит. Если мы чего-то хотим (проявляем волю), мы совсем не в себе. Мы в космосе. Мы совершаем нечто такое, что является космическим событием, а не просто нашим субъективным событием.

Я, так сказать, всю мою писательскую жизнь старался передать современности такие понятия, которые являются с этой точки зрения здоровыми понятиями. Вы можете начать с моего «Введения к естественнонаучным работам Гёте», где я попытался, исходя из гётевского мировоззрения, заменить больные понятия современности на здоровые, где я обращал внимание на то, что определённые вещи, происходящие в человеке, можно верно рассматривать только тогда, когда не просто говорят: Это происходит внутри, и человек делает это, - а тогда, когда это человеческое, так называемое, внутреннее рассматривают как область, где разворачивается человеческая деятельность, которая в этой области исполняется из космоса, когда, так называемое, внутреннее человека рассматривается как область развёртывания космического. Всё развитие моих понятий теории познания в моей книжонке «Истина и наука» на предпоследней и последней страницах выливается в то, что человек является сценой для того, что в нём совершает космос, и что совершает он в соединении с космосом, совершает снаружи внутрь, а не изнутри наружу. Это самая важная часть, эти предпоследняя и последняя страницы моей работы «Истина и наука». И поскольку эти две страницы являются самыми важными и значительными, поскольку они самым интенсивным образом вторгаются в то, что должно быть изменено в представлениях современности, только поэтому я оформил эту работу, которая одновременно была тогда и моей докторской диссертацией, так, как она выглядит сейчас. В той форме, в которой она была в качестве диссертации, эти две последние страницы отсутствовали; поскольку нельзя было ожидать, что наука сделает из этих вещей выводы, имеющие какое-либо значение для преобразования всего мировоззрения. То, что было подготовлено в отношении теории познания, было в этой диссертации сравнительно безобидным; поскольку это является объективным философским развитием. Но то, во что это вылилось, могло быть добавлено в печать лишь позднее. Только тогда, когда человек смотрит на вещи так, что действительно осуществляет это точное видение, не предаётся больше иллюзиям, вызываемых посредством предвзятого

рассмотрения, - только тогда он в состоянии, здоровым образом, обрести соответствующие взгляды на волю. Поскольку то, что мы видим снаружи, когда «парень», или «девушка» вышагивает туда-сюда, когда мы наблюдаем самих себя при выполнении простейших действий, когда мы передвигаем наши ноги при ходьбе, - это, ведь, только внутренняя сторона нашего воления. Самая же внешняя сторона, имеющая значение для космоса, она, ведь, похоже, скрыта в нашем внутреннем. Но в нашем самом внешнем скрыто нечто духовное, которое лежит в основании, не очень-то называемого так людьми, внутреннего. И то, что происходит тут внутри, духовное, - разумеется не то, что осуществляется физически, а то, что происходит как духовное параллельно этому физическому, - это, как раз, не то, что происходит сейчас, не настоящее. Настоящим является то, что наблюдается внешне, когда «парень», или «девушка» вышагивает туда-сюда. То, что происходит внутри, это другое, это нечто такое, что происходит сейчас, собственно, только в зачатке, эмбрионально. В то время, как вы ходите туда-сюда, или выполняете своими конечностями какое-либо другое действие, в вашем самом внешнем происходит нечто такое, что имеет своё реальное значение только после вашей смерти, что является предзвучанием происходящего после смерти до следующего рождения, точно так же, как то, что есть в вашем мышлении, является послезвучием того, что вы делали в духовном мире после последней смерти до нынешнего рождения, или зачатия. То, что со-звучит в вашем самом внешнем, что люди называют самым внутренним, - это эмбрион процессов, осуществляемых вами между предстоящей смертью и следующим рождением. Человеческое воление видит только тот, кто видит, опять же, не настоящего человека, а кто в том, что живёт в человеке, - кажется, что в человеке, но, на самом деле, в самом внешнем человека, - видит коррелят, видит принадлежащее к деятельности, и в деятельности видит её принадлежность тому, что переходит порог смерти. Деятельность между смертью и новым рождением организуется так, что она, в свою очередь, также может продолжиться, и сейчас найти здесь своё послезвучие во внешнем.

Когда исследуют человеческую волю, и, мистически погружаясь, пытаются найти в современном человеке основание этой воли, божественное основание этой воли, то обычно словесные мистики находят, что они должны искать его где угодно, только не в животе, поскольку для таких словесных мистиков это недостаточно благородно; для них, ведь, главное не истина, а особый елейный стиль речи. Но если ищут истину, то речь идёт о том, что, в смысле чувственно-физического факта, некий коррелят, который выходит за порог смерти в более поздний мир, надо искать в самом, так сказать, неаппетитном; там мы должны искать будущего человека. И так мы обретаем доказательства из мышления человека до рождения и из воли человека после смерти, о чём я уже много раз говорил здесь и даже в различных публичных лекциях. Но это истины, которые сегодня непременно надо осознать. Сегодня надо непременно осознать, что человеческое мышление - это нечто такое, что может быть созданным совсем не человеком из плоти и крови, нервов и костей, живущим в настоящее время, что это послезвучие из жизни до рождения, и что воля - это совершенно не то, что может быть произведено человеком в настоящее время в своей целостности, но что воля имеет одну сторону, которая остаётся после смерти. Если действительно познакомиться с тем, что в современном человеке может создаваться не посредством телесного человека, то в этом человеке, стоящем перед нами, будет виден вечный человек, стоящим перед нами всегда. Но эти истины обретаются не спекуляциями о вечном, а посредством того, что человек способен действительно позитивно углубиться в то, что является мышлением, с одной стороны, и волей, - с другой стороны. Благодаря этому, достигают таких познаний.

Это действительно необходимо: если человек, в смысле сегодняшней духовной науки занимается высшим познанием, то он должен рассматривать в качестве вредящего фактора, прежде всего, эту словесную мистику, которая распространяется повсеместно.

Поэтому сегодня должны быть предприняты шаги для описания определённых вещей с точки зрения настоящей честной духовной науки. И эти описания во многом принимаются. Но затем, когда дело доходит до того, о чём, собственно, идёт речь, о вмешательстве конкретных фактов человеческой жизни, тогда люди больше не соглашаются, потому что

тогда они предпочитают слушать болтовню мистически настроенных людей, которые хотят создать волшебный внутренний мир из слов. Но настоящее в их жизни слишком серьезно для того, чтобы позволить себе такое удовольствие, - а мистицизм сегодня для большинства людей лишь удовольствие. То, что нужно сделать сегодня, - так это то, что формирует душу человека таким образом, чтобы он действительно мог оперировать только этими подходящими понятиями, мог понять с их помощью, в том числе и то, что живёт в социальной жизни. Может ли тогда человек подойти к социальным понятиям, если он не в состоянии видеть, если, исходя из естественно-научного образа мышления, он подходит к реальности только с заранее сформированными суждениями, заранее сформированными взглядами? Чистое видение реальности, какое нам сегодня необходимо, можно, ведь, обрести только освободившись с помощью духовно-научных идей от дебрей представлений, которым мы предаёмся сегодня, и которые находят своё последнее, крайнее выражение во многих мистических заблуждениях нашего времени. Мистические заблуждения нашего времени не являются признаками первых шагов к лучшему; чаще они являются последними шагами упадка, привнесения самого внешнего в виде просто словесных оболочек, вместо действительного познания.

Действительные познания даёт нечто такое, вроде: мышление - это послезвучие жизни до рождения; воля - это предзвучие жизни после смерти. - Это конкретные познания. Тут говорят совсем по-другому, когда говорится о таких конкретных вещах, нежели те, кто рассказывает: Во временном человеке живёт вечное, там живёт божественное Я; если человек ощутит себя в нём, он оказывается в божественном, в своём истинном Я; другое Я — не истинное, и так далее. - Можно играть с такими понятиями целый день. Можно создать внутри себя чувство благополучия, но действительных познаний, благодаря этому, не достигнуть.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 19 октября 1919 года

В этих рассматриваниях я вам с самых различных точек зрения показал, что существует связь между принятием духовно-научного знания и социального понимания, которое должно всё больше и больше распространяться среди человечества. Возможно у вас возникла потребность более глубокого понимания этого, и вы спросите: Какова же внутренняя связь отношений между людьми, которые мы называем социальными, и тем, что может развиваться в нас как ощущение, благодаря тому, что мы постепенно вживаемся в духовно-научные представления? - Духовно-научные представления, ведь, прежде всего, вызывают у нас настрой определенного внутреннего соответствия, который даёт нам возможность понять то, что человек, хотя и переживает в обычной жизни, но что, собственно, должно ощущаться как самое непостижимое: человеческую судьбу. Эта человеческая судьба становится понятной, благодаря знакомству с законом повторяющихся земных жизней и их связях, законом кармы. Мы узнаём, как одна земная жизнь, в которую мы входим и проживаем, зависит от наших предыдущих земных жизней. Мы, ведь, уже говорили о силах, которые переходят из одной земной жизни в другую, и из этого видели, какова в общих чертах космическая техника формирования судьбы.

Далее, вы, ведь, все ощущаете, что человек сегодня, если он не приобрёл никаких высших познаний, может лишь смутно догадываться о том, как формируется судьба, посредством законов следующих одна за другой земных жизней. То, что мы обозначаем как карма, является, ведь, чем-то таким, что сегодня теоретически может быть понято относительно легко. Вы можете увидеть это в последнем издании моей «Теософии», где соответствующая глава о карме претерпела изменения. Но то действительное видение жизни, о котором я вам говорил, то простое, не замутнённое предвзятостью и заранее

сформированными взглядами видение жизни, которое могло бы сразу обнажить закон судьбы, - им, ведь, обладают сегодня лишь очень мало людей. Если бы человек видел то, что происходит в жизни так, как я говорил о простом, непредвзятом видении, тогда здоровое человеческое понимание говорило бы о законе судьбы в смысле духовной науки. Но для большинства людей сегодня этого, как раз, не происходит. Прежде всего, большинству людей, благодаря нехватке непредвзятого видения, неясно, каким образом живёт в душе сознание Я. Сегодня даже есть философы, которые говорят о Я-сознании так, будто это Я-сознание является самым верным, самым реальным. Можно сказать, что это, одновременно, и верно, с одной стороны, и односторонне, даже почти неверно, с другой стороны. Поскольку, как же мы, собственно, воспринимаем наше человеческое Я?

Вы, ведь, узнали вчера, относительно внутренней жизни, что жизнь мыслей является, собственно, лишь тенью жизни до рождения, что волевая жизнь является эмбриональным, зародышевым жизни после смерти, что, таким образом, то, что разыгрывается в нашей жизни, по сути, не связано с тем, во что мы облачены как тело от рождения до смерти, и что наше внетелесное, то есть, вневременное бытие вторгается в наше мышление, с одной стороны, и в нашу волю, с другой стороны. Но вы знаете также, как мы оглядываемся назад, на свою жизнь, и чувствуем, что оставили позади себя законченную жизнь как воспоминание. Как люди, можем очень легко прийти к представлению: мы осознали ход нашей жизни, с момента времени, который мы помним, и сохранили его в памяти. Люди представляют себе, что если здесь (см. рис.14) момент настоящего, то он вспоминает до того момента в детстве, до которого он может вспомнить Вы легко можете увидеть, что это огромное заблуждение.

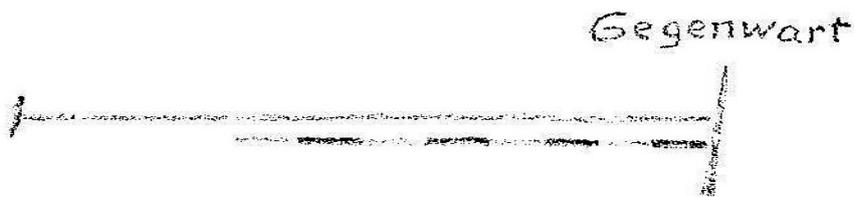

Рис.14

Если вы проследите свою жизнь до момента, который вы ещё помните в детстве, и взглянете на неё как на непрерывный поток, то это, конечно, совершенно неверно, потому что при таком обратном воспоминании вы в действительности воспринимаете прежде всего только дневные события последнего дня, с которого вы начинаете это воспоминание; затем, в промежутке, ночь, затем, в свою очередь, предыдущий день, затем снова ночь, во время которой вы ничего не воспринимаете, затем снова предыдущий день и так далее.

Таким образом, это чудовищная иллюзия жизни, когда вы просто упускаете то, что это обратное воспоминание, это сознательное обратное воспоминание, предоставляет вам не непрерывный поток, а в действительности прерывистый поток, в котором отсутствуют всё время, в продолжении которого вы спали. То есть, у вас имеется не непрерывная линия воспоминания, а прерывистая линия, постоянно прерывающаяся линия воспоминания.

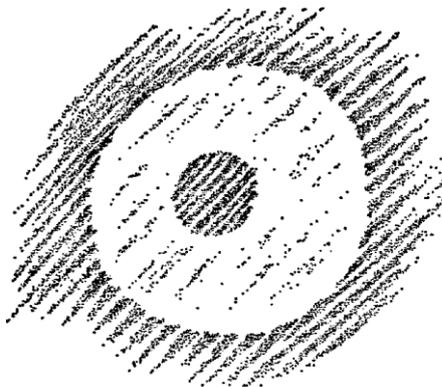

Рис.15

Теперь, чтобы вам было ясно значение того, что я, собственно, хочу здесь сказать, я хотел бы представить вам один образ. Представьте себе следующую картинку (рис.15): белый диск, и в пределах этого диска - тёмное пятно. Вы можете себя спросить: что я здесь воспринимаю? - Белый диск. А там, где белого нет, вы видите тёмное пятно. Я не хочу сейчас рассуждать о том, является это тёмное пятно реальным, или это просто отсутствие белого. Но вы видите это тёмное пятно. Вы видите, это тёмное пятно расположено там, где нет белого на этом белом диске. Это изображение вы можете применить к тому способу восприятия, которым вы в обычной жизни воспринимаете своё собственное Я. Насколько мало вы воспринимаете нечто здесь (в центре), где находится тёмное пятно, настолько мало вы воспринимаете, собственно, своё Я. Вы не воспринимаете своё Я совсем, вы воспринимаете свои переживания, сделанные во время своего дневного бодрствования. А своё Я вы вообще не воспринимаете; просто потому, что когда вы охватываете взглядом свои переживания, ваши переживания отсутствуют, как отсутствует белое на месте этого тёмного пятна. Оглядываясь назад на свою жизнь, вы воспринимаете эти переживания, и не воспринимаете перерывы между ними. Зато вы воспринимаете своё Я. Таким образом, в действительности представление о своём Я вам даёт это отсутствие дневных переживаний, то есть, когда вы говорите «Я», вы воспринимаете то время вашей жизни, которое вы проспали.

Фактически, когда вы оглядываетесь назад, это сэкономленное в жизни, - это то, что обуславливает восприятие вашего Я. Представьте себе, что вы бы вообще не спали, вы бы всегда бодрствовали, - тогда при обратном воспоминании у вас не было бы восприятия своего Я. Вы бы почувствовали себя существом, без Я плавающим в событиях мирового бытия.

Просто видение этих вещей имеет огромное значение. Поскольку любой человек полагает, что восприятие Я (самосознание) - это переживание. Нет, восприятие Я - это соответствующая дыра в переживаниях. Я прошу вас поначалу запомнить это.

А теперь я прошу вас вспомнить, как я постоянно повторял, что человек спит не только тогда, когда он спит, но спит и тогда, когда он бодрствует. Ведь, человек бодрствует, собственно, только относительно своего мира чувств и представлений. Только в своих чувственных восприятиях и своих представлениях человек бодрствует действительно. Относительно своей воли он спит. Как мало человек осознаёт (hineinsieht) из того, что он делает в период от засыпания до пробуждения, так же мало он осознаёт внутренние импульсы своего воления. Я говорил вчера о том, как «парень» или «девушка» смотрят на свои действия, но воление не видят. Относительно воления человек спит. Когда он проявляет волю, он спит и днём. Он бодрствует, только являясь чувственно-воспринимающим, формирующим, в смысле понимания, понятия и представления человеком. Он бодрствует только наполовину; для другой, для волящей части своего существа, человек спит и бодрствуя.

А теперь вы поймёте, как, собственно, обстоит дело с Я. Оно, как реальное существо, совсем не входит в ваши чувственные восприятия и ваши представления, а оно остаётся внизу, в воле, и там продолжает спать также в период от пробуждения до засыпания. Поэтому как реальное существо вы его не можете видеть никогда, только в виде отсутствующего белого в середине диска. Вы можете иметь смутное чувство того, что у вас есть Я, когда из этого воления до вас дойдёт нечто от того, что вы имеете как дыру в ваших душевных переживаниях. Но восприятие Я является, как раз, полностью негативным. Это чрезвычайно важно увидеть. Необходимо, чтобы то поверхностное представление Я, которое фигурирует также в различных философиях нового времени, было увидено во всей его ничтожности. Только тогда, когда вы проясните для себя все эти факты, которые я здесь привёл, вы поймёте, внутренне поймёте отношение человека к человеку.

Это отношение человека к человеку я представил в новом издании моей «Философии свободы» в том дополнении для этого нового издания. Мы воспринимаем, как я уже сказал, не только наше собственное Я, правда негативно, но мы воспринимаем также и Я других людей. Мы не могли бы его воспринимать, если бы это Я было в нашем собственном

сознании. Если бы Я было в нашем собственном сознании, то отношение человека к человеку было бы довольно фатальным; тогда мы бы шли по миру и постоянно имели бы в нашем сознании, в рамках нашего мира чувств и представлений, только Я, Я, и Я... Мы проходили бы мимо других людей и воспринимали бы их как тени, удивляясь тому, что когда мы протягиваем руку, эта тень её пожимает. Мы совершенно не смогли бы себе объяснить, отчего происходит так, что мы не можем действовать через человека. Все это привело бы к тому, что мы имели бы это Я в нашей чувственной жизни и в наших представлениях не просто как представление некоего негативного, а субстанционально. Там его у нас нет. Оно есть у нас только в нашем волеии и в чувстве, которое излучает это волеие. Я, собственно, находится там, а не непосредственно в жизни чувств и представлений.

Когда мы воспринимаем другого человека, мы воспринимаем его, собственно, посредством нашего волеия. Ведь, это сжигающее мозг представление, не такое уж редкое среди людей, считающих себя философами, которые говорят: Когда мы стоим лицом к лицу с другим человеком, мы обнаруживаем что-то вроде формы: сверху волосы, затем лоб, затем нос, рот и так далее. Мы часто видели себя в зеркале; и там мы выглядим точно так же, как тот, кто стоит перед нами. И поскольку у нас есть Я, по аналогии мы заключаем, что у другого тоже есть Я. - Это сжигающее мозг представление, настоящая полная чушь! Поскольку мы воспринимаем Я другого, фактически, так же, как и своё собственное Я, хотя и как негатив. И именно потому, что наше Я находится не в нашем сознании, а вне нашего сознания, точно так же, как и волеие, - поэтому мы можем поместить себя в Я другого человека. Если бы Я было в нашем сознании, мы не смогли поместить себя в Я другого человека и воспринимали бы его лишь, как бы, в некоем теневом бытии. И как же происходит это восприятие другого? Тут происходит нечто вроде очень сложного процесса, когда мы воспринимаем другого. Мы стоим перед ним: он требует определённого внимания к себе и на какой-то момент усыпляет нас. Он гипнотизирует, усыпляет нас на какой-то момент. Наше человеческое чувство, благодаря этому, действительно на короткое мгновение, как бы, погружается в сон. Мы защищаемся против этого и задействуем нашу личность. Это как у маятника: засыпание в другом, пробуждение в себе самом, благодаря этому, снова засыпание в другом, пробуждение в самом себе. И этот сложный процесс колебания взад и вперед между засыпанием в другом и пробуждением в себе происходит в нас, когда мы сталкиваемся с другим человеком. Это процесс в нашем волеии. Мы просто не воспринимаем его, потому что мы совершенно не воспринимаем нашего волеия. Но это постоянное вибрирование туда-сюда имеет место, как это описано в моей «Философии свободы».

Видите ли, в этом вибрировании между засыпанием в другом человеке и пробуждением в себе самом, мы имеем первичный элемент, своего рода, атом социального сожительства людей. Это первичный элемент того, чем является социальная жизнь от человека к человеку. И этот первичный элемент, а вместе с ним также все сложные структуры социальной жизни, покоятся, в той части нашего существа, которое спит, также и тогда, когда мы бодрствуем. Социальная жизнь - это, по существу, в лучшем случае, сновидящая сущность бодрствующего человека; это не полностью бодрствующая жизнь, которую человек проживает в социальной жизни. Поэтому социальное так трудно понять в обычной жизни, поскольку оно представляет собой не полностью бодрствующую жизнь, поскольку оно является сновидческой жизнью, и поскольку мы должны постоянно защищать себя от социального ощущения, от чувства в другом, чтобы сохранять себя в себе.

Теперь подумайте, насколько сложной делает нашу жизнь то, что мы вступаем с различными людьми в такие отношения, которые состоят из постоянного засыпания и пробуждения. Один человек такой, другой человек такой. Мы засыпаем в нём. Это засыпание таково, каков сам другой человек. Мы входим в него при этом засыпании. Вспомните-ка следующее: во время перерыва, или вообще где-то в этом зале вы говорили со многими людьми. И во всех в них вы засыпали, и затем снова пробуждались в себе. При этом вы переносите в себя что-то от сущности этих людей. Всё это вибрирует от человека к человеку, колеблется от человека к человеку. По сути, в этой совместной социальной жизни

господствует некий сумеречный, тёмный элемент. И сиюминутное сознание человека получает немного от этого социального ощущения, поскольку в нём колеблется от человека к человеку этот тёмный, сумеречный элемент.

В наше время дело обстоит так, что это, как раз, является для нас как людей настоящего нашей задачей, - это можно видеть из различных рассмотрений, которые мы здесь провели, - постепенно выйти из старых кровных отношений и подняться к пониманию того, что так сумеречно и неясно вибрирует между нами социально. Это одна из важнейших задач нашего времени, обрести понимание этого вибрирования. То, что я называю «Трёхчленность социального организма», является, по сути, лишь одной из таких структур человеческого сожительства, с помощью которой человек постепенно, в продолжении какого-то количества поколений, смог бы получить возможность действительно принять в себя с пониманием это вибрирование от человека к человеку, которое можно обозначить как социальный элемент. К этому пониманию можно прийти только благодаря тому, что рядом с экономической жизнью самостоятельно выступает правовая жизнь и духовная жизнь, то есть, благодаря тому, что духовная жизнь существует рядом с обоими прочими областями жизни совершенно свободным образом.

Это самая важная публичная задача человечества сейчас и в ближайшем будущем, провести в жизнь эту трёхчленность, чтобы человечество вообще смогло выжить, чтобы оно смогло прийти к действительно социальному внутреннему исполнению человеческой жизни. На путь к этому пониманию человечество вступило с начала 15-го столетия. В наше время это представляет такую трудность только по той причине, что впервые в развитии всего человечества Земли божественно-духовные силы мира апеллируют к сознанию людей. Всё, что действовало на развитие до этого, действовало, более или менее, в форме бессознательного. То, что необходимо прежде всего, так это то, чтобы социальная структура создавалась сознательным образом. Старые социальные структуры вышли из кровных союзов, из малых и больших семей, племён, кланов, классов и так далее. Затем они расширились до народов. Сегодня человечество барахтается, ложно полагая, что оно может удерживать такие отношения, отношения по принадлежности к народу, в то время как, по сути, они уже давно преодолены, в то время, как уже давно существует потребность в достижении других социальных принадлежностей, нежели кровное родство, посредством образования народов.

Я вам говорил, что первым этапом на пути такого понимания, необходимого сейчас и в ближайшем будущем, было то, что с Реформацией развернулось господство экономического человека. Я говорил вам о том, как в древние времена господствовали посвящённые, инициированные, затем священники, а затем с середины 15-го столетия, - экономический человек. После Реформации те, кто носил пурпурные мантии и представлял собой господ, должны были стать куклами экономического человека, если они хотели господствовать. По-настоящему, с середины 15-го столетия, господствовал экономический человек, те люди, которые занимались экономикой различных территорий Земли. Если, согласно именам, правили другие, то, как раз, только по именам, и правления стали, по сути, полностью пронизанными экономическими принципами. Конечно, не любят говорить о том, что всё, что делается, начиная с Реформации, делается с точки зрения экономики. Говорят об идеалах и тому подобном. Но для представителей действительной истории это только маски. Чтоб не слишком приоткрывать занавес, и после Реформации ещё ставили министров культуры, министров внутренних дел, министров юстиции и прочих. Но все они были лишь менее явные министры экономики. Кто придерживается реальности, тот может видеть, что в лучшем случае передавались старые предания, но по существу, всё же с оглядкой на экономику.

В этом отношении католическая церковь, как раз, в период Реформации, вела себя в соответствии со временем. Католическая Церковь уже в начале периода Реформации прекрасно поняла, что прогресс надо обеспечивать целиком в смысле нового экономического принципа. Достаточно, ведь, извлечь только один факт из других фактов. К тому времени

Церкви удалось сблизить высшие духовные вопросы и самые тривиальные мирские вопросы. В древние времена можно было искупить грехи, совершая самые различные дела. Но постепенно дело дошло до того, что грехи стало возможно искупить за плату. И Папа, собственно, быстрее, чем другие, светские власти, очень хорошо понял, как использовать прогресс нового времени. Он планировал свой будущий доход от искупления грехов. Если у тебя есть власть прощать грехи, совершенные людьми, за плату, то это означает огромный будущий доход. И когда это надёжно настолько, насколько надёжна вера людей, то это означает очень надёжную прибыль. Крупнейший банк Сиены поэтому считал надёжным бизнесом скупку у Папы такого большого количества индульгенций. В удачные времена Папа получал от этого банка Сиены огромные суммы денег. И банк нанял Тетцеля², чтобы собирать эти суммы. Который затем путешествовал по странам Центральной Европы и собирал суммы для сиенского банка.

Как видите, Церковь очень хорошо поняла, как пользоваться обстоятельствами нового времени. Это тоже история! И эту историю нужно иметь в виду.

Пришёл экономический человек. Церковь оставалась. Но, в конце концов, ведь, управление духовными делами с помощью сиенского банка и его представителей, его агентов, - это лишь маска для настоящего духовенства. И, если вы изучаете новую историю, вы обнаружите, что то, что говорят, что господствующим стал экономический человек, имеет глубокий смысл. Папа оставался таким сильным правителем, благодаря тому, что в нужный момент он решил также стать экономическим человеком, решил соответствовать экономическому типу.

Да, после Реформации стал господствовать экономический тип. Он сменил старый тип священника. Только в 19-ом столетии человечество в целом дошло до того, до чего Церковь, которая гораздо быстрее поняла веяния времени, дошла ещё во времена Реформации. Но экономический человеческий тип правил только до 19-го века. В 19 веке, в свою очередь, стал господствующим другой тип. Когда мы говорим, что этот тип стал господствующим, это означает, что от этого типа зависят решающие влияния в социальной структуре. В 19-ом столетии, в первом и втором десятилетии 19-го столетия, решающим затем стал ростовщик, то есть, банкир. Если бы вы захотели подыскать подходящее определение банкира, то это было бы рискованным предприятием. А именно, если давать определение банкира, большого и малого, основываясь на действительно социально-экономических соображениях, - а этого предпочитают избегать, - тогда не следует, одновременно с этим, искать определение для ростовщика. Поскольку эти два определения будут одинаковыми; они могут быть только тождественны друг на друга. Но это нечто такое, что современное человечество хранило в тайне так же тщательно, как некоторые тайные общества хранили в тайне свои «знаки» и «слова». Это не рассеивалось для всего человечества. Это осталось тайной в социальной жизни.

Банкир стал правящим. И если исследовать, как социальная структура развивалась в ходе 19-го столетия, то обнаружится, что, начиная с первого, второго десятилетия 19-го столетия, банкир, этот особый экономический тип, который экономизирует только деньгами, - это тот, кто теперь, подобно экономическому человеку прежде, оказывает решающее влияние на всё, что является социальной структурой, на все законы государств, и так далее. Очень важно видеть эти отношения, очень важно видеть, что экономический тип человека был правящим со времен Реформации, что банкир стал правящим с начала 19-го столетия. И невозможно понять публичные проявления цивилизованного мира в последнее время, если

² Иоганн Тетцель (*Johann Tetzel*) — доминиканский монах, инквизитор. Род. Во второй половине 1450-ых годов. Получил известность распространением индульгенций, которые продавал самым беззастенчивым образом, навязывая их, вымогая за них деньги, утверждая, что значение индульгенции превышает значение крещения (Википедия, прим. пер.)

не видеть в них историю господства банковского дела. К концу 19-го столетия произошло то, что я уже упоминал в цикле моих лекций в Нюрнберге в 1908 году: в первой половине 19-го столетия и немного позже, во второй половине, владелец денег был господином индивидуально; но затем этот принцип господства был преобразован таким образом, что стали господствующими сами деньги как таковые. Но в первой половине 19-го столетия правителями ещё оставались отдельные индивидуальные банкиры. Я проиллюстрировал это одним примером, если вы помните. Я рассказывал вам, как парижский Ротшильд должен был однажды дать займы деньги, ни больше, ни меньше, как королю Франции. Не правда ли, если парижский Ротшильд должен был однажды дать займы королю Франции, то это уже выдаёт немного то, кто правил на самом деле. Ну, короли не берут займы напрямую, не так ли. Итак, в то время, когда король послал туда своего министра, - такого рода министров экономики называют «министрами финансов», - Ротшильд имел дело с торговцем кожи. Слуга велел посланному министру короля Франции ждать в прихожей. Это, конечно, показалось министру короля Франции чем-то чрезвычайно необычным, что ему следует ждать, пока Ротшильд ведет переговоры с продавцом кожи. Он должен ждать? Он не собирается ждать, он распахивает дверь: Я пришел к вам от имени короля Франции. - Пожалуйста, возьмите стул и сядьте, - сказал Ротшильд. Конечно, это совершенно ошеломило министра. Да, но я посланник короля Франции! - Тогда возьмите два стула и сядьте!

Видите, это был ещё отдельный индивидуальный банкир, который был правителем. Постепенно это перешло в господство акций, банкнот как таковых. И мы постепенно вырулили в то время, в котором отдельный владелец денег больше не является существенным, а существенным является абстрактный накопленный капитал. Один может быть сегодня богат, а завтра беден. Сам человек перекачивается вверх-вниз. Акционерное Общество, абстрактное, - я говорил об этом в 1908 году в Нюрнберге, - вот что стало господствующим.

Но с этим человеческое развитие достигло крайности, предела. Поскольку как только господствующими становятся деньги как таковые, как только деньги становятся реальной движущей силой, исполняется время, когда, так сказать, просто голая цифра в деньгах должна быть заменена реальностью. Деньги - это самое духовное экономики. Это то в экономике, что может быть постигнуто только духовно. У них, у денег, ведь, только одна духовная ценность в человеческом признании. Хлеб и мясо можно, например, есть, но деньги есть нельзя. Действительно, за деньги можно приобрести что-то полезное, если эти деньги признаются. Но они имеют просто душевную, духовную ценность, понятийную ценность, ценность представления. То есть, время исполняется; в развитии должен произойти переворот, переход от чисто экономически-духовного денег к постигнутому действительно в духе. И то, что, должно быть достигнуто в виде социального понимания, посредством трёхчленности, - так это то, что непосредственно относится к господству самого экономически абстрактного, денег. Ибо, насколько тёмным, сумрачным, как я описал, является понимание социального сегодня, настолько светлым оно должно стать.

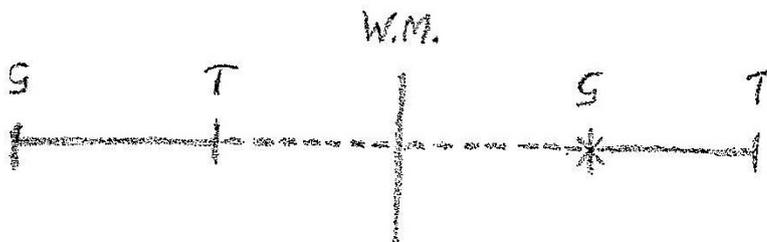

Рис. 16

Подумайте только, здесь (см. рис.16) проходит человеческая жизнь в настоящее время от рождения (G) до смерти (T). Эта жизнь проживается так, что в ней человек обретает социальное понимание, так, что социальная жизнь, социальная структура построены не на власти денег, которые он имеет, а на социальном понимании. Затем человек проходит врата

смерти, проживает время до следующего рождения, а затем снова проживает свою жизнь от рождения до смерти. То социальное понимание, которое этот человек приобрёл здесь между рождением и смертью, ведь, также лежит внутри него. Оно входит, прежде всего, в спящую волю, о которой я говорил вчера; оно пронесётся через врата смерти. Так, что это социальное понимание человек несёт с собой вплоть до мировой полночи (WM), и затем вносит через рождение в следующую земную жизнь.

Каким тогда будет это понимание, которое человек обрёл, посредством социального понимания, в следующей земной жизни? - Это важный вопрос, который должен быть сегодня поставлен. Оно станет пониманием кармы. То есть, в настоящее время, в ходе исторически-мирового развития человечества, мы достигли эпохи, в которой человечество должно обрести понимание социального; поскольку это понимание социального несёт в себе в следующей инкарнации понимание кармы. Но ни один человек не сможет достичь понимания социального без понимания духовного.

Вы видите, как связаны эти вещи. Вы видите, как понимание социального связано с пониманием духовного, со спиритуальным миропониманием и мировоззрением, и как от него зависит то, что для человечества должно выступить как сознательное познание судьбы в ходе человеческого развития, которое затем с пониманием социального пройдёт через врата смерти, родится снова, и после повторного рождения будет понимать свою судьбу.

Здесь важно, как раз, правильное видение того, как эти вещи взаимосвязаны в развитии земного человечества. Мы живем в эпоху необходимости социального понимания. Мы снова будем рождены в эпоху понимания судьбы отдельными людьми. Воистину, сегодня говорят о необходимости социального понимания не из просто абстрактного импульса, - это связано с самыми сокровенными импульсами развития земного человечества вообще.

Это то, что я вам, мои дорогие друзья, хотел предложить сегодня. В следующий раз мы продолжим говорить об этих вещах.

Лекции в Цюрихе - вы знаете, завтра публичная лекция в Базеле - пришлось отложить на два дня, поскольку изменилось место их проведения, придётся воспользоваться другими залами, нежели это было запланировано первоначально, так что первая лекция состоится 24-го октября, затем лекции 25-го, 26-го, 28-го, 29-го и 30-го октября, и 31 октября состоится эвритмическое выступление в Цюрихе. Из-за этого я, конечно, не смогу выступать здесь в следующую субботу и воскресенье, и поэтому я появлюсь здесь в следующий четверг для тех друзей, у которых есть время и желание приехать сюда в четверг в половине восьмого.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 23 октября 1919 года

Мы обсудили различные вещи о связи между духовно-научным мировоззрением и пониманием социальной жизни. Мы обсуждаем эти вещи по той причине, что сегодня необходимо, чтобы с различных сторон было увидено, что глубокое оздоровление нашей жизни и действительно плодотворное развитие в будущем возможны лишь в том случае, если в образ мысли, в представления людей проникнут духовно-научные взгляды, духовно-научные идеи.

Помимо того, что я недавно говорил относительно обратного просмотра жизни, к этому обратному просмотру жизни относится и нечто другое. Я обращал ваше внимание на то, что человек, просматривая свою жизнь в обратном порядке, должен, собственно, осознавать, что своим обычным сознанием он воспринимает только прерывающиеся отрезки своей [бодрствующей] жизни, и что между этими прерывающимися отрезками жизни, на которые человек смотрит, есть промежутки состояния сна, которые, собственно, выпадают, и относительно которых человек даже поддаётся определённому обману. Он думает, что эта жизнь непрерывна; но она не непрерывна. Эта жизнь такова, что показывает нам только

вырванные эпизоды. Но исходя из духовно-научных оснований, следует ясно понимать тот факт, что то, что не воспринимается при этом обратном обзоре жизни, всё же является чем-то пережитым, точно таким же, как то, что включено в обычное сознание.

Переживания, которые человеческая душа всегда проходит между засыпанием и пробуждением, описать нелегко по той причине, что человек должен освободиться от многих вещей, которые принадлежат его обычному состоянию сознания, если он вообще хочет приблизиться к понятию о переживаниях, которые происходят между засыпанием и пробуждением.

Для обычной жизни мы живём в пространстве и времени. Когда мы полностью спим, - сейчас мы говорим с точки зрения обычного сознания, - мы не живем в обычном времени и в обычном пространстве. Если мы вспоминаем то, что происходит с нами в период между засыпанием и пробуждением, тогда само это воспоминание представляет собой, своего рода, теневой образ, или, как говорят, проекцию пережитого во сне на пространство и время бодрствующей дневной жизни.

Если вы хотите, однако, взглянуть на эти отношения поближе, вы должны также иметь в виду то, что состояние сна - это не просто покой по сравнению с состоянием бодрствования. Как раз, в отношении этого сна возникает один из случаев, когда люди судят больше, исходя из предвзятых представлений, чем из реального видения. Если называть обычную бодрствующую жизнь нормальным состоянием человека, можно спросить: когда наступает этот покой? - Покой наступает, собственно, только в двух точках: в момент засыпания и в момент пробуждения. Засыпание и пробуждение являются в определенной степени нулём по отношению к состоянию дневного бодрствования. Но состояние сна не нуль, состояние сна — противоположность. Тут уже, для помощи, надо использовать популярное сравнение из арифметики. Например, у вас есть какая-то собственность, скажем, пятьдесят франков; то есть, у вас что-то есть. Когда у вас ничего нет? Ну, тогда, когда у тебя, как раз, ничего нет. Но если вы должны 50 франков, то у вас меньше, чем ничего, значит, у вас отрицательная сумма. Так ничто, - по отношению к бодрствованию, - это засыпание и пробуждение; само состояние сна, - по отношению к обычному состоянию бодрствования, - это отрицательное. Поскольку в то время, когда мы спим, тут происходят процессы, противоположные бодрствованию, процессы совершенно иного рода, процессы, которые, прежде всего, в отличие от процессов бодрствующей дневной жизни, не подчиняются законам пространства и времени.

Но кое-что, - что мы уже могли предположить, исходя из предыдущего, - в этом состоянии сна оказывается, наконец, в своём элементе, это наше действительное Я. Ведь, Я, хотя и живёт в нашей воле, но там оно также и спит, как мы знаем. Действительное Я не участвует в нашей обычной мыслительной жизни. Настоящее Я мы бы вообще не воспринимали, если бы не воспринимали его как, своего рода, отрицательное, негативное. И оглядываясь назад, на наши переживания мы не говорим себе: мы пережили дни и ночи, - мы смотрим только на пережитые дни. И вместо того, чтобы говорить себе: мы оглядываемся назад, на пережитое ночью, - мы говорим: «Я» - мы чувствуем себя, ощущаем себя как Я.

Такие истины должны постепенно проникать в людей, иначе они будут раздавлены чисто научным мировоззрением, которое, ведь, охватило также и всю остальную жизнь, все другие взгляды на жизнь большинства современных людей. Полностью познать себя как человека можно, только если в каждый момент своей жизни говорить: ты не просто человек из плоти и крови, который имеет сознание, как оно известно большинству живущих сейчас людей, но ты человек, который только выскользнул из своего тела от засыпания до пробуждения. Но тогда ты живёшь в совершенно других условиях, по сравнению с обычной бодрствующей жизнью, и только тогда, между этим засыпанием и пробуждением, твоё Я находится в своей собственной стихии; там оно может разворачиваться, там место, где оно может претендовать на то, чтобы быть субстанциональным. - Во время дневного бодрствования наше Я присутствует только в волении. В мышлении, в представлении и даже в большей части чувствования, ощущения присутствуют только образы Я.

Поэтому это большое заблуждение, когда некоторые философские стороны утверждают, что в том, что человек называет своим Я, есть реальность. Только если бы человек пробудился во сне в более высоком сознании, он воспринял бы свое настоящее Я. Или, если бы он увидел, чем является процесс воли, тогда он пережил бы свое настоящее Я в воле.

Однако, эти вещи должны, собственно, переходить у человека в ощущения, в чувства, чтобы играть правильную роль в его жизни. Человек должен суметь сказать себе: Ты являешься существом, которое со своим обычным представлением о мире воспринимает, собственно, только половину себя; другой половиной этого существа ты постоянно погружён в сверхчувственные переживания, которые ты не можешь воспринимать только своим обычным сознанием. - Определенное благоговение перед принципами, творчески стоящим за человеческим существом, может быть приобретено людьми правильным путем, только если они смогут таким образом соединиться со сверхчувственным. Поэтому в материалистическое время, такое как наше, ослабевает не только восприятие сверхчувственного, но ослабевает и благоговение перед творческими принципами мира. Благоговение вообще исчезнет из человеческих сердец. В настоящее время присутствует мало благоговения, мало чувств, которые действительно могут возвысить душу до сверхчувственного! И немногие чувства, которые человек ещё пытается спасти, являются, ведь, ничем иным, как определенной сентиментальностью, а сентиментальность, в свою очередь, также не истина, сентиментальность никогда не бывает полностью истинной.

Если такие вещи принимать в своё сознание согласно пониманию и ощущению, - я должен снова упомянуть об этом и в этом случае, - то перед душевным взором выступает тот факт, что человеческое и жизнь мира содержат в себе нечто от характера великой мистерии. А без такого воззрения, что жизнь и мировой порядок являются мистерией, немислим, собственно, никакой действительный прогресс в развитии человечества. Такие периоды как наш, в которых ни один человек, собственно, не хочет верить в то, что жизнь содержит тайны, - такие времена могут быть, по сути, только эпизодами. Они могут наступать для того, чтобы люди на некоторое время отвязались от своих собственных корней и, как раз, благодаря реакции против этого отвязывания, ещё больше проникнулись действительным чувством этой мистерии жизни. Но эта мистерия жизни не может открыться человеку ни из сентиментальности, ни из абстракции. Она может открыться, только если человек склонен заниматься конкретными фактами сверхчувственного мира. И началом такой склонности погружения в конкретные сверхчувственные факты будет развитие, своего рода, святого чувства по отношению к вхождению в состояние сна, развитие святого чувства по отношению к воспоминанию об этом состоянии сна, в котором человек, - и это можно охарактеризовать так, собственно, без образного выражения, - был в обители Богов.

В конце концов, нужно только понять, насколько нынешнее представление о жизни далеко от этой идеи, насколько бездумно настоящее человечество смотрит на эту другую сторону жизни. Но как мы можем видеть то, что лежит за пределами рождения и смерти, если мы не можем видеть то, что лежит за пределами засыпания и пробуждения? - За пределами рождения и смерти в человеке находится, ведь, то, что существует также и между рождением и смертью; только между рождением и смертью оно скрыто за телесной оболочкой. Но если бы здесь была менее эгоистическая религиозность, более альтруистическая религиозность, - я уже говорил об этом, - тогда то, что человек проживает от рождения, можно было бы рассматривать как продолжение жизни до рождения, или до зачатия, в духовном мире. Но тогда проявления человеческой жизни показались бы нам чудесами, перед лицом которых мы постоянно ощущали бы потребность их разгадать. Мы постоянно, в продолжении всего человеческого развития, ощущали бы потребность видеть проявление того, что формируется, воплощается в чувственный мир из сверхчувственных миров. И, по сути, это чувствуется уже сегодня, что и жизнь после смерти мы можем правильно понять, только взглянув на жизнь до рождения.

Видите ли, есть тайны жизни. Некоторое количество этих тайн жизни должно быть раскрыто в наше время из-за требований развития человечества. Человек не может осознать

всю свою человеческую природу, если он не расширит своё представление о себе, включив в него жизнь до рождения и жизнь после смерти. Потому что мы будем обладать знанием только части своего существа, если не позволим раскрыться для нас излучению жизни до рождения и после смерти в наше телесное бытие. Сегодня ещё чрезвычайно трудно говорить об этих вещах перед людьми, если они ещё в некоторой степени не подготовлены посредством антропософии; потому что, либо существует крайняя заинтересованность в том, чтобы не допустить людей к правде об этих вещах, либо нет правильного понимания. Ведь, всё, что вам нужно сделать, это осмотреться в жизни, тогда вы обнаружите, что используемые мировоззрения очень мало озабочены жизнью до рождения. Они заботятся о жизни после смерти из-за эгоизма, поскольку не хотят гибнуть вместе со своим физическим телом. И на этот эгоизм рассчитывают религиозные верования, говоря, по сути, только о жизни после смерти, а не о жизни до рождения.

Но говорить об этих вещах сегодня сложно ещё и потому, что отрицание жизни до рождения является, ведь, догмой Католической Церкви, догмой, которую приняли и другие христианские верования. Дело доходит до того, что почти во всех христианских верованиях разговоры о жизни до рождения рассматриваются сегодня как ересь. Но если догматически отрицается рассмотрение жизни до рождения, то это является чрезвычайно глубоким вмешательством в духовное развитие человечества. Действительно, трудно себе представить, - хотя я не всегда говорю о сознательных вещах, а больше о бессознательном человеческого развития, - что что-то могло бы больше убаюкать людей в иллюзии относительно их истинного бытия, нежели сокрытие от них воззрений на жизнь до рождения. Потому что фактом того, что человек попадает на Землю путём простого происхождения от отца и матери, фальсифицируется всё жизненное воззрение на человека в целом. Церковь создала для себя огромное средство власти, скрывая от людей понимание жизни до рождения. Поэтому церковь, как таковая, будет самым ужасным образом бороться против всех учений, которые занимаются жизнью до рождения. Церковь этого не потерпит. Не следует питать никаких иллюзий по этому поводу; но также и относительно того, что жизнь просто невозможно понять, не принимая во внимание жизнь до рождения.

Но если вы займётесь этим глубоко и основательно, вы придёте к некоторым выводам. Подумайте только: ведь, в церковном вероучении лежала заинтересованность в том, чтобы скрыть от людей важное откровение о самих себе. Церковные вероучения даже видели свою миссию в том, чтобы скрыть от людей важные истины о них самих. Эти церковные вероучения нашли тем самым средство окутывания людей оболочкой тупости, иллюзии. И сегодня нельзя предаваться заблуждениям в этом пункте, нельзя, исходя из каких-либо соображений, предаваться желанию идти на компромисс с какими-либо взглядами церковных вероучений. В этом не может быть компромиссов. И следует помнить, что это не принесёт никаких плодов, если вы будете утверждать: Антропософия, ведь, занимается Христом, она не атеистична, она также не пантеистична, и так далее. - Это вам никогда не поможет, поскольку церковные вероучения не будут сердиться из-за того, что вы *не* занимаетесь Христом, - это их мало волнует, - но они будут в ярости, как раз, потому, что вы занимаетесь Христом. Поскольку для них важно обладать монополией, позволяющей только им говорить о Христе. В этих вещах нельзя проявлять внутреннюю снисходительность, иначе всегда будут предприниматься попытки окутать самые важные вещи в жизни сумерками, туманом и иллюзиями. В настоящее время человечеству необходимо противопоставить этому духовные познания. Но эти духовные познания по большей части противостоят догматическим церковным вероучениям, а именно, тем догматическим церковным вероучениям, которые постепенно сформировались на Западе. Церковь, как таковая, собственно, не может быть враждебна духовно-научным познаниям; это совершенно невозможно, поскольку Церковь, как таковая, должна, ведь, иметь дело только с чувствами людей, с церемониями, с культом, но не с мыслительной жизнью. Образованный человек с Востока вообще не понимает западные церковные вероучения, поскольку он точно знает: он связан с внешним культом; его дело предаваться церемониям, соответствующим его вероисповеданию. Думать он может то,

что хочет. В восточных вероисповеданиях ещё кое-что знают о свободе мысли. Эта свобода мысли у европейцев полностью потеряна. Они воспитаны в мыслительном рабстве, особенно начиная с 8-го или 9-го столетия нашей эры. Поэтому людям западной культуры так трудно вникнуть в те вещи, которые я недавно рассматривал: что любое мнение легко доказать. Можно доказать одно мнение, и можно доказать обратное. Поскольку то, что кто-то может что-то доказать, не является доказательством истинности того, что он утверждает. Чтобы прийти к истине, нужно погрузиться в гораздо более глубокие слои переживания, нежели те, на которые опираются наши обычные доказательства. Но определённые церковные вероисповедания не хотят выносить эти переживания на поверхность; поэтому они отделили человека от таких истин, как эта: Ты стоишь здесь, о человек! По мере того, как развивается твой организм, начиная с младенчества, в тебе постепенно развивается то, что ты прожил в жизни до рождения.

И что же в основном развивается из жизни до рождения в отдельной человеческой жизни между рождением и смертью?

Прежде всего, мы различаем индивидуальную жизнь человека и социальную жизнь. Без различения этих двух полюсов человеческого опыта вообще нельзя подойти к понятию человека: индивидуальная жизнь - это то, что мы имеем как сугубо личное собственное переживание каждого дня, каждого часа; социальная жизнь - это то, что у нас не могло бы быть, если бы мы постоянно не обменивались мыслями с другими людьми, или не входили бы в какой-либо другой в контакт с другими людьми. В жизни человека играют роль как индивидуальные, так и социальные факторы. Всё, что в нас индивидуально, - это, по сути, последствие жизни до рождения. Всё, что мы развиваем в общественной жизни, является зародышем жизни после смерти. Мы даже недавно видели, что это зародыш кармы. Таким образом, мы можем сказать: В человеке есть индивидуальное и социальное. Индивидуальное - это последствие жизни до рождения. Социальное - это зародышевое посмертного.

Первую часть этой истины, что индивидуальное определённым образом является последствием жизни до рождения, можно увидеть, изучая людей с особыми способностями. Изучая, скажем, - поскольку в таких случаях полезно увидеть радикальное, - человеческий гений. Откуда появляется гениальная мощь, гениальность? Гениальность человек приносит с собой в эту жизнь через своё рождение. Это всегда результат жизни до рождения. И, поскольку жизнь до рождения, понятным образом, особенно выражена в детстве, - позднее человек приспособляется к жизни между рождением и смертью, но в детстве проявляется всё то, что человек пережил до рождения, - у гения это детское проявляется в продолжении всей жизни. В этом, как раз, заключается особенность гения, что он сохраняет детскость всю жизнь. И гению даже свойственно сохранять юношество, ребячество до глубокой старости, поскольку вся гениальность связана с жизнью до рождения. Но не только гений, все таланты, всё, что делает человека индивидуальностью, связано с жизнью до рождения. Поэтому, если вы даёте людям догму о том, что жизни до рождения не существует, не существует предсуществования, то что подспудно совершается этим? Распространяется учение: в особых индивидуальных дарах нет необходимости. - Вы знаете, что сами церковные вероисповедания, если они полностью искренни и честны, признают это: для личных дарований нет никаких оснований. - Речь, ведь, не идёт об отказе от самих личных талантов; но отрицаются их причины, тогда личные таланты можно считать не такими важными.

С этим связано то, что, исходя из церковных вероучений, как они правила на протяжении веков, вышло воспитание европейского человечества, которое в конечном итоге привело к нивелированию современного человека. Чем являются, по сути, сегодня индивидуальные таланты людей? И чем бы они стали, если бы было осуществлено обычное социалистическое учение? В этих вещах важно смотреть не столько на внешнее название вещи, сколько на внутренние взаимосвязи. Кто, с одной стороны, является верящим в догмы католиком, а, с другой стороны, ненавидящим социал-демократические учения, тот находится внутри очень странного противоречия. Он находится внутри такого же противоречия, как и

тот, кто говорит: Я встретил маленького мальчика в 1875 году, он мне очень нравится, он мне очень нравится и сегодня, этот маленький мальчик. - Но теперь ему говорят: послушайте, мальчик из 1875 года стал тем парнем, который сейчас стоит перед вами как социал-демократ. - Да, - говорит он тогда, - маленький мальчик из 1875 года, он мне нравится до сих пор, но тот, кто из него получился, мне совсем не нравится, я ненавижу его. - Но социал-демократия вышла из католицизма! Католицизм - это тот маленький мальчик, который вырос, превратившись в социал-демократию. Ни последний не хочет себе в этом признаться, ни первый не хочет это признать, но только по той причине, что люди не хотят видеть жизнь во внешнем социальном, а хотят видеть что-то вроде папье-маше. Когда делают что-то из папье-маше, оно остается жестким и сохраняет форму до тех пор, пока разрушится; но то, что присуще общественной жизни, растёт и живёт, но и это тоже можно подобным образом законсервировать. Но здесь нужно различать заблуждение и реальность. Смотрите, заблуждение и реальность вы различаете, поднимаясь, например, к следующей идее. 8-ой век: католицизм; 20-й век: из настоящего католицизма 8-го века вышла социал-демократия! И то, что рядом стоит как католицизм, - это не настоящий католицизм 8-го века, а его имитация, то есть, имитация католицизма; поскольку настоящий католицизм тем временем перерос в социал-демократию.

Обычно это не признается, потому что люди не удосуживаются взглянуть на реальность, нагромождая перед ней иллюзии. И это можно сделать легко. Можно просто дать тому, что уже перестало быть самим собой, то же название. Но если сегодня то, что представлено Римом в Европе, - я должен это перефразировать, - получило название католицизм в том же смысле, что и то, что было представлено Римом в восьмом веке, то это точно так же, как если бы я говорил о шестидесятилетнем старике: Это же восьмилетний паренёк! - Когда-то это был восьмилетний паренёк, но сегодня он уже далеко не восьмилетний.

Здесь я обращаю ваше внимание на нечто такое, что необходимо учитывать, потому что социальная жизнь также должна рассматриваться как нечто живое, а не как нечто неодушевленное, мертвое. И пока такие вещи не будут увидены, современное человечество не достигнет действительного понимания общественной жизни. Социальная жизнь имеет свои корни в таких сферах, которые мы сегодня обычно, с нашими предельно внешними названиями, больше не понимаем ни на каких языках, немного ещё на восточных языках, ещё меньше на европейских языках, и менее всего на английском или американском языках, которые, ведь, очень отдалены от реальности. Таким образом, наши языки являются препятствием к пониманию социального. Поэтому человечество продвинется к пониманию социального, только если оно эмансипируется от простого языкового понимания. Но сегодня всё, что выходит за рамки простого языкового понимания языка, с ужасом отбрасывается (perhorresziert). И сегодня, когда нужно что-то объяснить, вам прежде всего предлагается какое-либо словесное объяснение. Но не имеет значения, как называть какую-то вещь, какое слово использовать для этого; речь, прежде всего, идёт о том, чтобы привести человека к этой вещи, а не к слову. Таким образом, в первую очередь, если мы хотим продвинуться к социальному пониманию, мы должны преодолеть языковые привязанности. Но языковые привязанности можно преодолеть только в том случае, если будут преодолены величайшие предрассудки нашего времени. В те ужасные годы, которые мы пережили, по всему миру звучало: Свободу отдельным нациям! - и самые маленькие нации сегодня хотят создавать свои собственные социальные структуры. Страсть, пароксизм национального охватил человечество, и это для социальной жизни Земли так же вредно, как материализм - для жизни мысли. И точно так же, как человек должен проложить свой путь от материализма к свободе и духовности, человечество должно проложить свой путь от любого национализма, в какой бы форме он ни появлялся, ко всеобщей человечности. Без этого нет прогресса.

В языках, однако, мы не найдем возможности полностью выйти из национализма, если эти языки не будут опираться на более глубокие формы выражения духовного. Я хотел бы закончить эти размышления неким образом. Если вы подумаете над этим образом, который я

собираюсь использовать, вы сможете прийти ко многим вещам, которые могут быть для вас важными, как раз, для понимания настоящего времени. Взгляните сегодня на любой документ. Эти маленькие чертенья, стоящие друг рядом с другом на белой бумаге, и которые называют буквами. У них гротескные формы, и в своей совокупности они означают звуки нашей речи. Это восходит к другим, более выразительным формам письма. И если мы проследим это очень далеко назад, мы подойдем к письменным формам, скажем, таким, какие они были у египтян, или таким, каков был первоначальный санскрит, формы которого носят более или менее змеиный характер. Санскритские знаки представляют собой преобразованные змеиные формы со всевозможными добавлениями. Египетские формы письма были ещё нарисованными, обозначающими формами письма, они были ещё картинками, в свои первоначальные времена они были даже имагинациями того, что изображалось. Шрифт был непосредственно из духовного. Затем этот шрифт становился всё более и более абстрактным, пока не превратился в то, что было уже достаточно плохо: в наш обычный шрифт, который связан с тем, что он представляет, только посредством того, что человек изучает его формы.

Затем пришло нечто ещё более ужасное - стенография, которая теперь является полной гибелью всей системы, развившейся из старого образного письма. Это нисходящее развитие должно, в свою очередь, уступить место восхождению; мы должны снова вернуться к развитию, которое выводит нас из всего, к чему нас привёл шрифт. И попытка начала этого была сделана. Она стоит здесь, на этом холме в Дорнахе. Пусть много не хватает этому дорнахскому зданию, пусть многое в нём несовершенно, оно представляет собой в своих формах нечто такое, что современным способом выражает то сверхчувственное существо, к которому должны быть сегодня направлены взгляды людей. Оно задумано также и как, так сказать, мировой иероглиф. Если вы действительно изучите его индивидуальные формы, вы сможете прочесть в них гораздо больше, чем вы сможете усвоить через описания духовного, - по крайней мере, так задумано. Намерение состоит в том, чтобы воплотить в нём мировой шрифт. Шрифт возник из искусства, и он должен снова вернуться в искусство. Он должен выйти за границы символизма, позволить жить в себе непосредственно духовное, снова став новым видом иероглифов.

То, что стоит здесь, на этом холме, будет правильно понято, только если сказать себе: имеется множество много вызовов человечеству в настоящее время, на которые должны быть даны ответы. И, по сути, слов языка сегодня совершенно не достаточно, чтобы дать такие ответы. Попытка дать один из таких ответов делается в формах этого здания. Многое в нём несовершенно; но этим зданием была сделана попытка дать такой ответ. И если вы будете смотреть на него с этой точки зрения, то вы будете смотреть на него правильно.

Это то, что я хотел добавить к нашим предыдущим рассмотрениям сегодня.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 1 ноября 1919 года

Если сейчас, в это время, как раз, с духовно-научной стороны обсуждаются также и социальные вопросы, то это воистину основано, как я уже показал вам с самых разных точек зрения, не на какой-либо субъективной максиме, или каком-либо субъективном побуждении, а на наблюдении за развитием человечества, на наблюдении того, что именно содержат в себе в наше время силы развития человечества, к чему они нас особенно побуждают в настоящем и в ближайшем будущем.

Правда, надо сказать, что обнажать глубокие импульсы того, что, собственно, входит в рассмотрение для нынешнего развития человечества, - это вещь довольно неудобная;

поскольку в наше время люди не слишком склонны вдаваться в такие дела, рассматривать их с настоящей, глубокой серьезностью. Но наше время требует серьезного отношения к делам человечества. Оно требует, в частности, освобождения от вполне определенных заранее сформированных суждений и особенно от заранее сформированных ощущений. Сегодня я хотел бы дать вам некоторые точки зрения, которые позволят вам взглянуть на вещи, о которых мы много раз говорили, с более глубокой точки зрения. Тут нам снова придется направить своё внимание на несколько более широкий охват развития человечества.

Мы, ведь, отличаем тот период, в котором мы живем, как в нашем космическом настоящем, от других периодов; мы считаем, что он начинается в середине 15-го века, и мы называем этот период, как вы знаете, пятым послеатлантическим периодом. Мы отделяем его от того периода, который в то время закончился и который начался в 8 веке до нашей эры, и который мы называем греко-латинским периодом по именам народов, которые несли его культуру. И затем то, что предшествовало, мы называем египетско-халдейским периодом.

Если теперь взглянуть на египетско-халдейский период, - глазами души, разумеется, - то обнаружится, что обычное рассмотрение истории тут совершенно не работает. Даже если принять во внимание доступные халдейские и египетские документы, с внешней историей в истории человеческой эволюции слишком далеко назад не уйти. Но то, что значимо для настоящего, можно понять, только правильно поняв, исходя из его особенностей, именно этот третий послеатлантический период.

Но вы знаете, по крайней мере, одно. В обычной истории то, что было у людей в виде культуры, цивилизации известного тогда мира, называется язычеством. Как оазис вписывается в эту языческую культуру то, что является иудейско-еврейским, и что следует понимать как подготовку к христианству. Но если мы не будем принимать во внимание то, что было внедрено в дохристианское, как иудаизм, и что имело совершенно иную природу, нежели прочая культура того времени, то мы можем направить свой взор на пронизывающее эту культуру язычество. Что особенного в этой древней языческой культуре? Особенность этой древней языческой культуры состоит в том, что это в первую очередь культура мудрости, культура видения вещей и процессов в мире. Даже если то, что древний язычник воспроизводил из своего знания о мире, вытекало из древних мистерий и носило для сегодняшнего «умного» мира мифический характер, образный характер, следует всё же сказать, что всё то, что дошло до потомков из этих образов, является результатом глубокого проникновения в суть вещей и процессов.

Достаточно только вспомнить сверхчувственную мудрость, взятую из различных областей этого древнего времени, которую мы пытались раскрыть для настоящего времени, и уже будет видно, что имеешь дело с некой изначальной мудростью, которая образовывала основу всего мышления, всего чувствования и восприятия древних народов. Некое эхо этой изначальной мудрости, традиции, включающей эту изначальную мудрость, присутствовало, ведь, в процветающей форме и в некоторых тайных обществах до конца 18-го столетия, а также ещё до начала 19-го столетия. В 19-ом веке всё это более или менее иссякло, а то, что осталось, было поставлено на службу отдельным группам, а именно, отдельным народностям. И сегодня то, что присутствует в обычных тайных обществах, уже нельзя назвать плодотворной, достоверно переданной древней языческой мудростью.

В этой языческой мудрости есть определенное качество, которое никогда нельзя упускать из виду, если хочешь понять, о чём, собственно, здесь идёт речь. У него есть качество, благодаря которому, как оазис в этом потоке древней языческой мудрости должен был внедрён меньший поток, иудаизм, который затем подготовил христианство.

Если правильно познать древнюю языческую культуру, можно повсюду обнаружить, что она содержит великую мудрость, нечто, глубоко проникающее в сущность вещей; но эта языческая мудрость не содержит, собственно, никакого морального побуждения для человеческой деятельности. В этих моральных импульсах для человеческой деятельности, в некотором смысле, не было нужды; поскольку, в отличие от того, что фигурирует как знание, как познание, среди людей сегодня, эта старая языческая мудрость давала человеку реальное

чувство и ощущение, что он стоит внутри всего космоса. Человек, стоящий здесь, на Земле, ощущал себя составленным не только из веществ и сил, имевшихся вокруг него в минеральном, животном и растительном царствах. Человек чувствовал, как в нём действуют силы звёзд, Солнца и так далее. Человек чувствовал себя членом всего космоса, и он чувствовал себя членом всего космоса не просто как-то абстрактно, а из своих мистерий он получал подсказки относительно того, как себя вести, указания для всей своей деятельности в соответствии с движением звёзд. То, что было мудростью звёзд, ни в коем случае не было той расчётной астрологией, которой сегодня люди придают некоторое значение, а это было та древняя мудрость звёзд, которая понималась руководителями древних языческих мистерий так, что из этих мистерий могли выйти реальные импульсы для организации деятельности, поведения отдельных людей. Человек знал, что он в космосе в безопасности, не только благодаря общей мудрости, но и благодаря тому, что он знал, что он должен был делать с утра до вечера в определённый день года, - это считывал для него и давал ему в качестве указаний тот, кого он признавал инициированным в мистерии. Но из всего того, что инициированные считывали из мистерий, для халдейской, для египетской мудрости невозможно было получить никакого морального побуждения. Собственно, моральное побуждение для человечества было подготовлено только иудаизмом, и затем оно было развито христианством.

И должен возникнуть вопрос: как случилось так, что славная древняя языческая мудрость, которая, например, ещё ведь, обеспечивала художественный и философский расцвет в Греции, не содержала в себе морального импульса?

Если бы мы всё же пошли во времени дальше назад, за третье тысячелетие до нашей эры, то мы бы обнаружили, что одновременно с импульсом мудрости приходил и моральный импульс, и что дело с этим полностью обстояло так, как я вам здесь уже представлял: что в импульсе мудрости одновременно содержалось то, что было необходимо древнему человеку как его мораль, как его этос³ (Ethos). Но особый этос, особый нравственный импульс, как он затем пришёл с христианством, не был свойственен языческой мудрости как таковой. Почему? По той причине, что в течение тысячелетий, непосредственно предшествовавших христианству, эта языческая мудрость была инспирирована из одного места в далёкой Азии, но инспирирована из Азии в 3-м тысячелетии до нашей эры очень странным существом, воплощенным далеко на Востоке существом Люцифера.

И к тому многому, что мы узнали о развитии человечества, необходимо, чтобы мы также добавили знание о том, что, как нам было дано воплощение Голгофы, воплощение Христа в человеке Иисусе из Назарета, так же нам было дано и реальное воплощение Люцифера в третьем тысячелетии до нашей эры в Азии. И большая часть древней культуры была инспирирована с той стороны, которую можно обозначить только как земное воплощение Люцифера в человеке, который жил во плоти и крови. Даже, ведь, христианство, Мистерия Голгофы, когда она разыгрывалась среди людей, поначалу было понято таким образом, как люди могли понять её посредством того, что они могли получить из древней люциферианской мудрости. Также и односторонность, во всём остальном необычайно глубокого гнозиса проистекает из того факта, что воплощение Люцифера проходило, как раз, через этот древний мир. Невозможно правильно понять полное значение Тайны Голгофы, если не знать, что ей — почти три тысячи лет назад - предшествовало воплощение Люцифера.

Чтобы к этой инспирации Люцифера добавить то, что эта инспирация Люцифера отбросила из-за односторонности, пришло воплощение Христа. И вместе с этим появилось то, что теперь образует воспитательный импульс для развития европейской цивилизации и её американских последователей. Но с середины 15-го столетия, с момента, когда развитию человечества возникло побуждение к развитию индивидуальности, личности, в этом развитии также присутствуют силы, которые, в свою очередь, подготавливают новое

³ Этос (греч. ἦθος «нрав, характер, душевный склад») — многозначное понятие с неустойчивым терминологическим статусом. Понятие «этос» дало начало понятиям этики и этологии. (Википедия, прим. пер.)

воплощение сверхчувственного существа. И так же, как было дано телесное воплощение Люцифера, как было дано телесное воплощение Христа, так, еще до того, как истечет даже часть третьего тысячелетия нашей эры, на Западе произойдет реальное воплощение Аримана: Аримана во плоти. Этой инкарнации Аримана во плоти человечеству избежать не удастся. Она свершится. Речь идёт только о том, что земное человечество должно найти и занять правильную позицию по отношению к этому земному воплощению Аримана.

Во всём, что происходит таким образом, когда готовятся такие инкарнации, нужно смотреть на то, что шаг за шагом в человеческой эволюции ведёт к таким инкарнациям. Существо, подобное Ариману, которое через определённое время хочет инкарнироваться здесь, на Земле, в западном мире, готовит свою инкарнацию. Такое существо, как Ариман, которое хочет воплотиться на Земле, направляет определенные силы в человеческом развитии таким образом, что они обращаются в совершенно особое преимущество для этого существа. И было бы плохо, если бы люди спали в это время, и определенные явления, происходящие в человеческой жизни, не воспринимали бы таким образом, чтобы иметь возможность распознать в них подготовку к телесной инкарнации Аримана. Правильную позицию люди найдут только в том случае, если они опознают: в той или иной серии фактов, относящихся к человеческому развитию, необходимо опознать то, как Ариман готовит своё земное существование. И сегодня пришло время для того, чтобы отдельные люди узнали, какие из процессов, происходящих вокруг них, являются махинациями Аримана, которые - к его преимуществу - готовят его грядущую земную инкарнацию.

Несомненно, для Аримана было бы лучше, если бы он сумел сделать так, чтобы подавляющее большинство людей не имели никакого понятия о том, что, собственно, могло бы привести к содействию его существования; чтобы подавляющее большинство людей было настроено таким образом, что эти приготовления к инкарнации Аримана имели бы место, но люди считали бы их чем-то прогрессивным, хорошим, соответствующим человеческой эволюции. Если бы Ариман каким-то образом смог бы проникнуть в спящее человечество, то это было бы для него самым приятным. Поэтому необходимо обозначить те события, в которых Ариман работает для своей будущей инкарнации.

Смотрите, одним из тех фактов, в которых импульс Аримана, так сказать, слышен наиболее отчётливо, является распространение убеждения среди людей, что посредством того механически-математического представления о вселенной, которые появились, благодаря Галилею, Копернику и прочим, можно действительно понять то, что разыгрывается там снаружи в космосе. Поэтому со стороны антропософски ориентированной духовной науки должно быть строго подчеркнуто, что в космосе надо искать дух и душу, а не просто то, что ищут последователи Галилея и Коперника в качестве математики, механики, будто мир представляет собой огромную машину. Это было бы искушением Аримана, если бы люди остановились на том, чтобы рассчитывать траектории небесных тел, изучать астрофизику для того, чтобы определить вещественный состав небесных тел, от чего люди сегодня испытывают такую гордость. Но будет плохо, если этому галилеизму, этому коперниканству не будет противопоставлено то, что можно узнать об одушевлении космоса, об одухотворении космоса. Но это, как раз, то, что Ариман для блага своей земной инкарнации хотел бы избежать больше всего. Он хотел бы держать людей в такой тупости, чтобы они понимали только математическое астрономии. Поэтому он искушает многих людей выражать известное отвращение к познанию духа и души вселенной. Но это лишь одна из искушающих сил, которые Ариман, так сказать, вливает в души людей.

Другая из этих искушающих сил Аримана, - он, так сказать, работает соответствующим образом с силами Люцифера, - связана, конечно, для его инкарнации, со стремлением сохранить и без того широко распространенное настроение среди людей, что для общественной жизни достаточно того, что она будет удовлетворять людей экономически. При этом мы касаемся пункта, который современные люди часто не хотят признавать. Смотрите, ведь, для действительного познания духа и души сегодняшняя официальная наука не предлагает, собственно, ничего; поскольку методы, которыми пользуются сегодняшняя

официальная наука, годятся лишь для того, чтобы иметь представление о внешней природе и внешней природе человека. Но подумайте только, как, собственно, презрительно средний гражданин современности смотрит на всё, что ему кажется идеалистическим, что кажется ему путём, или чем-то похожим на путь, в духовное! Он, по сути, всегда спрашивает одно: Да, но что это дает? Что это приносит для земных благ? - Он посылает сыновей обучаться в гимназии, - возможно, он сам учился в гимназии или в другом учреждении, - он посылает их в университет или институт. Но всё это делается, собственно, только для того, чтобы заложить основы профессии, то есть, для того, чтобы создавать в жизни материальные блага.

Охватите своим взглядом то, чего это касается, занимаясь, как раз, этим вопросом. Сколько людей сегодня, собственно, совершенно перестали оценивать дух ради духа, душу ради души! Такие люди принимают только то, что преподносится им общественной жизнью как нечто полезное. Тут сегодняшнему человечеству надо осознать очень важный, полный тайн, факт. Сегодня настоящий среднестатистический гражданин, который, возможно, с утра до вечера прилежно выполняет свои обязанности в своем офисе, а затем проделывает известные «вечерние формальности», совершенно не хочет участвовать в такой «аллотрии⁴», которая выдвигается, например, антропософски ориентированной духовной наукой. Ему это кажется чем-то ненужным; поскольку он думает: это, ведь, нельзя есть. - И наконец: всё, что действительно полезно в знании, должно, - даже если люди не всегда признаются себе в этом, но в общественной жизни это так, - должно быть подготовкой к тому, чтобы иметь возможность есть.

Да, это странное заблуждение, которому современные люди предаются именно в этой области. Они думают, что дух, ведь, нельзя есть. Но смотрите, люди, которые так говорят, являются, как раз, теми людьми, которые дух едят! Поскольку в той степени, в какой человек отказывается принимать что-либо духовное, то есть, то, что принималось бы как духовное, в той же степени он поглощает это духовное, с каждым глотком, проводя его в материальном виде через рот в желудок, используя его тем самым иначе, нежели это должно происходить ради блага человечества.

Я полагаю, что многие европейцы считают благом для своей цивилизации то, что они могут сказать: мы же не людоеды, не пожиратели людей! - Но пожиратели души и пожиратели духа, - таковы европейцы со своими американскими последователями! Бездуховно поглощенное материальное означает направление духа на ложный путь. Сегодня говорить эти вещи человечеству трудно. Поскольку, только представьте себе, как много вещей в нашей культуре можно было бы охарактеризовать, зная этот факт. И удержание людей в таком духовно-пожирательном состоянии, - это один из импульсов Аримана для способствования его инкарнации. И, чем больше удалось бы встряхнуть людей так, чтобы они занимались экономикой не только в материальном смысле, а рассматривали также, наряду с экономической жизнью, в качестве члена социального организма, независимую, свободную духовную жизнь, имеющую настоящий дух, в той же степени люди могли бы ожидать инкарнацию Аримана, заняв надлежащую человечеству позицию к этой инкарнации.

Другое течение в нашей нынешней жизни, которое необходимо Ариману для продвижения своей собственной инкарнации, - это то, что сегодня так отчётливо выступает в, так называемом, национальном принципе. Всё, что может разделить людей на группы, что удаляет их от понимания друг друга как жителей всей Земли, что раскалывает их, - всё это в то же время является продвижением импульса Аримана. И действительно, во всём том, что говорится повсюду на Земле, о новом идеале: освобождение народов, даже самых маленьких, и так далее, следует слышать голос Аримана. Времена, когда решающей была кровь, прошли. И, консервируя такую старину, способствуют тому, что хочет Ариман.

Продвижение того, что хочет Ариман, осуществляется и в тогда, когда решительно не отвергается то, что я уже неоднократно здесь характеризовал, показывая вам: сегодня есть люди с самыми разными партийными взглядами и разными партийными представлениями

⁴Аллотрия — (греч. От allotrios — чуждый). Посторонние предметы, не относящиеся к главному; побочные занятия. (прим. пер.)

жизни. Одни из них могут быть так же хорошо доказаны, как и другие. Вы так же легко можете доказать то, что продвигает какая-либо социалистическая партия, как и то, что продвигает какая-нибудь антисоциалистическая партия, исходя из одинаково хороших побуждений. Если люди не увидят, что этот тип доказательства лежит на самой поверхности бытия, а именно, что можно одновременно доказать и «нет», и «да» с нашим нынешним интеллектом, который очень полезен для естествознания, но бесполезен для любого другого познания, если люди не увидят, что этот интеллект, который так великолепно служит нашей науке, находится на поверхности, тогда они будут применять этот разум к тому, чем является социальная жизнь, к тому, чем является духовная жизнь. Тогда они будут доказывать противоположное: один - одно, другой - другое, одна группа - это, другая группа - то; и поскольку можно доказать и то, и другое, люди обратятся к ненависти и горечи, которых в наше время достаточно. Всё это также является вещами, которые продвигает Ариман для осуществления своей собственной земной инкарнации.

И что особенно может послужить Ариману для продвижения его земного воплощения, так это одностороннее понимание самого Евангелия. Вы, ведь, знаете, насколько в наше время необходимо углубление Евангелия в духовно-научном смысле. Но вы также знаете, насколько сегодня широко по всей Земле распространено мнение, что не следует углублять Евангелия духовно, не следует позволять себе говорить то или иное о Евангелиях, исходя из реального познания Духа, Космоса. Следует «просто принять» Евангелия, принять так, как они предложены людям сегодня. Я не говорю уже о том, что истинные Евангелия даже не предложены; поскольку то, что сегодня люди имеют в качестве переводов Евангелий с языков оригинала, не является Евангелиями. Но в это я вообще не хочу вдаваться; я хочу лишь представить вам глубоко лежащий факт, который состоит в том, что нельзя прийти к действительному пониманию Христа, если лишь просто, как этого хотят сегодня большинство верований и сект, то есть с комфортом, хотеть положиться на Евангелии. Во времена, когда разыгрывалась Мистерия Голгофы, и несколько столетий спустя, приходили к пониманию настоящего Христа, потому что то, что передавалось можно было постичь с помощью языческо-люциферической мудрости. Эта языческо-люциферическая мудрость отступила, и то, что люди сегодня с помощью различных верований и сект находят в Евангелиях, не ведёт их к настоящему Христу, которого мы ищем посредством нашей духовной науки, а приводит их только к иллюзии, или, в лучшем случае, к некой галлюцинации, - к некой душевной, или одухотворённой галлюцинации Христа.

Нельзя через Евангелия прийти к действительному Христу, если не пронизать эти Евангелия духовно-научно. Посредством Евангелий можно дойти только до некой галлюцинации исторического явления Христа. Это, кстати, также было основательно выявлено в теологии новейшего времени. Почему эта теология новейшего времени так любит говорить о «простом человеке из Назарета» и представлять Христа, собственно, только как Иисуса из Назарета, который просто возвышается над прочими историческими личностями? Потому что утеряна возможность прийти к настоящему Христу, и потому что то, что люди приобретают из Евангелий, доводит лишь до галлюцинации, до чего-то подобного галлюцинации; они не доходят до действительного понимания реальности Христа через Евангелия, а получают лишь некое галлюцинационное, или иллюзорное представление. Это люди тоже поняли. Подумайте, какое множество теологов говорят о том, что Павел перед Дамаском имел «только видение». Они приходят к тому, что через рассмотрение Евангелий можно обрести только галлюцинацию, видение. Это не является чем-то ложным, но всё же, собственно, только внутренним переживанием, которое никак не связано с реальностью существа Христа. Я не называю его галлюцинаторным с привкусом того, что оно не истинно, а просто хочу охарактеризовать то, что представление существа Христа подобным образом является тем же, что и внутреннее представление галлюцинации. Поэтому, если люди остановятся на достижении галлюцинации Христа, и не будут стремиться к достижению понимания действительного Христа, то Ариман добьётся исполнения своих целей наилучшим образом.

(К галлюцинациям ведёт воздействие Евангелий также тогда, когда на человека оказывается воздействие только одного Евангелия). Против этого принципа, занятий с отдельными Евангелиями, проводилась работа, состоящая в том, что были представлены четыре Евангелия с четырёх различных точек зрения, и поэтому не получается эти четыре Евангелия, которые, как вы часто видели, внешне противоречат друг другу, воспринимать по отдельности дословно. Но большая опасность состоит, как раз, в дословном принятии какого-либо отдельного Евангелия. То, что происходит в сектах, которые присягают Евангелию от Иоанна, или Евангелию от Луки, как единственно верному дословному содержанию, - это, своего рода, образование безумной идеи, своего рода, затемнение сознания. С таким затемнённым сознанием, которое формируется, как раз, через Евангелия, которые не углублены духовно, получают люди, которые наилучшим образом служат подготовке инкарнации Аримана тем, что они займут ту позицию при его инкарнации, которая является для него наиболее благоприятной.

Смотрите, ещё одна неудобная правда для современных людей! Тут люди живут в своих конфессиях и говорят: «Нам не нужно ничего такого, вроде антропософии, потому что мы придерживаемся простого Евангелия». - Из чувства смирения, - говорят эти люди, - они придерживаются простого Евангелия. - В действительности, это самое ужасное высокомерие, о котором только можно подумать. И это высокомерие состоит в том, что человек, по-видимому, воспринимает Евангелие буквально, но берётся за суждение о том, что было разработано как мудрость с помощью полученного посредством рождения и посредством идей, пульсирующих в крови. «Самые простые» люди обычно самые высокомерные, особенно в религиозных областях, в областях вероисповедания. Но важно при этом то, что инкарнацию Аримана в основном подготавливают те, кто постоянно проповедуют перед людьми: Вам не нужно ничего больше, кроме чтения Евангелия!

И что любопытно, две стороны, даже если они очень, очень отличаются друг от друга, работают вместе, рука об руку: те, кого я ранее описал как пожирателей душевного, пожирателей духовного, и те, кто, как я только что описал, просто погружаются в буквальное понимание Евангелия, - обе эти стороны способствует воплощению Аримана. Обе ужасным образом работают рука в руку. Поскольку, если бы не было ничего другого, кроме мировоззрения пожирателей душевного и духовного, с одной стороны, и христиан, не желающих углубляться в Евангелие, с другой стороны, тогда Ариман смог бы превратить всех людей на Земле в "ариманистов"! То, что сегодня так широко распространяется из позитивного христианства во внешний мир, - это подготовка к инкарнации Аримана. И во многом из того, что с высокомерием выступает от имени ортодоксальной церкви, следует сегодня видеть подготовку к детищу Аримана.

Потому что эти вещи сегодня не таковы, как они буквально высказываются людьми. Люди сегодня слишком во многом, как я часто показывал, живут в словах. У нас совершенно нет необходимости отходить от слов и углубляться в вещи. Сегодня дело обстоит так, что слово в определенной степени действительно отделяет людей от реальной сущности вещей. И больше всего люди отделяются от реальной сущности вещей, когда они принимают древние свидетельства, к которым принадлежат и Евангелия, - как это часто подчёркивалось сегодня, - так называемым, «простым пониманием». Гораздо проще то, что действительно стремится проникнуть в дух вещей и с точки зрения духа понять сами Евангелия.

Я сказал: Ариман и Люцифер будут работать вместе всегда. Вопрос лишь в том, кто из этих двух, так сказать, одержит верх в сознании людей в определенную эпоху. Сильно люциферическая культура была во времена до Мистерии Голгофы, от воплощения Люцифера в Китае в 3-ем тысячелетии до нашей эры, и непосредственно после неё. Оттуда исходило многое из того, что особенно сильно действовало в первые христианские века, и что действует ещё и в наше время.

Но в наше время следы Люцифера становятся, в определенной степени, более невидимыми, поскольку в 3-ем тысячелетии предстоит инкарнация Аримана, и особенно заметными становятся следы деятельности Аримана в таких вещах, о которых я говорил вам

сегодня. Ариман, как бы, заключил договор с Люцифером, который я обозначил бы так: я, Ариман, нахожу для себя особенно благоприятным, - так Ариман говорил Люциферу, - взять на себя консервные банки; тебе я оставляю желудки, если ты только позволишь мне убаюкать эти желудки до сумеречного состояния, а точнее, убаюкать до сумеречного состояния сознание людей относительно их желудков.

Вы должны только правильно понять, что я под этим понимаю. В сумеречном состоянии относительно желудка находятся те люди, которых я обозначил как пожирателей душевного, как пожирателей духовного; поскольку они напрямую доставляют люциферическому течению то, что они кладут в свой желудок, если они не несут в своей человечности духовное. Через желудок бездуховно съеденное и выпитое переходит к Люциферу!

И что же я, собственно, имею в виду под консервными банками? Под консервными банками я имею в виду библиотеки и тому подобное, где хранятся те науки, которыми хоть и занимаются, но, собственно, без настоящего интереса, которые живут не в человеке, а в книгах, стоящих на библиотечных полках. Взгляните на эти науки, стоящие вне человека! Повсюду в библиотеках стоит множество книг. Каждый студент для получения докторской степени должен написать научный трактат; затем эти трактаты помещаются в максимально возможное количество библиотек. Затем снова следует учёный трактат, если субъект хочет получить какое-то место. Но и помимо этого люди пишут и пишут сегодня. Но из того, что сегодня пишется, читается очень мало. Только тогда, когда людям нужно подготовиться к тому или иному, они цитируют то, что гниёт, хранится в библиотеках. Эти «консервные банки мудрости» - это то, что является особенно хорошим средством стимулирования для Аримана.

То, как это делается, а также много других похожих вещей, которые введены в мир, но имели бы смысл только в том случае, если бы люди интересовались ими, что на самом деле не так, что скорее они присутствует только отдельно от людей, - это встречается во всех сферах. Подумайте только, если иметь к этому склонность, можно было бы отчаяться! Возьмём, например, судебный процесс, тут вам нужно нанять адвоката. Этот адвокат ведёт процесс. Затем наступает время, когда надо вести переговоры с этим адвокатом; накапливается всё больше и больше бумаг. Они у него в папке. Но когда вы затем говорите с ним, он понятия не имеет, что с чем связано, он ничего не знает, он снова и снова перебирает бумаги, и из этого ничего не выходит. Это не имеет никакого отношения к своим актам. Вот одна папка актов, вот - следующая. Число этих актов растёт. Но нет никакого интереса. Можно отчаяться, имея дело со специалистами, делающими подобные вещи. Они находятся в полном отстранении от того, о чём идёт речь, не знают об этом абсолютно ничего, поскольку всё стоит в актах. Это маленькие консервные банки души и духа; библиотеки тогда - большие консервные банки. Там всё консервируется. Но люди не хотят всё это соединять с собой, не хотят пронизывать всё это своим интересом. И, как раз, из этого, ведь, возникает в наше время тот настрой, который не позволяет впускать в мировоззренческие исповедания то, для чего необходима голова. Ведь голова необходима для того, чтобы что-то понимать. Люди же хотят своё вероисповедание, своё мировоззрение, принимать просто сердцем. Конечно, надо принимать это сердцем; но то, как в наше время люди говорят о религиозном исповедании, напоминает мне выражение, которое часто использовалось в местах, где я провёл свою юность. Там говорили: «Des mit der Liab, des is a ganz besondere Sach. Warna sie kaft, so kaft ma eigentli nur das Heaz, und in Kobf griag ma umasunst drauf⁵». То есть, «любовь - это особая штука: когда её покупают, то покупают, собственно, только сердце, а голову получают, как довесок, бесплатно!» - Примерно такой настрой относительно того, что люди сегодня хотят получать как содержание своего мировоззрения. Они хотели бы всё принимать, не напрягая голову, - сердцем, как они говорят, - но сердце не бьётся без головы, но через него можно хорошо принимать, подразумевая при этом, собственно, желудок. И тогда то, что, собственно,

⁵Похоже на нижне-австрийский диалект (прим. пер.)

должно быть достигнуто человечеством посредством головы, прилагается бесплатно, и в особенности прилагается в самых важных вещах жизни.

На все эти вещи надо обращать внимание, и очень важно обращать на них внимание. Поскольку, наблюдая за ними, можно увидеть, насколько серьезно нужно относиться к современной человеческой жизни, и как надо извлекать уроки, даже из иллюзий, которые могут исходить из Евангелий, извлекать уроки из того, *каким образом* люди любят иллюзии в настоящее время. Истина не может быть достигнута с помощью того рода знаний, к которому люди часто стремятся сегодня. Сегодня люди считают очень безопасным, если они вычисляют числами, статистически доказывать мирские вещи. У Аримана очень простая игра со статистикой и числами; потому что он особенно счастлив, когда ученый дает понять человечеству сегодня, что на Балканах это должно выглядеть так, потому что, например, в Македонии так и так много греков, так и так много сербов, так и так много Болгары. С числами ничего не поделаешь, потому что люди верят в числа. Сегодня люди считают очень надёжным, когда они оперируют числами, приводят доказательства вещам статистически. Со статистикой и числами Ариман имеет совсем уж простую игру; поскольку он особенно рад, когда какой-либо учёный сегодня дает понять человечеству, что на Балканах ситуация должна выглядеть так-то и так-то, потому что, например, в Македонии, проживает столько-то греков, столько-то сербов и столько-то болгар. Против чисел не попрёшь, потому что люди верят в числа. А Ариман делает свой расчёт на числа, в которые так верят люди, в том смысле, в каком я вам это сегодня показал. Но затем смотришь на то, что стоит за этими числами, на то, насколько они «надёжны». Несомненно, числа что-то доказывают человеку; но если не останавливаться на том, что стоит в книгах, в которых приводятся доказательства числами, а всматриваться внимательнее, то часто замечаешь: да, тут в этих статистиках, например, в македонских, числится отец-грек, сын-серб и другой сын-болгарин; то есть, отец числится как грек, один сын - как серб, а другой сын - как болгарин. Как получается, что в одной семье один грек, другой серб, а третий болгарин, и как это входит в числа, чтобы понять, что действительно является истиной, а не просто записью чисел, которыми люди так довольны сегодня. Это именно числа, посредством которых люди искушаются в том направлении, в котором Ариман наилучшим образом рассчитывает прийти к своему будущему воплощению в 3-ем тысячелетии.

Об этом мы продолжим говорить завтра.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 2 ноября 1919 года

Вчерашние рассмотрения показали вам, что для того, чтобы увидеть собственный механизм становления человека и существа человека, нам обязательно нужно охватить душевным взглядом действительность люциферической силы, силы Христа и ариманической силы. Речь идёт о том, что эти силы, ведь, определённо действовали и в продолжении предыдущего мирового развития. Но они действовали в сферах, где не было необходимости в том, чтобы человек ясно осознавал образ действия этих сил. В этом-то и смысл нашего пятого послеатлантического периода, чтобы человек всё больше и больше осознавал то, что, собственно, действует через него в земном бытии. По сути, уже и сегодня было бы необходимо, чтобы человечеству открывалось всё больше и больше тайн жизни, если бы человечество было более склонно к тому, чтобы принимать вещи более прагматично и объективно. Однако, без определённых знаний, как раз, в том направлении, которое было показано вчера, человечество не сможет продвинуться вперёд ни в социальной, ни во внутренней жизни. Обдумайте только то, что связано с нашими, длящимися уже месяцы, рассмотрениями социального. Их задачей является доказательство необходимости отделения духовной жизни, стоящей рядом с правовой или государственной жизнью, от просто

экономической жизни. Прежде всего, они нацелены на то, чтобы создать по всему миру условия, или, по крайней мере, - поначалу, ведь, мы не можем сделать большего, - рассматривать в качестве правильных условия, которые устанавливают независимую духовную жизнь, - духовную жизнь, которая не зависит от других структур социальной жизни так, как наша нынешняя духовная жизнь, которая полностью встроена в экономическую жизнь, с одной стороны, и в политическую государственную жизнь, с другой стороны. Либо сегодняшнему цивилизованному человечеству придется смириться с принятием такой независимой духовной жизни, либо нынешняя цивилизация должна приблизиться к своему краху, и какое-то будущее для человечества будет получено тогда из азиатских культур. Тот, кто сегодня не верит в то, что дело обстоит так серьёзно, также способствует в определенном направлении тому, что является подготовкой к будущей инкарнации Аримана.

По сути, многое из того, что могло бы дать объяснения относительно этой истины, мы можем опознать из внешних вещей, из внешних фактов человеческой жизни уже сегодня. Ариманической инкарнации будет особенно способствовать отказ человека от основания независимой, свободной духовной жизни, позволение духовной жизни оставаться запертой внутри экономического обращения или государственной жизни. Поскольку та сила, которая больше всего заинтересована в таком дальнейшем слиянии духовной жизни с экономической жизнью и с правовой жизнью, - это, как раз, ариманическая сила. Ариманическая сила воспринимает свободную духовную жизнь как, своего рода, тьму. А интерес людей к этой свободной духовной жизни эта ариманическая сила воспринимает как пылающий огонь, душевный огонь, причём, сильно пылающий огонь. Поэтому человек в ближайшем будущем должен найти правильную позицию по отношению к ариманической инкарнации, правильное отношение к ней, чтобы основать эту свободную духовную жизнь. Но сегодня ещё сохраняется сильная тенденция скрывать, как раз, те факты, о которых говорилось вчера. Наибольшее количество людей скрывают эти вещи, потому что они просто не хотят видеть правду, видеть то, что реально в вещах, позволяя обманываться словами, далёкими от реальности. Иногда, ведь, это стремление дистанцироваться от реальности, так сказать, честное, благонамеренное.

Посмотрите на нечто вроде опубликованного сейчас письма Ромена Роллана, в котором Ромен Роллан говорит, что нельзя больше ослеплять себя тем, что ранее говорилось со стороны побеждающих сегодня сил о справедливости, о представительстве права и т. д. Он пришёл к тому, что высказываться таким образом, благодаря тем действиям, которым Россия подверглась со стороны сил Антанты. Он говорит: неважно, имеете ли вы дело с королевской властью или с республикой, то, что говорится тут о законе и справедливости, - это всего лишь фраза, ведь, в конечном итоге, речь идет только о власти.

Теперь можно сказать: такое кажущееся откровение относительно реальности будет, ведь, позволять ослеплять себя снова и снова; поскольку это ослепление у Ромена Роллана сегодня так же велико, как и раньше; заблуждение не уменьшилось. Это заблуждение уменьшилось бы только в том случае, если бы такие люди вообще вышли за рамки фраз, если бы они увидели, что всё это не означает ничего из того, что они так жаждут, до тех пор, пока они действительно не поймут, что для старого унитарного государства как такового совершенно безразлично, какая у него конституция, какая у него структура, демократия это, республика, монархия или что-то ещё, - если это унитарное государство, если оно не подразделено на три части, оно является путём к ариманической инкарнации. Так что всё это просто декламации, включая недавнее «открытое письмо» («Weltrundschreibebrief») Ромена Роллана. Люди не постигают реальность, потому что сегодня постичь реальность можно, только увидев, что вещи должны быть углублены посредством духовного знания. И в этом направлении нужно действительно основательно погрузиться в суть вещей.

Вам несомненно известно слово, или ряд слов, часто повторяемых по всему миру: «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Словом». Попробуйте подготовить себя к пониманию того, действительно ли люди серьёзно относятся к этим трём строкам. Они

говорят это, но часто говорят это как фразу. Вы можете увидеть это уже из следующего. Большинство людей не придают особого значения тому, что эти строки произносятся в несовершенном прошедшем времени (im Imperfektum):

В Начале было Слово
и Слово было у Бога
и Бог был Словом,

при этом «Слово» в то же время должно иметь древнее, греческое значение. Это не то слово, которое понимается людьми сегодня, то есть, не просто произнесённое вслух слово, - это внутреннее духовное. Но и последнее стоит, ведь, в несовершенном прошедшем времени: «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Словом». То есть, надо было бы сказать: «Если в Начале Слово было, то теперь его нет». - Иначе было бы сказано: «Сейчас есть Слово». Но это Слово не есть у Бога, оно было у Бога. То есть, теперь его у Него больше нет. - И его там действительно больше нет. Это, ведь, сказано в самой Евангелии от Иоанна; поскольку, что бы это ещё могло значить: «И Слово стало плотью и жило среди нас»? Ведь, тут рассказывается, что лежит в дальнейшем развитии Слова. И под «Словом» подразумевается также всё то, что человек может обрести с помощью своих усилий, с помощью своего интеллекта как интеллектуальной мудрости. Мы должны уяснить себе, что всё, что человек может обрести таким образом, и что здесь передаётся словом «Слово», - это не то, что надо искать через человека настоящего и ближайшего будущего. Если бы имелось в виду настоящее, то надо было бы, собственно, сказать: Человек ищет Дух, который является в Слове. Поскольку Дух у Бога. И этот Дух - это Бог.

Человечество должно продвигаться от Слова к Духу, к видению и познанию Духа. На примере этих первых слов Евангелия от Иоанна вы можете видеть, насколько мало люди настоящего склонны принимать эти вещи действительно серьёзно, склонны действительно выходить за рамки произвольной интерпретации этих вещей. А это, ведь, чисто произвольные интерпретации, которые сегодня часто используются, как раз, для самых серьёзных вещей. Речь идёт о признании того, что и в самом человеке значение интеллекта, должно сместиться и осветиться посредством того, что открывается в духовном видении; при этом, ведь, важным является не всегда само духовное видение, а понимание этого духовно увиденного. Поскольку я, ведь, постоянно подчёркивал: Не только ясновидящий может сегодня видеть истину того, что переживается через ясновидение, но каждый человек, потому что духовный, спиритуальный элемент человека достиг для этого определённой зрелости, если он только решится использовать свою силу, преодолев свою склонность к удобству. Но для того, чтобы подняться к этим вещам, так, чтобы человек действительно занял соответствующую ему сегодня позицию, необходимо очень серьёзно отнестись к таким вещам, как те, что прозвучали во вчерашнем рассмотрении. Вчера я обратил ваше внимание на это с помощью тривиального примера того, как легко можно быть введённым в заблуждение числом. Но разве сегодня над человечеством не господствуют предрассудки в отношении чисел? То, что можно как-то посчитать, уже считается научным. В естествознании любят взвешивать и считать. В социальных науках любят статистику, которая тоже является просто взвешиванием и счётом. И как трудно человечеству решиться признать, что всё, всё, что представляет нам внешний мир посредством меры и числа, является обманом, заблуждением.

Ведь, что значит измерять? Измерять, - значит что-то сравнивать с какой-то мерой. Я могу измерить какую-то линию, сравнивая её с определённым отрезком, который укладывается на этой линии один, два, три раза, или больше. Когда так измеряют, будь то длина, площадь или вес, качественное полностью исчезает. Число три всегда одно и то же число, считаем ли мы овец, или людей, или государственных деятелей, - число три остаётся тем же самым; важно не качество, а количество. И в мере и числе, как раз, существенным является то, что качество не важно. Но из-за этого всё, что даётся нам через меру и число,

становится иллюзией, и это мы должны учитывать: что в тот момент, когда мы вступаем в мир, который можно измерить и взвесить, то есть, мир пространства и мир времени, мы вступаем в мир иллюзии, в мир фата-морганы, до тех пор, пока мы рассматриваем его как реальность. Это, ведь, собственно, идеал современного мышления, - узнавать обо всех вещах пространственно-временного внешнего мира то, что они значат в пространстве и времени, в то время как на самом деле то, что эти вещи значат в пространстве и времени, является, как раз, их внешней стороной, а мы должны проникнуть через пространство и время вглубь, если мы хотим прийти к истине, к существу. Поэтому должны прийти времена в будущем, когда человек скажет себе: Да, я могу постичь природный внешний мир своим интеллектом. Я могу постичь внешний мир своим интеллектом так, как, например, естествознание сегодня считало бы идеалом. Но воззрение, которое я приобрету, благодаря этому, будет чисто ариманическим. - Это не значит, что от этого естествознания надо отказаться, что его не надо иметь; но нужно осознавать, что, посредством этого естествознания, достигается только ариманическая иллюзия. Почему же? Почему же, несмотря на это, необходимо иметь это естествознание, - несмотря на то, что, посредством него, достигается только ариманическая иллюзия? Потому что человек в развитии Земли находится на нисходящей ветви своего развития. Он является существом, которое уже находится на пути к своему упадку. Если из пяти послеплатонических периодов вы возьмёте четвёртый, греко-латинский, то о нём можно сказать: Тогда человек, в отношении своего познания, находился в своей относительно высшей точке. Теперь же человек уже снова на пути к упадку. И на этом пути к упадку, - я уже объяснял это с различных точек зрения, - он, как снова становящееся телесно слабым существо, не смог бы вынести восприятия мира таким, как его воспринимал ещё древний грек.

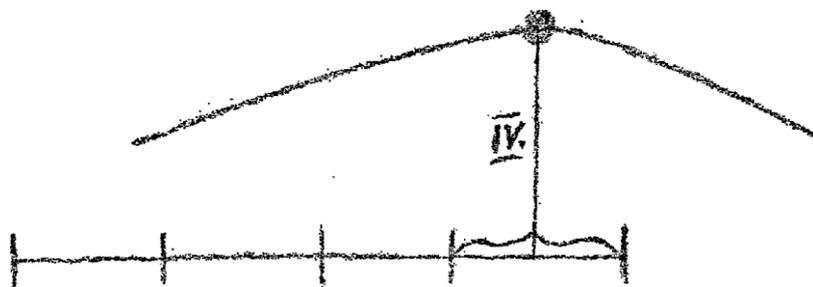

Рис. 17

И этого вам не скажет ни одна «внешняя история»! Что бы сказали об этом brave современные историки, которые бы представляли Грецию так же, как если бы они представляли какой-то регион современного мира, не зная, что, по сравнению с сегодняшними людьми, греки смотрели на природу другими глазами, слушали мир другими ушами. Сегодняшние люди, - и этого историки вам не скажут, - постоянно имели бы головные боли или мигрени, если бы они видели и слышали во внешнем мире то, что видели и слышали греки. У греков была гораздо более интенсивная внешняя жизнь чувственного мира. Мы уже мертвы относительно восприятия внешнего мира. Чтобы выдержать это, нам должна быть представлена лишь фата-моргана внешнего мира. И нам представлена просто фата-моргана внешнего мира. И, в наибольшей степени, эта просто фата-моргана не та, что мы просто видим своими глазами, а та, что мы сновидим об этом внешнем мире, посредством нашей науки, в наших представлениях. Величайшие сновидцы о внешнем мире сегодня - это те, кто считает себя самым реалистическим в мышлении. Дарвин или Джон Стюарт Милль, - вот настоящие сновидцы, мечтатели. Те, кто думает, что они то являются настоящими реалистами, - мечтатели (Träumer).

Но мы также не можем полностью полагаться на свое внутреннее. Многие из вас в ходе развития Теософского общества, - насколько это Теософское общество является Theosophical

Society, могли видеть, как просто наблюдение за внутренним, если оно осуществляется так, как это делают сегодня многие люди, также не ведёт ни к чему такому, к чему нужно вести человека сегодня, к чему он должен вести себя сам. Поскольку в этом случае в основном не стремятся к тому, чтобы человек пробился через обычную жизнь к более высокому воззрению посредством свободного самостоятельного решения, а в основном апеллируют, как раз, к несвободной части человека. Используются всевозможные галлюцинаторные, иллюзорные способности.

Но человек должен сказать себе: как внешняя наука становится ариманической, так и более высокое внутреннее развитие человека становится просто люциферическим, если он этот внутренний мир, такой, с каким он родился, углубляет мистическим образом. - В каждом человеке, который сегодня, без того самовоспитания, о котором говорится в книге «Как достичь познания высших миров?», мистическим образом берётся за углубление того, что в нём лежит, просыпается люциферическое, становится особенно мощным люциферическое. Но, ведь, это послужит вам доказательством того, что в каждом человеке сегодня, как только он вообще начинает копаться в своём внутреннем, проявляется люциферическое. Это люциферическое сегодня ужасно сильно в современном человечестве. Это люциферическое выражается в эгоизме, которого большинство людей у себя совсем не замечает. Вспомните, как часто вам встречаются люди, которые, сделав что-то, бывают очень довольны собой, как они говорят тогда, что сделали это безупречно, на совесть. В этом проявляется чисто люциферическая точка зрения. Поскольку в том, что мы делаем в жизни, речь идёт совсем не о том, чтобы чувствовать себя безупречно, а о том, чтобы рассматривать вещи объективно, независимо от нас самих, чтобы мы понимали мир, чтобы мы осуществляли свою деятельность, исходя из объективного хода вещей. А большинство людей сегодня не заботит объективный взгляд на вещи, они не стремятся к познанию того, как эти вещи выглядят, исходя из видения исторического становления мира.

Поэтому, как раз, на основе духовной науки мы должны подчёркивать то, каковы вещи объективно: то есть, что Ариман подготавливает свое воплощение, что указывает на то, как он его готовит, какую позицию должен занять человек по отношению к этому! В таких вопросах действительно не важно, что мы говорим себе: мы делаем то или это, чтобы не было необходимости себя упрекать, - мы должны научиться распознавать объективные вещи. Мы должны научиться распознавать то, что действует в мире, и в соответствии с этим действовать на благо мира.

Всё это, однако, на самом деле направлено на то, чтобы нынешний человек правильно оценивал себя только тогда, когда он говорит, что он, собственно, всегда парит между двумя крайностями, между ариманическим, с одной стороны, подсовывающим ему внешнюю иллюзию, и люциферическим внутри, которое прививает ему склонность к иллюзиям, галлюцинациям и тому подобному. Сегодня человек изживает свои ариманические наклонности в науке, а люциферические наклонности - в религии. А в мире искусства люди постоянно мечутся между одним и другим. В последнее время были и художники, у которых было больше люциферических наклонностей, и другие, у которых было больше ариманических наклонностей. Те, у которых было больше люциферических наклонностей, становились экспрессионистами; те, у которых было больше ариманических наклонностей становились импрессионистами. А между ними были те, кто не хотел быть ни тем, ни другим, кто не оценивал правильно ни люциферическое, ни ариманическое, и хотел избежать обоих. Только не Ариман! - Я не должен это делать, я не хочу это делать, поскольку я погружаюсь в ариманическое. - Но я не должен делать и это, я не хочу это делать, поскольку я погружаюсь в люциферическое! - Хотят быть «хорошими», и не впасть ни в ариманическое, ни в люциферическое.

Но не об этом идёт речь, речь идёт о том, чтобы рассматривать ариманическое и люциферическое, как две чаши весов, - должны присутствовать обе. А мы должны представлять собой балансир, который находится в состоянии равновесия между ними. Вот о чём идёт речь.

И как мы можем воспитать себя для такой вещи? Очень сильно понижая то, что выступает в нас ариманическим образом, люциферическим элементом. Что выступает в сегодняшнем человеке ариманическим образом? Познание внешнего мира. Самое ариманическое, - это материальное познание внешнего мира, потому что это всего лишь мираж. Но если мы сможем им вдохновиться, развить к нему интерес, - нас ужасно интересует, какой такой мираж возникают из-за химии, физики, астрономии и так далее, - тогда, посредством нашего собственного люциферического интереса, мы избавляемся от того, что, собственно, должно принадлежать Ариману.

Но, как раз, этого люди не хотят. Людям это представляется очень скучным. И многие, кто, собственно, избегает знания внешнего материального, уходят от своей задачи, и тем самым наилучшим образом подготавливают инкарнацию Аримана в земное бытие. А то, что набухает внутри сегодняшних людей, в свою очередь, имеет очень сильный люциферический характер. Как правильно воспитать себя в отношении этой стороны? Как раз, входя внутрь себя со своим собственным ариманическим, то есть, пытаюсь избежать всех иллюзий относительно своего собственного внутреннего мира, и воспринимая себя так, как мы иначе воспринимаем внешний мир, то есть, рассматривая себя так, как мы иначе рассматриваем внешний мир. Сегодняшний человек должен, собственно, пережить, насколько ему необходимо воспитать себя таким образом. Тот, у кого есть определенное чувство для наблюдения таких вещей, сегодня очень часто сталкивается в жизни со следующим фактом.

К нему подходит человек и рассказывает, что он возмущён человеком А, с человеком Б, человеком С, и вообще бесчисленным множеством людей. Он очень подробно описывает, что именно его возмущает в человеке А, в человеке В, в человеке С, и так далее. Он даже понятия не имеет о том, что всё, что он описывает, - это его собственные характеристики! Люди не имеют никакого понятия об этом! Эта особенность людей никогда не была так распространена, как сегодня. А у тех, кто считает, что у них дело обстоит иначе, это чаще всего именно так. То есть, речь идёт о необходимости подходить к своему внутреннему действительно с ариманической хладнокровностью, с ариманической трезвостью. Это внутреннее человека достаточно горячо, даже если его немного остудить! Не нужно бояться, что оно слишком остынет. И это уже тот случай, когда сегодняшнее человечество должно занять правильную позицию в отношении будущего воплощения Аримана, стать более объективным во внутреннем, а во внешнее привнести много субъективного, но не фантазии, а интереса, внимания, самоотдачи, и особенно интереса, самоотдачи предметам жизни, непосредственной жизни.

Видите ли, человек очень хорошо подготавливает путь, по которому хочет идти Ариман, чтобы сделать его воплощение как можно более благоприятным, если, в соответствии со своим воспитанием или прочими жизненными условиями в отношении внешней жизни, он находит то или иное скучным. Вы только подумайте, сколько людей сегодня находят то или иное скучным. Я, например, встречал бесчисленное количество людей, которые находят скучным, скажем, знакомство с банковским делом, или с устройством фондовой биржи, или изучение бухгалтерского учёта с однократной и двукратной записью. Но находить что-либо абсолютно скучным всегда неправильно. Находить что-либо скучным просто означает, что вы не нашли точки, исходя из которой это становится жгуче интересным; каждая сухая кассовая книга, если обнаружить, с какой точки зрения она является жгуче интересной, может быть так же интересна, как «Орлеанская дева» Шиллера, или «Гамлет» Шиллера, или что-нибудь вроде «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Речь идёт только о том, чтобы найти точку, исходя из которой всё в жизни становится интересным.

Судя по тому, что я только что сказал, вы можете подумать, что дело обстоит довольно парадоксально. Но это не так. Только сегодняшний человек парадоксален в своем отношении к истине. Сегодняшний человек гораздо больше нуждается в том, чтобы очень настоятельно предположить, что он что-то не может сделать, а не то, что мир не может что-то сделать. И ничто не готовит путь для будущего воплощения Аримана лучше, нежели находить то или иное скучным, считать себя слишком хорошим для того или иного, не желать участвовать в

том или ином. Всегда речь идёт о том, чтобы найти точку, с которой то или иное становится интересным. То, о чём сегодня идёт речь, заключается не в том, что мы субъективно отвергаем или принимаем вещи, а в том, что мы объективно познаем, в какой степени в том или ином содержится ариманическое или люциферическое, так что плечи весов могут качнуться в ту или другую сторону. Находить что-то интересным, ведь, совсем не означает, что это правомерно, это просто означает, что вы развиваете внутреннюю силу для того, чтобы объединиться с соответствующим предметом и направить его в правильном направлении.

Вы знаете, что одно время, - это было уже сравнительно давно, - некоторое число наших друзей накупило себе книг по математике. Тут подействовал определённый «теософский спортивный принцип». Закупили в основном книги по математике Любсена⁶. Большинство из них остались затем стоять на полках их библиотек, поскольку математические знания не получили большого распространения. Я, разумеется, не хочу этим сказать, что вы должны сразу же снова заняться такими вещами; я не призываю вас к этому, но взяться за то, что изначально совершенно не интересует, чтобы найти возможность, исходя из какой-либо точки зрения, прийти к новому пониманию бытия мира, - это имеет огромное значение. И сегодня людям это уже нужно. К подобным вещам следует относиться очень серьезно, как и к тем, что я хотел донести до вас в этих рассуждениях: каким образом Люцифер и Ариман, наряду с Импульсом Христа, вмешиваются в развитие человечества.

Видите ли, если бы не было люциферической мудрости, в первые столетия нашей эры посредством гнозиса не было бы достигнуто и понимание Мистерии Голгофы. Поскольку, по мере прихода в упадок люциферической мудрости, постепенно стало уходить и понимание Мистерии Голгофы. А сегодня? Где надо искать это понимание Мистерии Голгофы сегодня? То, что его нельзя найти посредством внешней ариманической науки, становится ясным, как раз, для тех людей, которые в этой внешней ариманической науке что-то понимают. Возьмите такую личность, как кардинал Ньюман (Newman), который имел огромное значение для религиозного развития во второй половине 19-го столетия. Когда его ставили кардиналом в Риме, он произнес слова о том, что он не видит спасения для религиозного развития человечества, если не будет нового откровения! - Но так и осталось. Он не проявлял особой склонности, чтобы принять что-то из того, что теперь может войти в человечество в виде новой духовной жизни из духовных миров. Осталась просто абстракция!

Человечеству нужно новое откровение. Это мы можем видеть во всех сферах. Сегодня дискутируют о том, что за последние четыре-пять лет моральная конституция человечества была повреждена. Из этого делается вывод о том, что в школах снова нужно более интенсивно вводить конфессиональное религиозное обучение. По отношению к этому, нельзя не подчеркивать достаточно часто: оно, ведь, было, это конфессиональное религиозное обучение, и сегодняшнее время, как раз, находится под его влиянием. Если сейчас надо будет снова вернуть старое, то, что привнесли эти конфессии, тогда, ведь, мы можем начать весь процесс заново. Затем через некоторое время мы вернемся туда, где были в 1914 году. Следует действительно видеть, что в подсознании людей находится уже нечто совершенно иное, нежели то, что выражается на поверхности.

Когда мы основали в Штутгарте Вальдорфскую школу, мы были вынуждены организовать религиозное обучение таким образом, чтобы его мог проводить соответствующий священник. Мы выделяем урок для религиозного обучения, - католический священник проводит обучение для католиков, евангелический священник - для евангелистов. Сейчас я не хочу говорить о трудностях, которые пришли со стороны священников. Это отдельная глава. Но я хочу сказать о том, что тут же возникло желание проводить внеконфессиональное религиозное обучение. Сначала я думал, что участие в таком обучении будет очень незначительным по сравнению с участием в конфессиональном религиозном обучении. Но не смотря на то, в Штутгарте скоро не останется ни одной проповеднической кафедры, с которой не поносили бы антропософское движение, большое количество детей, -

⁶ Heinrich Borchert Lübsen (род. 12 января 1801 года в Эквардене (Eckwarden); умер 20 сентября 1864 года в Альтоне (Altona), был немецким математиком (прим. пер.).

намного больше, по крайней мере, в пять раз больше, чем мы могли ожидать, - записались на, своего рода, антропософское религиозное обучение, которое должно быть разделено на две части. Это нечто такое, что субъективно не должно быть для нас таким уж приятным, поскольку может обернуться для нас плачевным. Но сегодня я хотел говорить не об этом. Я просто хотел показать, что в людях действительно присутствует стремление к продвижению вперед, но что люди спят и не видят, как власти сдерживают это человеческое стремление. И тогда в основном не хватает смелости, чтобы действительно вывести это человеческое стремление на поверхность жизни.

Но подумайте, что такой взгляд мог бы подействовать так же, как взгляд на будущее человеческое воплощение Аримана, который готовит его, как раз, посредством таких вещей, которые я описал вчера и сегодня. Необходимо, чтобы мы понимали такие вещи объективно, чтобы занять правильную позицию в отношении всего, что происходит вокруг нас, в рамках подготовки к будущему воплощению Аримана. Только если вы достаточно и зрело обдумаете то, что мы говорили о таких ариманических течениях в этих двух рассмотрениях, вы сможете понять серьезность вопроса.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 9 ноября 1919 года

Лекция, подобная той, которую я собираюсь прочесть завтра в Базеле, должна, конечно, быть понятна всем сама по себе. Но всё же всегда к общему пониманию можно добавить, так сказать, некое особое понимание для тех, кто связан с этим предметом в антропософском движении. И поэтому сегодня я хочу коснуться некоторых вещей, которые могут послужить не для того, чтобы дать какую-либо необходимую основу, а для того, чтобы углубиться в круг, как раз, тех истин, которые сегодня необходимо донести человечеству со стороны антропософии. Я напоминаю вам, что мы часто обсуждали то, каким образом силы в человеке организованы, так сказать, между двумя полюсами. Лучше всего понять человека, лучше всего прийти к, своего рода, самопознанию человека, можно в том случае, если охватить своим душевным зрением эти два полюса, полюс воли и полюс интеллекта.

Человек является существом воли и существом интеллекта. Правда, в промежутке времени между рождением и смертью между обоими ними располагается душевно-чувственный элемент (*Gemüts⁷- und Gefühlselement*). Этот душевно-чувственный элемент является связующим мостом между интеллектом и волей. Вы, ведь, также знаете, что когда человек подходит к тому, что называется порогом в духовный мир, эти силы более или менее разделяются.

Но то, что мы хотим рассмотреть сегодня особенно, - это отношение, в котором человек стоит с окружающим миром, с миром в целом, с одной стороны, как интеллигентное существо, а затем, другое отношение, которое человек имеет с миром, благодаря тому факту, что он является волевым существом. Рассмотрим сначала последнее. Вы знаете, что в жизни между рождением и смертью человек развивает силу воли как импульсирующую силу в своих действиях, всей своей деятельности. Эта сила воли, в своем проявлении через человеческий организм, представляет собой, конечно, нечто очень сложное. Но всё, что в человеке носит волевой характер, имеет в некоторых отношениях сходство, сильное сходство,

⁷ Немецкое слово «Gemüt» является понятием широким. В душе сознательной развивается Я. Под душой рассудочной в средние века понималось отражение внешних мировых закономерностей. Благодаря сознанию, добавляется активный элемент чувствования. «Muot» = «Mut» - это работающее в душе, активное. «Gemüot» - это Gemüt, часть души, состоящая из души рассудочной, души сознательной, там, куда проникает импульс воли. (из неизданного: «Проблема Люцифера. Ответы на вопросы Рудольфом Штайнером». Берлин, 26 октября 1908 года). Прим. пер.

вплоть до тождества, с вполне определёнными природными силами. Так что, уже можно говорить о тесной связи между силами воли человека и силами природы.

Но вы также знаете из предыдущих рассмотрений, что человек, в отношении всего того, что касается его воли, спит, то есть, находится в своего рода состоянии сна, также и тогда, когда он бодрствует. Конечно, человек имеет в своём сознании представление того, что он хочет (will⁸). Однако, как получается так, что определённое представление выражается волевым образом, - об этом, ведь, человек ничего не знает. Он не знает, какова связь между представлением: я двигаю рукой - и всем процессом, который затем приводит к движению руки. Это происходит полностью в подсознании, и мы можем сказать: Собственно, волевой акт для человека осознаётся не больше, чем всё то, что происходит во время сна. Но, поднимая вопрос о связи между человеческой волей и окружающим миром, мы должны одновременно обращаться к тому, что для современного сознания, которое постепенно развивалось в течение последних трех, четырех, пяти веков, является, собственно, чем-то парадоксальным. Люди думают, - я уже здесь как-то об этом упоминал, - что Земля развивалась бы точно та же и без людей. Так, один настоящий естествоиспытатель современности описывает, исходя, скажем, из геологии, из физических процессов, земную эволюцию; И он, собственно, - даже если он этого не говорит, - имеет в виду, что всё, от начала земного существования до гипотетического конца земного существования, должно протекать так, как протекало бы и в том случае, если бы Земля не была населена людьми. Почему думают так люди, которые мыслят сегодня в русле естественно-научных представлений? Они думают так, потому что верят, что если, например, нечто происходит на Земле, скажем, в царстве минералов или растений 9-го ноября 1919 года, то это происходит по причине того, что происходило в минеральном царстве до этого. Люди думают: Это минеральное царство (см. рис.18), где что-то происходит, и это является следствием (Wirkung) того, что уже произошло. Из минеральной причины (Ursache) возникает минеральное следствие (Wirkung).

Так, ведь, думают люди. Вы заметите, что эти люди так думают, раскрыв какую-нибудь книгу по геологии. Там то, что, скажем, происходит в наше время, будет представлено таким образом, будто оно является следствием Ледникового периода, или какой-то другой предшествующей эпохи. Но под причинами понимается только то, что, в свою очередь, также происходило в минеральном. То, что Землю населяет человек, - это не учитывается. Предполагается, что если бы человека не было вообще, то вне человека во внешней действительности, где человек, однако, был всегда, всё происходило бы точно так же, как и сейчас. И смотрите, здесь лежит нечто основополагающее, что действительно указывает на Землю как на нечто целое, то есть, на такое целое, где в ходе развития Земли ничего не может произойти без того, чтобы человек не принадлежал бы к кругу действующих причин. Хочу привести вам один пример.

Все вы знаете, что нашему настоящему времени, - если мы понимаем, что это настоящее время включает в себя всё, что произошло после великой атлантической катастрофы, - предшествовала эпоха, которую мы называем атлантической. Континентов Европы и Африки в их нынешнем виде тогда не существовало, как и Америки в её нынешнем виде. В то время на Земле был главный континент, так называемая Атлантида, область, которая простиралась там, где сегодня находится Атлантический океан. Вы также знаете, что в определенный момент этого атлантического развития среди всего тогдашнего

⁸В немецком языке «хочет» и «волит» обозначается одним словом «will». (прим. пер.)

цивилизованного мира распространилась определённого рода безнравственность. Люди могли использовать природные силы того времени в гораздо большей степени, чем это было позже. И они использовали их на огромных территориях в аморальном смысле. То есть, мы можем оглянуться назад, на некую эпоху безнравственности. Затем произошла атлантическая катастрофа. Правильный геолог, естественно, приписывает эту атлантическую катастрофу минеральным процессам: одна часть земной поверхности затонула, другая поднялась. Человеку, мыслящему в рамках сегодняшнего естествознания, не придет в голову сказать, что среди входящих в рассмотрение причин находится то, что сделали люди. - А это было именно так. Фактически, атлантическая катастрофа стала следствием того, что сделали люди.

Есть не только внешние, минерально-природные причины, и для таких великих событий, которые подобно катастрофам вторгаются в земное бытие, нужно искать такие причины, которые лежат в самой человеческой деятельности. Человек в полной мере принадлежит к силам, которые следует причислять в ряду причин происходящего на Земле. И это касается не только таких великих событий, но и всего, что происходит постоянно. Только сама связь между космическими событиями, влияющими на Землю, - то есть, теллурическими, земными событиями, - и тем, что происходит с людьми, поначалу скрыта. И в связи с этим, по сути, вся наша естественная наука - ни что иное, как огромная всеобъемлющая иллюзия. Поскольку, если вы хотите обнаружить истинные причины, вы не можете изучать то, что происходит, например, в минеральном, растительном, животном мире, просто остановившись на поиске этих причин в минеральном, растительном, животном мире.

Я хотел бы показать вам то, о чём идет речь, следующим образом. Давайте подойдем к тому, что мы хотим сегодня рассмотреть, в каком-то смысле с противоположной стороны. Если в окружении Земли, которую я хочу изобразить схематично (см. рис.19), - здесь будет центр Земли, - что-то происходит в минеральном, растительном, животном царстве, тогда можно искать причину. Эту причину я хотел бы определить, сказав: Для того, что происходит, обозначим точки, в которых находятся причины. - Это всё точки, где находятся причины (см. рис.19).

Вы можете представить себе, что я имею в виду, подумав о следующем. Если вы приедете в Италию в окрестности Неаполя, то там, на огромных площадях поверхности земли, вы обнаружите следующую возможность: если вы зажжёте лист бумаги, почва начнет дымиться. Это дымление вызывается просто тем, что вы зажигаете над этим местом лист бумаги. Почва у вас под ногами начинает дымиться. Вы должны сказать себе: в физическом процессе, происходящим, благодаря зажжённой бумаге, лежит причина того, что почва дымится. - Физический процесс в данном случае заключается в том, что, поджигая бумагу, вы разбавляете воздух. Физический процесс в этом случае заключается, ведь, в том, что, зажигая бумагу, вы разряжаете воздух. Благодаря тому, что возникает разряжённая масса воздуха, находящиеся в почве испарения прорываются вверх.

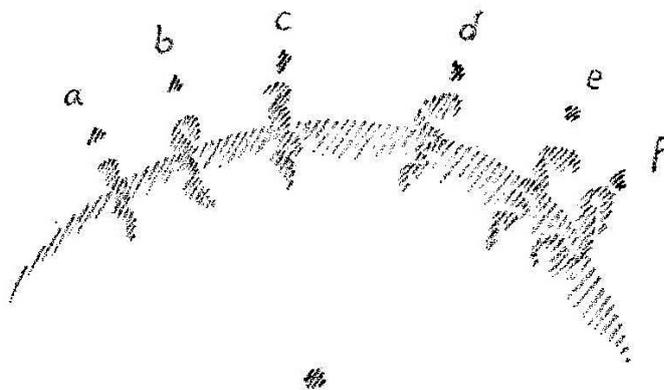

Рис. 19

Эти испарения сдерживались обычным нормальным давлением воздуха, которое уменьшилось из-за того, что вы зажгли бумагу. Если бы я хотел изобразить только такие следствия, - такие поднимающиеся из почвы пары, - которые, ведь, имеют чисто минеральную природу, я мог бы сказать: здесь, здесь и так далее (см. точки на рис.19) зажжена бумага; я говорю вам это просто для объяснения. Это показывает вам, что причина поднимающихся паров находится не под поверхностью земли, а над ней. Но в нашем случае эти точки a, b, c, d, e, f должны представлять собой не такие зажжённые листы бумаги, а что-то ещё. Вначале, представьте себе, что, сами по себе, эти точки не имеют значения, а значение имеет вся система точек. Представьте себе не зажжённые листы бумаги, а нечто другое, что я в данный момент обозначать ещё не хочу; я сделаю это чуть позже. Здесь имеется нечто другое, нежели причина, действующая над поверхностью земли. И эти отлично действующие причины действуют не каждая по отдельности, а они действуют все вместе. А теперь представьте себе, что здесь не просто шесть точек, а, скажем, тысяча пятьсот миллионов точек, которые действуют все вместе. То есть, мне надо было бы изобразить здесь тысячу пятьсот миллионов точек, которые действуют все вместе, и которые производили бы общий результат. И эти тысяча пятьсот миллионов точек действительно существуют. Поскольку все вы имеете в себе то, что можно назвать центром тяжести своей собственной физической личности. Этот центр тяжести у бодрствующего человека располагается несколько выше, он лежит в области диафрагмы, у спящего человека он лежит несколько глубже, но он присутствует. То есть, по всей Земле расположены тысяча пятьсот миллионов таких центров тяжести. Они производят некое общее действие. И то, что происходит из этого общего действия, даёт действительную причину того, что по большей части происходит в минеральном, растительном и животном царствах на Земле. Таким образом, причину происходящих вокруг вас воздушных, водных и других минеральных явлений, можно свести к минеральной причине только тогда, когда в качестве основы используется ложная наука; на самом деле, истинная причина кроется внутри человека.

Это истина, о которой сегодня не то что знает, но даже догадывается очень малое количество людей. Лишь очень малое количество людей знает, что на самом деле процессы в минеральном, животном и растительном царствах происходят потому, что причины этих процессов лежат во внутреннем человеческих организмов, - не всех процессов, но большей их части. По сути, причину происходящего несёт в себе находящееся на Земле человечество. Таким образом, минералогию, ботанику, зоологию невозможно изучать без антропологии, без обращения к человеку. Наука говорит вам о химических, физических и механических силах. Эти физические, химические и механические силы тесно связаны с силой воли человека, с той силой воли, которая, собственно, сосредоточена в центре тяжести человека. Если вы говорите о Земле и хотите найти истину, вам нужно говорить не о какой-то абстрактной Земле, как это делают геологи, а нужно говорить о Земле как о чём-то таком, что включает в себя и человечество. Это истины, которые открываются по ту сторону порога. Всё то, что можно узнать по эту сторону порога, относится, собственно, к царству иллюзий познания, и не принадлежит к царству истин познания.

Но теперь возникает вопрос: какая же, собственно, для сегодняшнего человечества, - а мы говорим прежде всего о нём, - существует связь между силами воли человека, которые сосредоточены в его центре тяжести, и между внешними физическими и химическими силами? - В обычной жизни эта связь выражается только в процессах обмена веществ человека. Когда человек принимает в себя вещества внешнего мира, то это, собственно, его воля является тем, что переваривает, перерабатывает эти вещества. И если бы не действовало ничего, кроме этой воли, то то, что получено человеком извне, просто бы разложилось. Человеческая воля имеет силу разлагать, растворять все прочие вещества и силы, и связь человека с остальной минеральной, растительной и животной природой такова, что его воля

связана с растворяющими силами нашей планеты, с разрушительными силами. нашей планеты.

Правда, мы живём, благодаря этому разрушению, но это всё же разрушение! Мы не смогли бы жить, если бы не вызывали этого разрушения. Это надо всегда помнить. И то, что описывается в некоторых источниках как неправомерные магические действия, по сути, основано на том, что некоторые люди учатся использованию своей воли неправомерным образом, так, что этим разрушительным процессам они позволяют протекать не только обычным образом в рамках человеческой природы, а ненормальным образом расширяют их действие за пределы человеческой природы, и сознательно используют укоренённые в воле разрушительные силы. Это, конечно, нечто такое, чему, собственно, никогда не позволительно учиться!

То есть, посредством нашей воли, мы состоим в непосредственной связи с разрушительными силами нашей планеты Земля. И если бы у нас, как у людей настоящего, не было ничего, кроме силы воли, тогда наша Земля была бы приговорена человеком, человечеством, только к уничтожению. Тогда будущее Земли представляло бы для нас не слишком возвышенную картину, которая состояла бы в том, что Земля постепенно растворялась, рассеивалась бы в космосе. Такими мы созданы в отношении к одному полюсу.

Человек - существо двойственное. Один член его существа связан с разрушающими силами планеты; другим членом его существа является, как мы уже упоминали, его интеллектуальная часть, которая соединена с волей через мост души (des Gemüts). Но это человеческий интеллект, когда мы находимся в бодрствующем состоянии, очень мало входит в рассмотрение относительно нашей планеты Земля. Установить действительное отношение к земному бытию посредством нашего интеллекта во время нашего бодрствования мы, собственно, не можем. То, что я показал вам здесь относительно воли, является чем-то таким, что происходит через человечество когда люди бодрствуют, хотя они этого и не осознают. Если вы выйдете на природу, взглянете на какую-нибудь обветренную скалу и спросите себя об истинных причинах выветривания горных пород, тогда вам придется заглянуть во внутреннее, в органическое внутреннее самих людей. Как ни парадоксально это звучит для сегодняшнего человечества, но это так! Но, как я уже говорил, у Земли было бы печальное будущее, если бы не было другого полюса, - созидающего. Подобно тому, как причины всего разрушительного лежат в человеческой воле, которая сосредоточена в центре тяжести человека, так и созидающие силы лежат в той сфере, в которую люди вступают во время сна. От засыпания до пробуждения человек со своим Я и своим астральным телом находится в состоянии, которое мы обычно обозначаем, образно выражаясь так: Я и астральное тело находятся вне физического тела. Но там человек является полностью духовно-душевным существом, и там он развивает силы, которые действительны, как раз, между засыпанием и пробуждением. И в это время через эти силы он связан со всем тем, что восстанавливает планету Земля, с тем, что к разрушающим силам добавляет созидающие силы. Если бы вы никогда не бодрствовали на Земле, разрушающие силы, которые, собственно, исходят из вашей воли, не действовали бы на Земле в минеральном, растительном и животном царствах. Если бы вы никогда не спали на Земле, из вашего интеллекта не исходило бы то, что снова и снова восстанавливает Землю. Также и собственно созидающие силы нашей планеты Земля, лежат в самом человечестве. Я не говорю: в отдельных людях. - До этого я отчётливо показал, как связаны эти отдельные причины. Но эти силы лежат во всём человечестве, также и для созидания, а именно в полюсе интеллекта человеческого существа; но не в дневном интеллекте. Дневной интеллект вставлен в процесс становления Земли как нечто мертвое. Интеллект человека, действующий бессознательно для него во время сна, - это, собственно, то, что постоянно создаёт планету Земля. Этим я просто хочу донести до вас, что вы поступаете неправильно, если ищите разрушающие и созидающие силы нашего земного шара вне человека; их нужно искать, как раз, в человеке. Если вы взглянете на это правильно, то вам не покажется непонятным и следующее.

Вы обращаете свой взор к звёздам. Вы говорите себе: звёзды производят какое-то воздействие на Землю, которое регистрируется органами чувств человека. - Но то, на что вы смотрите, наблюдая за звёздами, не равноценно тому, что вы воспринимаете на Земле в минеральном, растительном, животном царствах, а это исходит от интеллигентных и волящих существ, чья жизнь связана с этими звёздами. Это воспринимается как физическое только потому, что звёзды очень далеко. Но это не физическое! Это то, что, собственно, разыгрывается там в волящих и интеллигентных существах. Я уже вам как-то говорил: Астрофизики описывают наше Солнце; вы найдёте прекрасные описания о нём. Но если бы кто-то, с помощью, своего рода, изобретения Жюль Верна, смог совершить путешествие к Солнцу, он был бы очень удивлён, что там, где он искал Солнце, он не обнаружил абсолютно ничего из того, что он предполагал обнаружить, согласно физическим описаниям. Это только выглядит так здесь, на Земле. Это просто комбинация из того, что разоблачает Солнце. На самом деле, то, что мы видим, - это действия воли и интеллекта, которое на некотором расстоянии кажется светом. И если бы какой-нибудь, скажем, лунный житель, если бы он в этом смысле существовал, рассматривал бы Землю, он не обнаружил бы площадей, покрытых травой, состоящих из минералов, а он обнаружил бы, - хотя также воспринимаемым в виде световых воздействий и чего-то похожего, - то, что происходит вокруг центров тяжести человеческих тел, и того, что происходит как результат состояния сна, в то время как люди находятся в положении между засыпанием и пробуждением. Это было бы действительно видно извне. Стулья, на которых вы здесь сидите, было бы невозможно увидеть извне никаким инструментом, каким бы совершенным он ни был. Но то, что происходит вокруг вашего центра тяжести, и что происходило бы здесь, если бы вы все внезапно заснули, - надеюсь, этого не произойдёт, разве что с некоторыми, - это было бы видно извне.

Таким образом, для внешнего мирового пространства видимым, существенным является, как раз, то, что происходит на Земле через человека, а не то, что есть в окружении человека. Среди людей было, так сказать, распространено знание о том, что всё снаружи, что мы воспринимаем нашими органами чувств, является майей, огромной иллюзией, просто феноменом, не реальностью. Такая абстрактная истина имеет, собственно, мало ценности. Ценной такая истина становится только тогда, когда входят в конкретное, как мы это сейчас, как раз, и сделали. Нет никакой ценности, если вы скажете себе: животный мир, растительный мир, минеральный мир - это майя; это имеет ценность только тогда, когда вы увидите, что то, что вы испытываете, когда воспринимаете внешнее, по сути, зависит от вас самих, что вы делаете это сами, правда, не каждый момент, а во всём ходе развития как человечество, что вы стоите внутри этого отношения причины и следствия.

Я хотел бы сказать: даже если такая шокирующая истина, - поскольку я думаю, что она может быть шокирующей, - высказывается как глубокая истина о природе, она всё же не приобретёт такого аспекта важности для человеческой жизни. - Такая истина становится важной только тогда, когда мы делаем из неё определенные выводы. Мы здесь, на Земле, воистину не просто физические человеческие существа, или внешне воспринимаемые человеческие существа. Мы здесь, на Земле, существа моральные, или аморальные. То есть, мы на Земле - нравственные существа. То, что мы делаем, обусловлено моральными побуждениями.

А теперь задумайтесь на минутку, в каких самых горьких, самых острых сомнениях движется мировоззрение настоящего, как раз, относительно этого пункта; как естествознание даёт вам знание земного, которое полностью исчерпывается связью чисто естественных внешних причин и чисто естественных следствий. И в этот кругооборот чисто естественных причин и чисто естественных следствий помещается также и человек. Так говорит внешнее абстрактное естествознание. Оно считается, так сказать, только с одним пунктом земного бытия.

И затем замечаешь, что в человеке, ведь, вспыхивают ещё и моральные импульсы; но не проглядывается никакой связи между этими моральными импульсами и между тем, что

происходит во внешнем природном кругообороте. Это Сгух, крест современной философии; что философы, с одной стороны, слышат от натуралистов: всё находится в связи с естественными причинами и следствиями - и что, с другой стороны, они должны признать: человек чувствует в себе моральные импульсы, - Кант по этой причине написал две «Критики»: «Критику чистого разума», которая занята тем, как человек ведёт себя по отношению к чисто естественному ходу вещей, и «Критику практического разума», в которой он устанавливает свои моральные постулаты, которые, если выразиться образно, собственно, парят в воздухе, приходят неизвестно откуда, и, на первый взгляд, никак не связаны с естественными вещами. Смотрите, пока человек верит, что то, что происходит извне в природных явлениях, можно проследить только до естественных же явлений, пока человек имеет дело с этой Майей, до тех пор вмешательство моральных импульсов остается чем-то таким, что стоит рядом с естественными процессами. Почти всё, о чём сегодня говорят, страдает, собственно, от этого противоречия, полностью находится в тени этого противоречия. Люди не могут объединить в своём мышлении движение Земли, как таковой, и то, что происходит в человечестве в моральном отношении. Но узнав нечто вроде того, что я попытался сегодня набросать для вас несколькими штрихами, вы сможете сказать себе: Как человек, я - единство, и моральные импульсы живут во мне. И моральные импульсы живут в единстве с тем, кем я являюсь как физический человек. Но как физический человек я, ведь, по сути, являюсь причиной, - конечно, вместе со всем человечеством, - всего, что происходит также физически. Тогда то, что люди совершают на Земле морально, является настоящей причиной того, что происходит на Земле.

В качестве людей мы имеем на Земле естественную историю, естественную науку, которые описывают эволюцию Земли так, как мы это находим в книгах по физике, геологии, ботанике, и так далее. То, что в них содержится относительно эволюции Земли, является для современного человека, согласно установкам, живущим в нём, благодаря нынешнему воспитанию, чем-то вполне удовлетворительным. Но представьте себе, что на Землю спустился марсианин, который смотрел бы на Землю, согласно своим познавательным установкам, и который затем, после некоторого времени пребывания по Земле в качестве земного жителя, - я не говорю, что это могло бы произойти, я просто хочу этим проиллюстрировать то, что я хочу сказать, - выучил бы какой-нибудь земной человеческий язык, прочитал бы их геологию, узнал бы, какие представления эти земные люди имеют о земных процессах; тогда он сказал бы: Да, но там же написано не всё, там не хватает самого главного! Я, например, видел, как многие студенты болтаются по пивнушкам и постоянно пьют, предаваясь своим страстям. При этом, ведь что-то происходит: при этом вместе с обменом веществ действует человеческая воля. Это процессы, которые вы не указываете в ваших книгах по физике и геологии. Там не стоит, что происходящее на Земле зависит также от того, пьют эти студенты или нет!

Тем, кто не захвачен теми представлениями о Земле, которые в виде предрассудков живут сейчас среди людей, будет не хватать этого в описаниях, которые делают относительно происходящего на Земле сами люди. Для марсианина не было бы никакого сомнения в том, что то, что, благодаря человеческим поступкам, в виде моральных импульсов проходит через всю человеческую жизнь, принадлежит происходящему в природе. Для нас, согласно сегодняшним предрассудкам, природные процессы являются чем-то необычайно принуждающим (Zwingendes), для некоторых даже чем-то приятно принуждающим, особенно для людей, мыслящих материалистически. Они думают, что происходящее на Земле был бы точно таким же, даже если бы на ней вообще не было людей. То есть, порядочный я человек, или непорядочный, не особенно влияет на происходящее на Земле; благодаря этому, я не наношу никакого вреда развитию Земли. Но это неверно; причины происходящего на Земле лежат, как раз, не вне человека. Для самого важного протекание земных событий лежит не вне человека, а внутри человечества. И если, как дальнейшее развитие простого земного сознания, в людях должно появиться мировое сознание, то в человечестве должно утвердиться сознание, что это человечество делает Землю такой, каково оно само, - правда, в

рамках не коротких, а продолжительных периодов времени. И лучший способ убаюкать земное человечество, - это дать ему понять, что оно не принимает никакого участия в происходящем на Земле. Благодаря этому, ответственность человека сужается до пределов просто человеческого индивидуума, до пределов отдельной человеческой личности.

Однако, на самом деле, человечество несёт ответственность за то, что прodelывает Земля в ходе космических времён. И правильно чувствовать себя земным человеком можно только в том случае, если чувствуешь себя в рамках человечества так, будто сама Земля является телом всего земного человечества. Это включает в себя то, что если иметь подобное чувство, каким его может испытать отдельный человек, говоря: Я десять лет потакал своим страстям и тем самым разрушил свое тело, - то это означает также: «Если человечество будет жить, руководствуясь нечистыми моральными импульсами, земное тело будет другим, нежели в том случае, если оно будет жить, руководствуясь чистыми моральными импульсами. - У бабочки-однодневки, например, иное мировоззрение, нежели у человека, потому что они живут всего один день. Так же и человек не видит, как то, что происходит во внешней природе не зависит от происходящего только в природе. Для понимания нынешней конфигурации Европы вместо того, чтобы исследовать, какой была внешняя минерально-растительная структура Земли две тысячи лет назад, было бы гораздо важнее, спросить: Как здесь, или вообще в человеческой цивилизации, жили люди две тысячи лет назад? - И судьба Земли как планеты через две тысячи лет будет зависеть не от того, каким сейчас является наш минеральный мир, а от того, что мы делаем и оставляем! С мировым сознанием ответственность человека расширяется до мировой ответственности. Мы что-то чувствуем в себе, когда смотрим на звёздное небо с таким сознанием, как я вам его охарактеризовал, а именно, что мы ответственны перед мировыми пространствами, которые наполнены и пронизаны духом, что мы ответственны перед этим миром в том, как мы обустроим для него Землю. Когда мы ищем скрытую за видимостью истину, мы растем в конкретном, в отдельном, вместе с миром, с космосом.

Это одна часть, одна глава того, что я часто говорю: мы должны учиться смотреть на вещи, которые сегодня часто изучаются как абстрактные, в конкретном. Тем, что мы перенимаем из некоторых восточных традиций, такие вещи, как: «Внешний чувственный мир - это майя», - делается немного. Чтобы прийти к истине, нужно идти глубже. Такие абстракции ведут нас не слишком далеко, потому что сами эти абстракции в том виде, в каком они были переданы, являются ничем иным, как осадком древней мудрости, которая, однако, сама не жила в абстракциях, а жила такими конкретными фактами, как они. в свою очередь, сегодня должны быть выявлены посредством интуитивного духовного исследования. Не думайте, что когда вы читаете восточные писания о Майе и противостоящей ей истине, вы можете принимать то, что в них содержится, как что-то, что может быть вами действительно понято. Это, ведь, просто что-то вроде краткого изложения вещей, которые в конкретном были известны изначальной мудрости, а затем резюмированы. Мы должны снова вернуться к конкретным фактам. Сегодня человек думает, что он что-то понимает в мировых процессах, говоря себе такие вещи, как: «Внешний чувственный мир - это майя». - Но действительно что-то понять можно, только добравшись до конкретных фактов. В тот момент, когда ты знаешь: тебе не нужно спрашивать, почему минеральный мир в какой-то другой момент времени, после просто минеральных изменений, такой-то и такой-то, а ты должен спрашивать о процессах, которые разыгрываются в самом человеке, - в этот момент ты знаешь, что это означает на самом деле, видеть во внешнем мире только майю. Тогда начинаешь видеть в человеке гораздо более интенсивную реальность, чем обычно. Тогда начинает расти чувство ответственности перед бытием.

Если вы попытаетесь проникнуть в эти вещи внутренне, - а их можно рассматривать только внутренне, а не доказывать с помощью обычных внешних средств интеллекта по образцу современной науки, - тогда вы постепенно начнёте понимать, что человечество действительно состоит из свободных людей. В природе нет ничего, что противоречит нашей свободе. Потому что, как люди, мы создаем природу, которая нас будет окружать в

следующий отрезок времени. Природа противоречит нашей свободе только в частичных явлениях. Образно говоря, природа препятствует нашей свободе так же, как если бы вы протягивали вперёд одну руку, а другой её сдерживали. Ваша свободная воля этим не ограничивается. Как люди настоящего, мы также ограничены во многих вещах тем, что было сделано людьми прошлого, и что нашло своё выражение только сейчас. Но это сделали люди. Что за люди? Не те кого мы можем упрекнуть, потому что это мы сами в более ранних земных жизнях вызвали это нынешнее состояние.

Мы не должны ограничиваться только разговором о повторяющихся земных жизнях, но должны мыслить эту связь так, что даже во внешней природе мы воспринимаем следствия того, что мы заложили в качестве причины в более ранних земных жизнях. Однако, когда мы говорим об отдельном человеке, мы говорим только о содействующих (mitwirkenden) причинах. Поскольку для всех этих вещей, как я вам говорил, в рассмотрение входит совместное действие всех людей на Земле. Но по этой причине никому не нужно исключать себя индивидуально; каждый вносит свой вклад в то, что вызывается всем человечеством, и что затем находит своё выражение в том, что является телом для всего земного человечества в его продолжающейся жизни, и что описывается внешним образом.

Этим я хотел дать вам представление о том, как исследователь духовной науки должен смотреть на то, что написано во внешних книгах. По сути, это не сильно отличается от того, что я нарисовал бы вам здесь серию фигур:

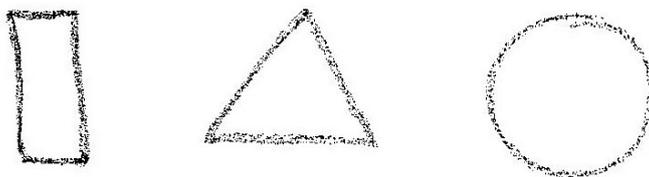

Рис. 20

Предположим, какое-то существо, никогда не жившее в человеческом мире, вылезло бы из земли, увидело бы эти фигуры и, обладая, скажем, некоего рода знаниями арифметики, сказало бы: первая фигура, вторая фигура, третья фигура: третья - это следствие второй, вторая - следствие первой. Первая имеет следствие - треугольник, вторая имеет следствие - круг. - Так это существо, вылезшее из земли, понимало бы причину и следствие. Но это не так; я просто нарисовал эти фигуры в такой последовательности. На самом деле они совершенно независимы друг от друга. Это лишь выглядит так для этого существа, что, исходя из определённой максимы, фигура, стоящая впереди, и следующая фигура понимаются так, будто одна является следствием другой. Но приблизительно так геологи описывают земные процессы; причины того, что, скажем, возникло в делювиальный период, ищут в третичном периоде, четвертичном и так далее. Но это не так, - так же, как этот круг не является следствием треугольника, а этот треугольник - следствием квадрата; это возникло самостоятельно, точно так же, как то, что в ходе земного бытия возникло в результате деятельности человека, - сюда, правда надо добавить всё то, что является следствием созданного человечеством во сне, посредством таинственного действия интеллекта, который производит особое действие, когда, как говорят, человек находится вне тела.

Вы видите, в очень высокой степени всё то, что внешне описывается, так называемой, наукой, является просто майей, просто заблуждением. И просто говорить о Майе недостаточно. Наряду с этим критическим суждением о том, что внешний мир является майей, надо быть способным сказать, каковы настоящие причины этого. Но настоящие причины скрыты. Для внешнего познания человека они мало доступны. Ведь, то, в какой степени земное бытие создает человечество, нельзя исследовать с помощью внешнего знания; это можно узнать, только если перейти от внешней науки к внутренней. Как вы

можете видеть из моей книги «Как достичь познаний высших миров?» можно узнать, что осуществляет человек от засыпания до пробуждения. Это можно изучить с помощью той науки, которая проникает вплоть до воли. Поскольку то, как воля связана с внешним миром, людям, ведь, не раскрывается, потому что процесс воления скрыт от людей. Человек не знает, собственно, в любой момент времени, значение того, что происходит, когда он поднимает руку, когда он вызывает волевой процесс; он не знает, что этот процесс воления продолжается и что-то значит для всего происходящего на Земле.

Это то, что я имел в виду, представляя сцену Капезиуса и Штрайдера в «Вратах посвящения», где Капезиус и Штрайдер занимаются разными вещами, которые затем переходят в космические события, где гремит гром и сверкает молния. Конечно, это изображено образно, но образное означает более глубокую истину. Это не что-то нафантазированное, это означает настоящую истину. На протяжении довольно длительного периода человеческого развития такие истины, по сути, высказываются только настоящими поэтами, которые, в отношении своих фантазий, собственно, всегда должны быть связаны со сверхчувственными процессами.

Это сегодняшние люди понимают ещё мало. Сегодняшний человек хотел бы считать поэзию и вообще искусство, чем-то выдуманным, по сравнению с внешней реальностью. Он испытывает огромное облегчение, если от него не требуют воспринимать поэзию, в качестве чего-то большего, нежели какой-то фантазии. Настоящая поэзия, настоящее искусство, хоть и является лишь отблеском сверхчувственной истины, но отблеском всё же сверхчувственной истины. Пусть поэт не осознаёт того, что происходит сверхчувственно, но если он связан в своей душе с космосом, если он не оторвался от него, посредством чисто материалистического образования, тогда он высказывает то, что полностью соответствует сверхчувственным истинам, хотя они и высказываются в образах.

Такие вещи часто встречаются во второй части «Фауста» Гёте. Там внешние образные истины, как я показал вам для отдельных фрагментов, связаны со сверхъестественными процессами. Мы даже можем подтвердить то, что я только что сказал, применительно к развитию искусства в последние эпохи человечества. Если вы возьмёте картину лежащей не так уж далеко в прошлом древней художественной эпохи, вы обнаружите, что к пейзажу, как правило, тогда относились очень небрежно, как к чему-то второстепенному. Проработка ландшафта наблюдается, собственно, только в последние три, четыре столетия, пять столетий, - только тогда стали проявлять к нему внимание. Если вы уходите дальше в прошлое, вы обнаруживаете, что ландшафт проработан меньше, но больше проработано то, что является миром человека, поскольку тогда ещё имелось сознание того, что для объективных процессов мир человека гораздо важнее ландшафта. Поскольку ландшафт - это просто следствие происходящего в мире человека. Именно в появлении внимания к пейзажу в области искусства лежит то, что идёт параллельно появлению материалистического настроения. А материалистический настрой состоит только в вере в то, что отделённое от человека имеет экзистенциальную ценность само по себе. Но само по себе оно не имеет бытийной ценности; само по себе оно не имеет абсолютно никакой ценности! Спустившийся на Землю марсианин сможет в любой момент понять смысл картины Леонардо «Тайная вечеря». С ландшафтными картинами, если бы он вообще мог видеть ландшафт как таковой, - своими органами чувств он видел бы его совсем по-другому, и нарисованный ландшафт тоже, - он не смог бы связать какой-либо реальный смысл, поскольку всю конфигурацию Земли он бы видел по-другому. Я говорю эти вещи только для того, чтобы, посредством гипотез, охарактеризовать то, что я имею в виду.

Таким образом, вы видите из этого, что предложение: «Внешний мир - это майя» - можно полностью понять, только посредством взгляда на конкретное. Но тогда мы, как люди, должны включить себя в целостность земного существования. Затем мы должны действительно подняться к представлению о том, что могут иметь место реальности, внешние реальности, кажущиеся реальности, которые не являются истиной, которые не являются истинными реальностями. Если у вас в комнате в вазе стоит роза, то она -

кажущаяся реальность, но не настоящая реальность, поскольку розы, в том виде, как она стоит перед вами, быть не может. Она может быть только на розовом кусте вместе с корнями этого розового куста, а тот, в свою очередь, вместе с Землей. Точно так же не может быть того, что геолог описывает как Землю. То, что геолог описывает как Землю, для тех, кто хочет быть истинным знатоком реальности, является такой же ложной реальностью, что и роза.

Духовная наука постоянно стремится уйти от не истинной реальности, искать, где возникает эта не истинная реальность, определять то, что необходимо привнести для получения целостности, которая бы составляла истинную реальность. Нереальность современной цивилизации выражается в том, что всё, что является внешне, считают реальностью. Но реальность имеется только в совокупности принадлежащих друг к другу частей. Если Земля берётся сама по себе, а человек рассматривается отдельно от неё, - то это больше не истинная реальность, так же, как роза, срезанная с розового куста. Видите ли, эти вещи должны быть проработаны; они не должны оставаться просто теорией, они должны перейти в убеждение (*Gesinnung*). Мы должны чувствовать себя членом всей Земли.

И очень важно постоянно пробуждать в себе представление: Палец на моей руке представляет собой истинную реальность до тех пор, пока он связан с моим организмом. Если я его отрежу, то он больше не в своей истинной реальности. Так и человек, оторванный от Земли, больше не в своей истинной реальности. Но и Земля не в своей истинной реальности, если от неё оторвать человека. Когда сегодняшней естествоиспытатель, согласно своим предпосылкам, думает, что развитие Земли происходило бы точно так же, как оно происходит, и без человека, - это лишь нереальное представление. То, что оно происходило бы не так, я недавно показал вам ещё и с другой точки зрения, а именно, на том примере, что тела, оставленные людьми после смерти, представляют собой ингредиент земного развития, подобный дрожжам, и что если бы не было человеческих тел, то и весь физический ход земного развития был бы другим, - всё равно, соединяются эти тела после смерти человека с Землёй, после их сожжения, или просто погребения.

Сегодня я хотел более подробно представить вам связь волевого и интеллектуального полюсов человека с космическим окружением.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 14 ноября 1919 года

Из последних лекций вы должны были увидеть, как человек приходит к некоему иллюзорному представлению о внешнем мире, как, фактически, то, что обычно понимается как природные отношения, внутренне зависит от самого человечества, и что мы можем обрести реальное мировоззрение, только рассматривая Землю и вообще мир в его целостности, то есть рассматривая его так, что мы относим к нему и человека, рассматривая взаимосвязи, взаимоотношения человека к миру. В противном случае мы всегда будем приходить к лишённой сущности абстракции, к просто абстрактному пониманию минерального, в лучшем случае ещё растительного и животного мира, которые, однако, оба больше не играют такой важной роли в отношении нынешних взглядов на природу. Когда говорят о природных отношениях, как правило, имеют в виду чисто природные отношения, к которым затем, в качестве совершенно особого рода истины, прикрепляют этот короткий эпизод, называемый историей. От такого воззрения, которое, собственно, не доходит до человека, человечество должно уйти. И мы, с различных точек зрения, представили основания для того, почему человечество должно уйти от этого воззрения, которое, как мы знаем, сформировалось в продолжении трёх-четырёх столетий, исходя из определённой необходимости. Сегодня я хочу упомянуть только о том, что люди в отношении своих внешних знаний становятся всё более и более зависимыми от своего физического тела и его потребностей, если они ничего не хотят делать для своего собственного развития, для

достижения более высокого знания, которое требует проявления воли. В будущем речь будет идти о следующем: либо человек подпадёт под то, что как воззрение может быть обретено в мире, если он, так сказать, остаётся таким, каков он есть, таким, как он рождён, что он не захочет приобретать никаких других понятий и идей, кроме тех, которые даются ему, благодаря как раз тому, что он обнаруживает себя помещённым в мир через рождение и обычное воспитание; это одна возможность. Либо, - как другая возможность, - человек уйдёт от веры в то, что можно всё знать и обо всём судить, просто благодаря тому, что он рождён как человек, и приступит к настоящему человеческому развитию, как оно представлено духовной наукой. Это был бы другой путь. И человечество должно последовать по этому второму пути, иначе Земля будет разрушена. То, что я сейчас сказал, можно определённым образом рассматривать и географически, - тогда оно получит совершенно особое значение для современности.

Если мы отойдём достаточно далеко назад в развитии Земли, мы обнаружим, что человек имеет свои корни не в земном бытии. Ведь, вы знаете, что человек проделал долгое предыдущее развитие, ещё до земного развития. Вы найдёте описание этого развития в моих «Очерках тайноведения». Вы знаете, что тогда человеческое существо было, как бы, возвращено в чисто духовное бытие и из этого чисто духовного бытия спустилось в земное бытие. И, фактически, дело обстояло так, что с этим нисхождением человека в земное бытие человечество взяло с собой обширное, так сказать, унаследованное знание, пра-мудрость, наследственную мудрость; мудрость, которая была, собственно, единой для всего человечества. Подробности вы найдёте в моём цикле лекций «Миссия отдельных народных душ», прочитанном в Кристиании. Это наследственное знание было, таким образом, единым, целостным. Говоря о знании, я понимаю под ним сейчас не просто то, что обычно называют знанием в науке, но всё то, что человек может принять в свой душевный мир как воззрение на свое мировое окружение и на свою жизнь.

Затем это пра-знание специализировалось. Оно специализировалось таким образом, что стало различным, на различных земных территориях. Если вы внешним образом рассмотрите то, что называют культурами различных народов Земли, - а ещё лучше, если вы привлечёте в помощь различные главы нашей духовной науки, где об этом идёт речь, - вы сможете себе сказать: То, что знали люди различных народов, всегда было различным. Вы можете различать индийскую культуру, китайскую культуру, японскую культуру, европейскую культуру, и в европейской культуре, в свою очередь, различать специфические культуры отдельных европейских территорий, затем американскую культуру, и так далее.

Если вы спросите себя: из-за чего образовалась такая спецификация наследственной пра-мудрости, из-за чего она стала всё более и более дифференцированной? - то вы можете прийти к ответу: в этом виновны внутренние условия, внутренние предрасположенности народов. - Но в основном приспособление этих внутренних предрасположенностей народов всегда проявлялось во внешних земных условиях. И можно получить, по крайней мере, картину этой дифференциации, если попытаться найти связь между, скажем индийской культурой и климатическими географическими условиями Индии. Таким же образом можно получить представление о специфике русской культуры, если рассматривать связь русского человека со своей землёй. Но теперь можно сказать: Относительно этой связи, как и в отношении многих других связей, современное человечество находится в, своего рода, кризисе. - Эта зависимость человека от своей территории в 19-ом столетии постепенно достигла наибольшей величины. Правда, люди эмансипировались от своих территорий в своём сознании, - это верно; но из-за этого они стали ещё более зависимыми от этих своих территорий. Можно сравнить, скажем, положение грека относительно древней Греции, и современного англичанина, или немца относительно своих земель. Греки ещё имели в своей культуре, в своём знании многое из пра-мудрости. Физически они, вероятно, зависели от своей греческой территории сильнее, чем от своих территорий зависят нынешние люди. Но эта сильная зависимость смягчалась, ослаблялась внутренней наполненностью пра-мудростью, пра-знанием. Это изначальное знание было постепенно утеряно для

человечества. Можно очень ясно показать, как примерно в середине 15-го века прямое понимание определённых пра-мудростей (Urweistümer) прекратилось, и как даже традиции этих пра-мудростей к 19-ому веку постепенно иссякли. Искусственно, как, так сказать, растения в теплицах, эти пра-мудрости ещё сохраняются в самых разных тайных обществах, которые с их помощью иногда делают очень плохие вещи. Но эти тайные общества сохраняли древнюю мудрость в 19-ом веке так, - в 18 веке это было несколько по-другому, - будто растения в теплицах. В конце концов, масонские символы имеют сегодня такое же отношение, к пра-мудрости, из которой они происходят, что и тепличные растения - к растениям, растущим в дикой природе, и даже ещё меньшее.

Но именно потому, что люди теряют внутреннюю наполненность пра-мудростью, они становятся по-настоящему зависимыми от своих территорий. И без повторного достижения свободной для развития сокровищницы духовных истин, люди Земли будут полностью дифференцированы по своим территориям.

Мы действительно можем различать, так сказать, три типа, которые мы уже выделили с других точек зрения. Сегодня мы можем сказать: если по всему миру не распространятся духовно-научные импульсы, то с Запада будут действительны только экономические истины, которые, ведь, могут производить из себя и многое другое. Но главным будет экономическое мышление, экономические представления. С Востока приходило бы то, что, в основном, было бы духовными истинами. Азия всё больше и больше ограничивалась бы, хоть и, возможно, декадентскими, но всё же духовными истинами. Центральная Европа больше заботилась бы об интеллектуальной сфере. И это, ведь, полностью совпадало бы с тем, что связано с некоторыми традициями из древних времен, связано с тем, что ветер экономических истин дует с запада, а ветер духовных истин дует с Востока. Но люди, которые жили бы в согласии с этими тремя основными типами подразделения Земли, всё больше и больше специфицировались бы в этих направлениях. Тенденция нашего настоящего полностью нацелена на то, чтобы привести к господству эту спецификацию человечества. Можно сказать, и я прошу вас отнестись к этому очень и очень серьезно: если мир не пронизает духовно-научный импульс, Восток станет совершенно неспособным заниматься своей собственной экономикой, развивать экономическое мышление. Восток будет в состоянии только производить, то есть, непосредственно возделывать почву, непосредственно обрабатывать натуральные продукты инструментами, поставляемыми Западом. Но то, что хозяйствует, исходя из человеческого разума, развивалось бы на Западе. И с этой точки зрения, катастрофа закончившейся мировой войны является ничем иным, как началом тенденции, - я хочу использовать это популярное выражение, - экономического проникновения Запада на Восток; то есть, сделать Восток областью, в которой люди работают, а Запад - областью, в которой обрабатывается то, что Восток получил от природы. - При этом нет необходимости определять границу между Востоком и Западом, поскольку это является чем-то переменным.

Если господствующая сегодня тенденция продолжится, если она не будет пронизана духом, то, без сомнения, - это нужно высказать только гипотетически, - весь Восток превратится экономически в объект грабежа со стороны Запада. И такой ход развития рассматривался бы как данный земному человечеству. Он рассматривался бы как нечто совершенно справедливое и самоочевидное. И нет другого способа внести в эту тенденцию то, что не превращает половину человечества в илотов⁹, а другое человечество - в пользователей этих илотов, кроме как снова пронизать Землю обретенной всем вместе духовностью.

Когда высказываются такие вещи, сегодняшней человек предпочитает их отталкивать от себя. С сегодняшней человек предпочитает их отталкивать от себя по той простой причине, что ему очень неудобно оказываться сегодня перед лицом истинной реальности. Человек

⁹ Илоты (др.-греч. εἰλωται, у спартанцев тж. δουλεύται) - в древней Спарте земледельцы, находящиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами (Википедия. Прим. пер.)

говорит себе: ну, что же, если это экономическое проникновение на Восток и произойдет, то это, ведь, произойдет не так быстро, чтобы я смог это пережить. - Те, у кого есть дети, хотя и думают об этом немного серьезнее, всё же затуманивают свой разум отговорками, что, возможно, снова придут лучшие времена, и тому подобное. Но надо всем нутром понимать: что нет иного средства формирования будущего человечества достойного человека, как пронизать Землю не только экономически, но и духовно, - но так, из-за определённого неудобства, мыслит всё же очень мало людей. Можно сказать, что человечество получило нынешнюю конфигурацию своей культурной жизни с трёх сторон. И чрезвычайно интересно взглянуть именно на эти три стороны земной культурной жизни, особенно для нашей задачи, которую мы сейчас хотим поставить перед собой на этих лекциях.

Смотрите, если окинуть взглядом земную область с Востока на Запад, то надо сказать следующее: Всё то, что человечество имеет в качестве некоего основания этических истин, нравственных истин, оно имеет, как раз, с Востока. Форма, в которой Восток когда-то развил свои этические принципы вместе с общим мировоззрением, форма общей космологии и так далее, - она была утеряна. Но в качестве остатка восточного мышления и чувствования осталась, однако, определённая этика. Взгляните с этой точки зрения на речи Рабиндраната Тагора, собранные под заголовком «Национализм». Вы увидите, что в них едва ли можно обнаружить что-то от великого космического учения мудрости, которое когда-то жило в душах людей Востока. Но: это необычайно интересно. Тот, кто с пониманием прочтёт эти собранные под заголовком «Национализм» речи Тагора, скажет себе: Нравственный пафос, живущий в них, - а это в этих речах даже главное, - этическая воля, живущая в них, эта горькая нравственная критика в адрес всего индивидуалистского механизма Запада и ещё более худшего политического механизма Запада, всё это, что живёт как пафос в этих речах Тагора, не могло быть сказано без того, что за этим стоит, хотя больше и не живёт внешне в сегодняшнем сознании, древняя пра-мудрость Азии. Моральные истины, как отзвуки с Востока, наполняются мудростью, взятой от звёзд, когда говорят такие люди, как этот Рабиндранат Тагор. И если непредвзято, без предубеждений проверить всё, что развилось в образовании в Центральной Европе и на Западе, тогда нужно сказать: то, что там жило, в философах или не философах, в самых простых людях или в учёных, - то, что этически-нравственно пронизывает людей среднего и западного регионов земли, всё это, по сути, истекает из азиатства, с Востока. Восток - это, собственно, обитель Этоса, этики.

Если мы посмотрим на Запад, культура которого, ведь, разыгралась, так сказать, на глазах у истории, мы увидим, что там в рассмотрение больше входит понятийная, интеллектуальная проработка мировых явлений, то, что связано с принципом полезности. Это большой контраст, который человечество должно было бы, собственно, осознать, между тем, что живёт как пафос в речах Тагора, и тем, что живёт во всем, что образуется на Западе с точки зрения полезности и утилитарности.

Если говорить радикально, надо сказать: нечто вроде того, что можно прочесть у философов, скажем, таких как Джон Стюарт Милль, или экономистов, таких как Адам Смит, или вроде интеллектуально-философских вещей, Бергсона, - всё это остается для азиата, даже если он будет стремиться это понять, чем-то полностью лежащим за пределами его существа. Он может счесть интересным тот факт, что и такое говорится о людях, но он никогда не придёт к тому, чтобы создавать такие вещи, связанные с внешней человеческой полезностью, из своего собственного существа. Азиат полностью презирает европейскую и американскую сущность, поскольку она везде предлагает ему точку зрения полезности, с которой можно справиться только с помощью интеллекта, разума. И получилось так, что связанные с идеей «полезности» способы мышления и представления, являются, в первую очередь, продуктом Запада.

Ранее я уже обращал ваше внимание на то, что изначальная мудрость специфицировалась на Земле в зависимости от живущих на ней народов; теперь мы можем различать самые крупные типы: этический тип на Востоке, утилитарно-интеллектуальный тип на Западе. Между ними постоянно пытается протолкнуться, протиснуться то, что я бы

назвал третьим типом, эстетическим типом. Эстетический тип, собственно, так же свойственен Центральной Европе, как Востоку свойственен этический тип, а Западу - военный, интеллектуальный тип.

Достаточно вспомнить только одно явление, чтобы также и на основе внешних фактов иметь возможность предоставить доказательство того, как эстетический тип человека хочет заявить о себе, как раз, в Центральной Европе. В то время как на Западе бушевала Французская революция, с одной стороны, а, с другой стороны, приносил свои плоды Восток, захваченный спиритуальными мечтами, мы видим, например, как Шиллер пишет свои «Письма об эстетическом воспитании человека». Они напрямую связаны с Французской революцией; но они хотят решить проблему, которую подняла Французская революция в политическом плане, чисто гуманистическим, человеческим путем. Они хотят сделать людей свободными чисто внутренне. И интересно, что весь подход Шиллера в «Эстетических письмах» основан на том факте, что он, с одной стороны, отвергает интеллектуалистическую, чисто утилитарную точку зрения, а с другой стороны, просто этическую точку зрения. Видите, этическая точка зрения тоже была рационализирована, интеллектуализирована. Всё в мире проходит через различные метаморфозы, и затем предстает в совершенно иной форме. Так и этическая точка зрения Востока является совершенно определённо не интеллектуалистической, но её также можно воспринимать как интеллект, её можно интеллектуализировать, «кёнигсбергизировать», тогда она становится кантианской. И это было, и от Канта исходит это прекрасное высказывание: «Долг! Ты возвышенное великое имя, которое не включает в себе ничего приятного, лестного, но требует подчинения...», а именно, подчинения морали. Шиллер возразил: «Я с удовольствием служу своим друзьям, но, к сожалению, я склонен это делать. И поэтому меня часто гложет червь сомнения, что я не добродетелен». Как настоящий центрально европеец, Шиллер не мог принять эту кантианскую, кёнигсбергскую интеллектуализацию этики. Для него человек не был полностью человеком, если, для того, чтобы исполнять свой долг, он должен был вначале этому долгу подчиниться. Для него человек был полностью человеком, если он чувствовал в себе склонность делать то, что является нравственно-целесообразным. Поэтому Шиллер отвергал этический ригоризм Канта. Но он также отвергал чисто интеллектуальный авторитарный принцип, и видел высшее свободное выражение человеческой природы в создании прекрасного и наслаждении им, то есть в эстетическом поведении человека. Он писал свои «Эстетические письма», так сказать, как описание личности Гёте. Для него, ведь, было очень трудным признание Гёте. Шиллер исходил из зависти к Гёте и внутреннего отторжения Гёте. Можно было бы сказать: было время в юности Шиллера, когда он ощущал горечь во рту при упоминании Гёте. Затем они познакомились. Тогда они научились не только уважать друг друга, но и входить друг в друга. И тогда, как духовную биографию, как духовную характеристику Гёте, Шиллер написал свои «Письма об эстетическом воспитании человека». Всё, что есть в этих «Эстетических письмах», никогда не могло бы быть написанным, если бы то, что в них содержится, не было передано Гёте Шиллеру как «предпереживание».

В начале их дружбы Шиллер написал Гёте то письмо от 23 августа 1794 года, которое я часто цитировал: «Долгое время, хотя и издалека, я наблюдал за движением Вашего духа...». И затем он описывает Гёте как духа, который, собственно, является воскресшим греком, так что мы видим, как тут приводится связь с первой зарей эстетического духа Центральной Европы, с Грецией.

И у Гёте мы видим, как он из интеллектуальных элементов вырабатывает себе путь к признанию истины, которая постигается как искусством, так и наукой. Если вы проследите, как Гёте с Гердером изучал этику Спинозы, как Гёте затем посетил Италию и писал домой, что в произведениях искусства, которые он видит выходящими из греческого духа, он видит «необходимость», он видит «Бога», поэтому можно сказать: В итальянском путешествии Гёте, в его рассмотрении произведений искусства, интеллектуализм Спинозы становится эстетическим. И Гёте свидетельствует о том, что греки, создавая свои произведения

искусства, действовали в соответствии с теми же законами, согласно которым действует сама природа, по следам которой, по его мнению, он идет. То есть, Гёте не считает, что, создавая произведение искусства, человек создаёт что-то фантастическое, и только наука строго верна. Нет, Гёте придерживался мнения, что то, что лежит в истинном искусстве, является даже более глубоким истинным содержанием природного бытия, то есть является эстетическим мировоззрением. И, таким образом, можно сказать: Запад - интеллектуалистический, военный; средние регионы Земли - эстетические; Восток - этический, моральный. И совершенно правильно говорить: где бы ни выступали этические истины, будь то на Востоке, в Центре или на Западе, - они изначально происходят с Востока. Неважно, появляются ли утилитарные истины в Центре или на Востоке, - они изначально приходят с Запада. Прекрасное исходит из средних областей. Таким образом можно проследить течение этих трех элементов человеческой жизни повсюду. Иногда вы можете проследить их до мельчайших деталей. Видите ли, если кармой определено основать в Центральной Европе антропософию, тогда в этой антропософии должно жить что-то из той веры Гёте, что, в конечном счёте, тот элемент, что живет в искусстве, является также элементом истины, что тот элемент, который находит своё выражение в живописи, скульптуре, даже в архитектуре, должен жить также и в мыслительной структуре истины. Да, надо, как я пытался это сделать в первой главе своей «Философии свободы», - теперь в новом издании она последняя, - дойти до того утверждения, что философ, человек, который основывает мировоззрение, должен быть «художником» понятий. Понятие «художник понятий», которое обычно избегается. Там я должен был его принять. Всё это исходит из одного духа.

Все идеи, выражаемые таким образом, получают определённый характер, который приобретает окраску того, что я сейчас сказал. Потом, однако, пишутся книги, как, например, книга Еме Блех (Aimee Blech), которая недавно вышла, со всевозможной злонамеренной, сознательной клеветой, в виде брошюры в которой стоит, например, следующее: В том, что как антропософия представлено с этой (Штайнера) стороны, - там, ведь, несомненно, много прекрасного; но это противоречит ясности французского ума! - Конечно, это определено противоречит интеллектуальности, трезво-риторическому восприятию понятий. Такие люди предпочитают создавать грубые материально осязаемые копии, поскольку их можно заключить в строгие понятийные контуры. Таким образом, вы можете прослеживать эти вещи до мельчайших деталей. Я мог бы представить вам в деталях множество вещей, которые прояснили бы вам то, что я только что объяснил в общих чертах. Но я остановлюсь на том, что я только что упомянул, поскольку здесь чрезвычайно интересны, как раз, детали.

Далее, необходимо досконально осознать, что, например, и мораль, и искусство, и интеллектуализм не возникли на на Западе просто так. О нет, там искусство взято из центральных регионов, этика взята из Востока, и добавлен интеллектуальный элемент, элемент утилитарности, полезности. Таким же образом в Центре возвращается, своего рода, эстетический элемент, и всё, что в 19-ом веке было включено в этот эстетический элемент, было перенесено с Запада. С этой точки зрения было бы интересно описать ход развития биологии. Прочитав сегодня учение Гёте о метаморфозе, вы сможете найти в нём великолепную теорию эволюции. Но Запад всегда будет считать его зараженным эстетикой. Поскольку с Запада в 19-ый век, который по всей Земле стал зависимым от Запада, в теорию эволюции проник дарвинистский элемент. Он принёс утилитарную точку зрения, учение о полезности, целесообразности. Это учение о целесообразности вы обнаружите у Гёте полностью исключённым, поскольку Гёте везде пронизан эстетизмом. Не должно быть так, что в будущем люди, будучи дифференцированными экономически, - я говорил об этом ранее, - не захотят таким образом ничего принимать друг от друга; поскольку, благодаря этому, по Азии постепенно распространится такой этос, который обнаруживается в пламенно звучащих тонах Рабиндраната Тагора. В Центральной Европе он распространился бы в

несколько иной форме, которую определённые Ницше-гигели¹⁰ уже продемонстрировали, но, как раз, в гигельской манере, «по ту сторону добра и зла», в форме некой эстетизации самих нравственных понятий. Мы видим триумф этой эстетизации в 19-ом веке, особенно в конце 19-го века. А на Запад распространилась точка зрения голой полезности: освоение точки зрения полезности, имитация духовного элемента в соответствии с точкой зрения полезности, и так далее. Этому может помешать только пониживание человечества настоящим духовным, настоящим спиритуальным элементом. При условии, конечно, что этот спиритуальный элемент будет принят с полной серьёзностью, что будет развита воля смотреть на вещи так, как эти вещи предстают сегодня тому, кто действительно хочет оставаться не предвзятым. Эта военная катастрофа выявила некоторые очень странные вещи. Она выявила также явления, отчасти крайне неудобные, но, в другой своей части, поучительные. Я хочу упомянуть для вас об одном таком явлении.

Смотрите, в современной немецкой литературе появляются, - теперь почти каждую неделю; уже нет возможности за всем поспеть, - «выделения» («Ausschleimungen»), я имею в виду, «высказывания» самых разных людей об их участии в военных и политических событиях, и мы могли прочесть, что думали такие головы, я подчёркиваю «голова», как Ягов, Бетманн, - Михаэлис нас ещё пощадил, - Тирпит, Людендорф и можно было бы назвать ещё целый ряд имён. Да, всё это читать ужасно. Но, с другой стороны, очень интересно! Это очень интересно читать со следующей позиции. Смотрите, ведь, такие книги, вроде книг Бетманна или Тирпица, можно воспринимать с совершенно противоположных позиций (Standpunkten), но вопрос, что здесь понимать под «позицией», не так ли! - Иногда важно, является эта позиция точкой зрения, или точкой, в которой некоторое время ковырялись каблук сапога! В этом смысле, «Всевышний» положил на Бетманна глаз, а на Тирпица - каблук своего сапога, после чего у них разные позиции. Так что в позицию, или точку зрения, мы углубляться не будем. Это имеет гораздо меньшее значение, чем видеть, какой дух живёт в этих текстах.

Ну, поначалу можно сделать следующее. Смотрите, я проделал такой эксперимент: после того, как я пролил на себя весь этот мутный соус, соус этих текстов, Бетманн- и Тирпиц-соус, я попытался снова обратиться к ряду так любимых мною очерков Германа Гримма, а именно, к тем очеркам, которые, правда, не немцами были бы восприняты как шовинистические, но это, ведь, опять-таки точка зрения, и она мне сейчас не важна, а важен дух, который в них живёт. Ну, на первый взгляд, вначале можно поставить вопрос: Какое же положение занимает дух, образ представления, внутренняя душевная конституция Бетманн-Тирпиц-соуса, по отношению к тому, что живёт в, так сказать, политических рассуждениях Германа Гримма? - Здесь надо сказать: для Германа Гримма был живым Гёте, и не зря; он был для него здесь. Для Бетманна, для Тирпица его не было. Я не хочу сказать, что они его не читали. Было бы, наверное, лучше, если бы они его не читали; но он для них отсутствовал. Поначалу кажется, - так я себе говорил о том, что стоит в этих книгах, - будто это написано средневековым ландскнехтом¹¹, также и с логикой средневекового ландскнехта. Особенно интересна логика, например, Людендорфа. Это его «заслуга» в том, что Ленин был отправлен в заплombированном вагоне через Германию в Россию. Он является собственно «импортёром» большевизма в Россию. У него нет мозгов для того, чтобы умело отрицать это в своей книге, хотя достаточно для многого другого. Поэтому он говорит следующее. Он говорит: привезти Ленина в Россию было военной необходимостью; но политическое руководство должно было предотвратить ужасные последствия этого; оно этого не сделало. - Понимаете, вот логика этих господ! Но я совсем не хочу сказать, что у Клемансо логика была лучше. То есть, я прошу вас не думать, что я принимаю чью-то сторону; у Ллойда Джорджа и Вильсона логика тоже была не лучшей; но у них это не так легко констатировать.

¹⁰Гигель (Gigerl) ['gi:ge], одинаково в ед. и мн. ч., появившееся в Вене в 1885 году слово, обозначающее тщеславного модника (в негативном смысле). Возможно, есть связь с выражением «ходить гоголем» (прим. пер.).

¹¹ Landsknecht, - профессиональный солдат-пехотинец 16-го века (прим. пер.)

Да, так говоришь себе поначалу. Но затем идёшь дальше. И в поисках какого-либо исторического сравнения обнаруживаешь, что для этого надо углубиться довольно далеко в прошлое. Обнаруживается странное сходство между образом мышления, образом представления, конкретно Тирпица и Людендорфа, и тех людей, которые в первом и втором столетии до Р.Х. стояли во главе, так называемой, культуры Рима. И, пытаясь констатировать интимную душевную общность, можно, собственно, сказать: дело обстоит так, будто снова всплыл образ мышления древнего дохристианского Рима, будто всего, что произошло с тех пор, включая христианство, - когда эти господа говорят о Христе и тому подобном, - никогда не было.

Видите ли, говоря о люциферическом, о том, что это люциферическое осталось в человечестве, часто думают, что это относится только внешнему миру. В самом мире этот принцип остаточности проявляется очень сильно. Можно сказать - в таких людях снова воскресли доцезарианские правители Древнего Рима. И всё, что произошло в Европе после этого, для них, собственно, не существует.

Эти явления надо сегодня рассматривать совершенно непредвзято. На них надо обращать внимание. Поскольку только, благодаря этому, можно обрести свободную, основанную на фактах точку зрения для суждения о настоящем. Современность предъявляет высокие требования к способности суждения людей. Обо всём этом надо сказать, если речь идёт о том, что настоящее должно быть пронизано духовными импульсами. При поверхностном рассмотрении, ведь, легко сказать себе: ну, да, настоящее должно быть проникнуто духовными импульсами! - Но не все так просто. Достаточно только раз проверить, принесли ли духовные импульсы желаемые плоды везде, где они получили определенный доступ к человечеству. Понимаете, в конце концов, надо сказать себе ещё и следующее. Возьмите определённые брошюры, определённые памфлеты, написанные многолетними последователями. Написаны даже такие, в которых то, что фигурирует здесь как духовная наука, «правильно» воплотилось в мире, только воплотилось наоборот, наизнанку. Тут и растения, выращенные на той почве, на которой пытаются сегодня реализовать человеческую духовность. И тот, кто поверил бы, что процесс, состоящий в том, что, то, что передаётся как достижения духа, так называемыми, последователями превращается в свою противоположность, уже закончен, был бы наивен. Он совсем не закончен! Отнюдь не так просто, как можно было подумать, считаться с тем фактом, что человечеству должны быть принесены духовные истины. Поскольку человечество, такое, каким оно ещё остаётся сейчас, имеет тенденцию дифференцироваться, в первую очередь, на те три типа, которые я охарактеризовал: этический, эстетический, интеллектуальный, но внутри каждого из них, эта дифференциация продолжается.

Но духовные истины не предназначены для того, чтобы к ним подступали, принимали в чистом виде с такой дифференциацией. Совершенно невозможно, чтобы эти духовные истины в чистом виде принимались людьми, которые подступают к ним с этой дифференциацией и с другими дифференциациями настоящего времени. Подумайте о том, что люди сегодня со всех сторон стремятся замкнуться в национальном шовинизме. Да, если вы хотите принять общечеловеческие и духовные истины через национальный шовинизм, вы уже этим обращаете их в свою противоположность. Сегодня невозможно просто так сообщить то, что, с определенной точки зрения, было бы желательно сообщить. Поскольку люди имеют тенденцию к той дифференциации, о которой я говорил. Поэтому, конечно, необходимо, чтобы пробуждался интерес людей, прежде всего, с тех сторон, которые уже сформировались. Необходимо определенным образом опираться на то, что есть, но принимать во внимание, что люди имеют тенденцию отдаляться от древней унаследованной мудрости и вместо неё не ставить по всей Земле ничего, кроме территориальной дифференциации. Поэтому невозможно распространять среди людей духовную мудрость без распространения определенного этоса. Многие читали книгу «Как достичь познаний высших миров?». С некоторых пор, ведь, эту книгу читают очень многие. Эти люди обнаружили, что первые советы, которые там даны, этические, что можно полностью согласиться с ними с

этической точки зрения. - Они правы; первые советы, которые там даны, должны быть этическими, и они, как раз, должны образовывать экстракт лучшего этоса земной культуры. Но, с другой стороны, необходимо также заботиться об определенном художественном элементе. Это создало особые трудности в антропософском движении; поскольку поначалу в антропософском движении было определенное отторжение, как раз, художественного. Стремилась к абстрактному, эстетическому, безразличному символизму. И ещё сегодня есть движения, называющие себя «теософскими», которые отвергают всё художественное. Поэтому это было хорошей судьбой, хорошей кармой нашего движения, что мы проводили также художественные опыты здесь, в Дорнахе, и эти художественные опыты могли разрабатывать из абстрактных символических элементов. Возможно, если бы мы пошли навстречу некоторым, в виде глубоких символов нашего строения, можно было бы увидеть множество чёрных крестов с семью розовыми кляксами, наподобие роз, вокруг! От этого символического существа нужно было, конечно, защищаться, нужно было стремиться творить на основе художественного элемента.

Так что это должно быть связано с лучшими традициями - даже если импульсы я также называю традицией - человеческой культуры. И, прежде всего, необходимо обращать внимание на то, что все эти вещи являются глубокими, серьезными истинами, которые звучат так: кто хочет прийти к настоящему знанию, должен это чувство истины культивировать в себе. - Когда об этих вещах говорят радикально, касаются чего-то такого, что для многих людей звучит крайне оскорбительно. Поскольку везде строгий взгляд на истину является чем-то таким, что для многих людей сегодня кажется крайне неудобным, что они, по крайней мере, в жизни, ретушируют. Но не истинное существо, даже если оно не истинно только из-за сентиментальности, не согласуется с тем, что является строгим чувством истины, которое требует реальной отдачи тем истинам, которые стремятся проникнуть в мир, например, через антропософию.

В этом отношении, в частности, много грешили конфессии, поскольку конфессии породили нечто такое, что больше никоим образом не совместимо с полным, чистым чувством истины. В мире возвращены определенные виды благочестия, которые скорее потворствуют человеческому эгоизму, нежели соответствуют человеческому чувству истины. Вот почему так необходимо обращать внимание на культивирование внутренней правдивости, на что, ведь, указывается в самых различных местах антропософских текстов. Сама жизнь требует сегодня от человека много неправды, и можно сказать, что сегодня явно вырисовывается двойственная тенденция, которая вызывает определенное нежелание принимать истины, основанные на фактах. Сегодня имеется тенденция характеризовать вещи согласно предпочтениям, а не согласно тому, что говорят сами факты. Сегодня, - а в последнее время мне приходилось часто упоминать об этом в связи с другими вещами, - называют практичным человеком того, кто имеет опыт в каком-то определенном направлении, кто, исходя из определенной жёсткости, без оглядки действует в пределах своей области, отвергая всё, что не соответствует такому рутинному устремлению. Согласно этой точке зрения, различают людей «практичных» и «фантазёров». И с некоторой неправдой в мировой истории И последствия этих вещей, вместе с определённой исторической неправдой, проявились ужасным образом, как раз, в продолжении 19-го века, вплоть до наших дней. Ведь, перед этой катастрофой мировой войны, перед этим великим испытанием для человечества, было даже трудно что-то сказать о том, что без оглядки непредвзято характеризует эти вещи. Вскоре будет опубликован сборник моих отдельных важных статей восьмидесятых и девяностых годов, из которых видно, как тогда надо было пытаться сказать некоторые истины, как бы, между строками. Среди этих статей есть и такая: «Бисмарк, человек политического успеха», в котором я пытаюсь сказать, что успехи этой личности, основаны на том, что эта личность, по сути, никогда не смотрела дальше нескольких шагов от своего носа. - Но, ведь, не было также и смысла бросать эти вещи в лицо миру, когда фактически не было никого, кто мог бы принять эти вещи. Но теперь надо исходить уже из определенной основы, из опыта катастрофы мировой войны, который может многому

научить. Для большинства людей, конечно, нет ничего, чему можно было бы научиться из этих фактов. У них есть определенный фонд суждений, и они его не меняют. Они не могут понять даже, что это вообще значит, учиться на фактах.

Я рассказываю это каждому человеку, которого я провожу по этому зданию: если бы мне пришлось рисовать такое здание во второй раз, я бы сделал это по-другому. - Определённо, я никогда не сделал бы его таким же образом. Этим я, ведь, ничего не говорю против этого здания; но я сам никогда бы не сделал этого снова таким же образом, поскольку на том, что сделано, что уже присутствует здесь как факт, конечно, нужно учиться. - Сегодня утром я, к своему ужасу, прочёл, что фельдмаршал Гинденбург сказал, что, если бы ему сегодня снова пришлось вести эту войну, он сделал бы всё то же самое, что он делал.

Да, видите, эти вещи читают, эти вещи пропускают и не замечают, как можно обрести понимание времени, благодаря учению, данному таким горьким образом катастрофой мировой войны. Сегодня каждый должен воспринимать то, что звучит в его ушах из мира, - я имею в виду, конечно и прочитанное, - с соответствующей подоплёкой, и он должен быть в состоянии сказать себе: в важных вещах необходима, обязательна ревизия суждений. До этой катастрофы мировой войны у человека было кажущееся внешне право называть Бисмарка практичным человеком. Герман Гримм видит его как «башню» практики. Катастрофа мировой войны научила, что он был фантазёром, и с этим суждением надо смириться, поскольку создание рейха, империи было, конечно, фантазёрством.

Видите, я хочу, чтобы вы поняли, что это жизнь, и это должна быть жизнь, находить иллюзии и в морально-историческом. В прошлое воскресенье я здесь показал, как нужно констатировать иллюзии в природных отношениях; как обстоят дела с вещами в природных отношениях, и как их представляет естественное исследование, и как тогда нужно сказать, что человечество, собственно, участвует в том, что происходит в природных отношениях, то есть, как то, что естественная наука говорит о природных отношениях, может быть тканью иллюзий. Сегодня я хотел, чтобы вы поняли, как нужно исправлять себя, исходя из фактов истории и жизни, потому что внешне вещи в течение длительного времени часто появляются только как видимость. Сегодня на людей, которые многими, как само собой разумеющееся, считались практичными, часто приходится смотреть как на мечтателей. Но нужно привыкать к пересмотру своего суждения. Сегодня в любой области жизни есть не только возможность, но и необходимость пересмотра своего суждения. И со своими убеждениями мы участвуем в том, чем хочет быть антропософское движение, тогда, когда мы говорим себе: я должен пересмотреть своё суждение, пересмотреть, возможно, в самых важных вещах! - Суждения о природных отношениях обычно могут быть пересмотрены через саму духовную науку. Суждения о жизни будут пересмотрены только в том случае, если человек действительно разовьет в себе то, что в качестве убеждений, как настрой, требуется для антропософского движения.

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 15 ноября 1919 года

Вчера я обращал ваше внимание на то, как человеческая душа обладала, своего рода, пра-знанием, пра-мудростью, и как эта пра-мудрость, так сказать, просочилась вплоть до нашего времени, постепенно истощилось, так что люди цивилизованной Земли со своими знаниями, со своим познанием, стали чувствовать себя всё более и более зависимыми от того, что с ними происходит на физическом плане. Под знанием и познанием я подразумеваю здесь не просто то, чем является «наука», а то, что присутствует в сознании в душах также и для обычной жизни.

Теперь, на почве духовной науки, прежде всего, конечно, возникает вопрос: как, собственно, возникло это пра-знание человечества? - Тут я должен указать на вещи, которые мы уже обсуждали по-разному с других сторон.

Взглянем назад во время, когда человек начал становиться собственно гражданином Земли, когда человек, как душевно-духовное существо, спустился на саму Землю, облачился в силы Земли и стал земным существом в земной сфере. Если бы всё было так, что человек, согласно предпосылкам, лежащим в его собственном существе, спустился бы на Землю, то человечество развивалось бы совершенно иначе, нежели оно развивалось в действительности, проходя различные культурные эпохи. Люди должны были бы уже тогда исходить из определённых связей с окружающим миром. Они должны были бы, - исходя из, я не хотел бы здесь сказать прямо, ясновидческих, но подобных им инстинктов, - обрести земное знание. Это земное знание они приобретали бы очень медленно. Долгое время они оставались бы неуклюжими детскими существами. Конечно, к нашему времени они бы обрели определённую человеческую душевно-телесную конституцию, но они ни в коем случае не достигли бы той духовной высоты, к которой пришли. То, что они смогли развиваться по-другому, нежели проходя через различные детские ступени, произошло, благодаря тому, что в земное развитие вмешались те существа, которых мы всегда называли люциферическими существами. Теперь, в новое время, мы также знаем, что в определённое время дохристианского летосчисления в Азии была инкарнирована индивидуальность самого Люцифера, и что языческая пра-мудрость, а именно, та, которую ещё можно найти на почве исторических фактов, произошла от этой люциферической индивидуальности. Но, так сказать, в игре человеческого развития всегда принимали участие эти люциферические существа.

Теперь я хотел бы вас убедительно попросить, - хотя я знаю, что от таких просьб мало толку, - когда речь идёт о люциферических существах, не подступать к ним в своих мыслях с обывательскими, филистерскими представлениями. Поскольку, даже у многих, кто принадлежит к антропософскому движению, есть склонность говорить, - я уже не раз говорил об этой склонности: «Да, это, ведь, люциферическое, боже упаси к нему приближаться, лучше держаться подальше!» - Речь идёт о том, что обо всех этих вещах надо судить с самых различных точек зрения, и постоянно помнить, что вся языческая пра-мудрость произошла из люциферического источника. Но надо изучать то, как это, собственно, произошло. И чем дальше мы уходим назад в развитии человечества, тем больше мы находим людей, которые, благодаря своим предпосылкам, лежащим в их реинкарнациях, были зрелыми для знакомства с той мудростью, которой обладают люциферические существа. Например, мы говорим о Семи Святых Риши индусов. То, как сам индус понимал мудрость семи святых Риши, он всегда знал, будучи посвящённым в эти вещи, что настоящие учителя Риши были люциферическими существами. Поскольку то, что люциферические существа привнесли с собой в земную эволюцию, в которую они, как я уже сказал, вмешались, - это прежде всего всё то, чем всегда был пронизывающий человеческую культуру мир мысли, интеллектуальный мир мысли, в лучшем смысле этого слова, разумный мир, мир мудрости. Как раз, вернувшись к истокам человечества, обнаруживается, что источники языческой мудрости всегда следует искать в люциферических существах.

Можно спросить: Да, но как, собственно, такое возможно? - Тут надо себе уяснить, что человек оставался бы на детской ступени, если бы он не мог постоянно получать из мистерий обучение всяким люциферическим мудростям. Важно то, что те, кто должен обладать необходимыми знаниями, необходимой мудростью, а именно, унаследованной пра-мудростью для прогресса, для формирования человечества, не уклонялись бы от получения этой мудрости от люциферического элемента, как современный филистер, а брали бы на себя всё, что человек должен брать на себя, когда он получает такие наставления из духовных сфер от люциферических существ. Здесь человек должен был бы взять на себя, - это можно было бы назвать обязательством, хотя, конечно, такие слова не всегда могут точно выразить суть дела, - прежде всего, эту люциферическую мудрость, которая является, ведь, мировой

мудростью [использовать как хорошую мудрость на службе земного развития]. Ведь, различие хорошей мудрости и люциферической мудрости состоит в том, что хорошая мудрость находится в хороших руках, а люциферическая, как раз, - в руках Люцифера, так как по содержанию это одно и то же. Это то, о чём идёт речь. Речь идёт не о том, что есть какая-то мудрость, которую можно удобно засолить в бочонке своей души, чтобы, благодаря этому, стать хорошим человеком, а речь идёт о том, что эта мудрость, хотя и единая в мире, но она может быть в руках мудрого человека, который использует её хорошо, в руках ангела, архангела, или она может находиться в руках Люцифера. С другой стороны мудрость для прогресса человечества в древние времена получена быть не могла. Поэтому посвящённые древних времён должны были получать её из люциферических рук, но при этом стараться не поддаваться другим аспирациям люциферических существ.

Намерением Люцифера было дать человечеству мудрость для того, чтобы они, благодаря ней, шли не путём земного развития, а путём развития в сверхземной сфере, отделённой от Земли сфере. То есть, изображая это схематически: если это поверхность Земли (рис. 21, weiß), то человек, если он вступает на Землю здесь, должен проделать по отношению к земной поверхности этот путь (rot).

Люциферические существа прививают человеку мудрость, но они хотят, чтобы он, благодаря этому, отклонился от Земли, и не проходил земное развитие. Землю Люцифер хочет предоставить судьбе быть незаселённой людьми, а людей заполнить для особого, чуждого Христу царства.

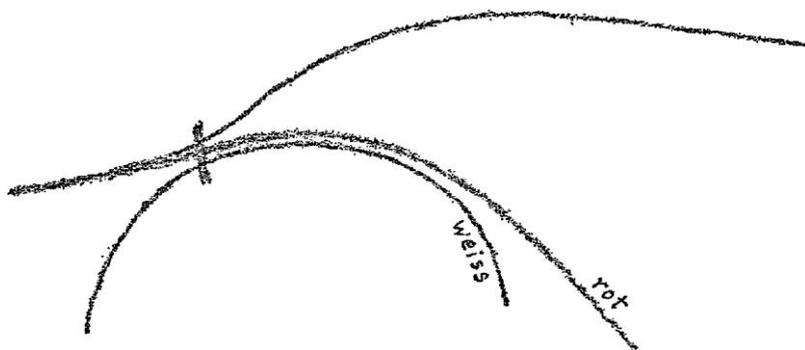

Рис. 21

Мудрецы древних времён, которые приняли пра-мудрость из рук Люцифера, должны были, таким образом, взять на себя обязательство не поддаваться Люциферу, приняв эту мудрость, использовать её на службе земного развития. Это, в основном, и достигалось, посредством Мистерий дохристианских времён. И если спросить, что же, собственно, человечество получило, благодаря этим Мистериям дохристианских времён, благодаря влиянию люциферических существ, которые вначале, то есть, ещё в атлантический период, инспирировали определённых личностей, Риши индусов, а потом даже посылали на Землю своих посланцев, как я вам рассказывал, то ответом будет: это всё то, что человек приобрёл в качестве способности речи и мышления. Поскольку речь и мышление первоначально имели целиком люциферическую природу, просто эти способности были, так сказать, исключены из списка (entlistet) Люцифера мудрецами древности. Если бы они хотели убежать от Люцифера, они должны были бы принять решение оставаться в будущем немыми и не думать!

Эти вещи принадлежат, как раз, той науке инициации, которую постепенно должно испытать человечество, и, тем не менее, многовековое филистерское воспитание цивилизованного мира заставляет людей содрогаться от этих истин. Перед людьми, ведь, так долго стоял этот карикатурный образ Люцифера и Аримана, который одновременно является и средневековым дьяволом. Людям так долго позволяли расти в филистерской атмосфере, что сегодня они ещё с содроганием воспринимают эти мудрости, которые, однако, тесно связаны

с развитием человечества, потому что людям ужасно приятно, если они могут сказать: дьявола я избегаю, Христу я отдаюсь с открытостью детской простоты, тогда я блаженный, тогда я со своей душой буду спасён при любых обстоятельствах. - В своих подосновах человеческая жизнь, как раз, не так легка. Речь идёт исключительно о том, что для будущего человеческого развития эти вещи, о которых мы сейчас говорим, непозволительно скрывать от человечества. Поскольку необходимо осознавать, что, как раз, искусство речи и искусство мышления, - это то, что могло войти в это земное развитие только потому, что человек получил его, так сказать, в обход, через люциферическое посредничество. Я хотел бы сказать: вы ещё сегодня можете заметить люциферический элемент в своём мышлении. Ариман уже атаковал языки, которые долгое время дифференцировались по территориям; это он вызвал эту дифференциацию, это он разбил единый язык на дифференцированные земные языки. В то время как Люцифер всегда стремится к объединению, ариманический принцип пронизан тенденцией к дифференциации. Каким же было бы мышление, если бы оно не было люциферическим?

Да, видите ли, если бы мышление не было люциферическим, то большинство людей на Земле, все те, кто не думает люциферически, думали бы как один из тех, кто меньше всего думал люциферически; это Гёте. Гёте принадлежит к тем людям, которые меньше всего думали люциферически, которые в определенном отношении пошли на то, чтобы смело смотреть в лицо люциферическим силам. Но это делает необходимым по возможности придерживаться конкретных деталей. В момент обобщения, объединения, уже присутствует люциферическое мышление. Если бы вы рассматривали каждого отдельного человека, каждое отдельное животное, каждое отдельное растение, каждый отдельный камень как нечто, что существует само по себе, если бы вы охватывали в своём мышлении только отдельный объект, не образуя роды и виды, не обобщая, - тогда вы получали бы в своём мышлении мало люциферического. Но тот, кто делал бы это, уже будучи ребёнком, в школе попал бы в отстающие уже в первом классе! Поэтому об этом и речи быть не может. Сегодня речь идёт о том, чтобы увидеть, что мышление вообще, то мышление, которое было раньше, особенно в язычестве, постепенно иссякло. Люди больше не предрасположены считать этот люциферический элемент объединения чем-то таким, что может принести им большую пользу на Земле. Об этом заботится то обстоятельство, что созданная Богом человеческая природа в своём развитии постепенно последовала путём Земли, стала родственна с земным. А, благодаря тому, что человек стал родственным с земным, в нём сегодня стало меньше родства, - уже в силу самой своей природы, - с люциферическим элементом, который хочет, собственно, увести его с Земли.

Но было бы плохо, если бы человек только отказался от люциферического элемента и ничто другое не заняло бы его место. Это было бы очень и очень плохо. Поскольку тогда человек полностью сросся бы с Землей, то есть, с отдельной земной территорией, на которой он родился. Он бы полностью специфицировался, полностью дифференцировался в своей культуре. Мы, ведь, видим сегодня развитие этой тенденции. Особые предпосылки для неё сложились уже в начале 19-го века; но сегодня мы видим, как из катастрофы мировой войны развилась тенденция к разделению на всё меньшие и меньшие группы. Народный шовинизм усиливается, вплоть до разделения людей на всё меньшие и меньшие группы, так что, в конечном итоге, группа сможет представлять собой только одного человека. Может дойти до того, что отдельный человек также разделит себя на левого и правого и сможет вести войну с самим собой, где правый человек хватается за волосы левого. Для этого возникает множество предпосылок уже сегодня. И этому необходимо создать противовес. И этот противовес может быть создан, только благодаря тому, что, так же, как языческую культуру проникала и пронизывала пра-мудрость, будет достигнута новая мудрость, но уже из свободной воли человека, будет передана земной культуре новая мудрость. Эта новая мудрость должна снова стать мудростью инициации. Эта новая мудрость должна снова исходить из того, что может быть обретоено только в отдельном.

И здесь мы подходим к той главе, которую сегодня также нельзя скрывать от людей. Если бы человек ничего не делал для будущего, чтобы самому обрести новую мудрость, тогда в подсознательных глубинах человеческой природы произошли бы вещи, которые я уже вам частично описывал, а именно, ариманизация всей человеческой культуры. Человеческая культура была бы ариманизована, и тогда тому воплощению Аримана, о котором я говорил, было бы легко проникнуть в земную культуру. Вот почему необходимо быть подготовленными, относительно всех течений, которые продвигают ариманическую культуру.

Но что произойдёт, если люди, например, останутся такими, какими они имеют склонность быть сегодня, то есть, если они не будут воспринимать, узнавать ведущие к Ариману течения, и тем самым выводить их на правильные рельсы, как мы это недавно обсуждали? Тогда, как только Ариман в определённое время воплотится в западном мире, человеческая культура будет полностью ариманизована. Что тогда Ариман принёс бы? Ариман, посредством грандиознейших искусств, принёс бы людям всё то, что до этого можно было обрести только с огромными усилиями, и напряжением, в смысле ясновидческих знаний, как мы их здесь понимаем. Представьте себе, как это было бы бесконечно удобно! Людям тогда вообще ничего не надо было бы делать. Они могли бы тогда жить материалистично, есть и пить сколько угодно, - ну, сколько это позволяет послевоенная ситуация, - и не заботиться о каких-то духовных устремлениях. Ариманические течения протекали бы «красиво и хорошо». Если Ариман в нужное ему время инкарнирует в западный мир, он создаст огромную тайную школу, в этой тайной школе будут практиковаться самые грандиозные волшебные искусства, и на людей изольётся всё то, что обычно достигается с огромными усилиями. Не надо, опять же, филистерски представлять себе, что что Ариман, когда он спустится на Землю, станет, своего рода, «Крампусом»¹², который будет всячески разыгрывать людей. О нет, все те обыватели, которые сегодня говорят: мы не хотим ничего знать о духовной науке, - они подпадут под его чары, потому что он сможет самым грандиозным способом с помощью магии делать людей ясновидящими в большом количестве. Но он, правда, будет делать людей ясновидящими таким образом, что отдельный человек будет ужасно ясновидящим, но очень дифференцировано: то, что будет видеть один человек, другой видеть не будет, а третий, в свою очередь, не будет видеть то, что видит второй. Все люди бы оказались в полной растерянности, и, несмотря на то, что они получили бы основу ясновидческой мудрости, они могли бы только ссориться, потому что взгляды разных людей были бы очень разными. Однако, в конечном итоге, люди были бы очень довольны своими взглядами, поскольку каждый из них смог бы заглядывать в духовный мир. Но следствием этого, опять же, будет то, что всё, что является земной культурой, подпадёт под Аримана! Человечество подпало бы под Аримана уже потому, что тем, что дал бы им Ариман, они овладели не сами. Это был бы худший совет, который можно было бы дать: просто оставайтесь такими, какие вы есть! Ариман, ведь, всех вас сделает ясновидящими, если вы этого захотите. А вы этого захотите, поскольку Ариман будет обладать огромной властью. - Но следствием этого будет то, что на Земле будет создано царство Аримана, что вся Земля будет ариманизована, что всё созданное до этого человеческой культурой будет в определённом смысле уничтожено. Тогда исполнилось бы всё то, собственно, нездоровое, что лежит в основе бессознательной тенденции современного человечества.

То, о чём идёт речь, следующее: как раз, эту мудрость будущего, которая является ясновидческой, эта мудрость будущего должна быть забрана у Аримана. Можно сказать - это просто книга, не две мудрости, - одна книга. - Речь идёт только о том, у кого эта книга, у Аримана. Или у Христа. Христос не может владеть ею без того, что за неё будет бороться человечество. А человечество может бороться за неё только таким образом, что оно скажет

¹² Кра́мпус (нем. Krampus, австр. *Klaubauf, Bartl*, словен. Parkelj, чеш. Čert, сил. Gumphinckel, венг. Krampusz) — легендарная фигура в фольклоре альпийского региона, "рождественский чёрт", спутник и одновременно антипод Николая Чудотворца, а также название обходного обряда в ночь с 5 на 6 декабря (Википедия)

себе, что оно собственными усилиями должно овладеть этим содержанием духовной науки до того, как Ариман появится на Земле.

Видите, это космическая работа духовной науки. Ведь, космическая работа духовной науки состоит в том, чтобы знание будущего не стало, или не осталось, ариманическим. Ведь, это хороший метод работать рука об руку с Ариманом, если исключать из религиозных исповеданий всё, что является знанием, если постоянно подчёркивать, что всего можно достичь простой верой. Если человек останавливается на этой простой вере, то он обрекает себя на душевную тупость, душевный застой, и тогда мудрость не проникает в душу, - она, как бы, забирается Ариманом. То есть, речь идёт не о том, что человечество должно просто получить будущую мудрость, а о том, что человечество должно выработать в себе эту будущую мудрость, и что те, кто это сделает, возьмут тогда на себя ответственность за спасение земной культуры; спасение земной культуры для Христа, так же, как древние Риши и посвящённые брали на себя ответственность за то, чтобы не подпасть под влияние Люцифера в его стремлении увести человечество с Земли.

Что же, собственно, важно, прежде всего, для ощущения человека в этой вещи? Важным в этой вещи является то, что и для мудрости будущего необходима борьба, подобная той, что должна была проделана древними посвящёнными, - которые передали людям язык¹³ (речь) и способность мыслить, - против Люцифера. Подобно тому, как эти посвященные изначальной мудрости должны были отвоевать у Люцифера то, что стало человеческим разумом, так и то, что должно быть постижением внутренней природы вещей в будущем, должно быть отвоёвано у ариманических сил. Эти вещи играют очень важную роль между строками жизни, и они уже делают это.

Недавно я прочитал записку, которую один друг антропософского движения написал незадолго до своей смерти. Он был ранен на войне и долгое время провел в госпитале, где он получил некоторое представление о духовном мире во время операций, которые над ним проводились. Но в последних оставленных им строчках есть одно странное место. Оно содержит видение, в котором он описывает то, что он пережил незадолго до смерти. И последнее, что он пережил, это то, что всё, что распространялось вокруг него, подобно воздушному кругу, как он выразился, становилось «гранитом», становилось очень плотным, окаменевшим; становилось гранитом, который ложился на душу. Такое впечатление нужно понять. И его можно понять, если знать, что за то, что является мудростью будущего, надо бороться; поскольку ариманические силы не позволят обрести эту мудрость будущего просто так. Не надо думать, что можно надеяться на приятное получение мудрости. Действительную мудрость надо, как я сказал недавно также и на одной из публичной лекции, «обретать в страдании». И то, что я вам привёл сейчас из записки умирающего, является довольно хорошим образом такого страдания. Поскольку в борьбе за мудрость будущего одним из наиболее частых переживаний является то, что мир вокруг уплотняется, становится давящим, как будто воздух неожиданно превратился в гранит. Понятно, почему это так. Достаточно вспомнить, что стремлением ариманических сил является приведение Земли к полной неподвижности. Они выиграют свою игру как только им удастся привести в полную неподвижность всё то, что является землёй, водой, воздухом. Воздух должен полностью застыть, окаменеть. Тогда Земля не сможет снова возвратиться к той теплоте, из которой она развилась со времени Сатурна. Этой теплоты, ведь, она снова должна достигнуть во времени Вулкана. Воспрепятствовать этому, - цель ариманических сил. И важное решение этих сил заключалось бы уже в том, чтобы в настоящее время не позволять человеческим душам зажигаться в отношении того, что является духовным содержанием духовной науки. Поскольку первый толчок к затвердеванию земли тогда будет исходить из человеческих душ, ленью, из лени, легкомысленности и чувства удобства человеческих душ. Если вы увидите, что в этом затвердевании заключается настоящая цель ариманических сил, тогда вам не

¹³Возможно, поэтому дохристианские верования называются «язычеством» (прим. пер.)

покажется случайным, что это сжатие, это превращение жизни в гранит, является одним из переживаний, которые необходимо пройти в борьбе за мудрость будущего.

Обдумайте только то, что в наше время люди могут подготовить себя к видению духовного мира, поначалу охватывая всё то, что хочет дать духовная наука, своим здоровым человеческим разумом. Усилия, которые будут потрачены на понимание здоровым человеческим разумом, могут стать чем-то, вроде борьбы, которая затем приведёт к способности восприятия духовного мира. Тут многое должно быть преодолено. Ведь, для современного человека эти вещи поначалу так трудны также и потому, что, если он он хочет понять духовную науку, он должен бороться со своим собственным гранитным черепом. Если бы не было этой гранитной твёрдости собственного человеческого черепа, духовная наука принималась бы в наше время гораздо лучше. Гораздо более разумным в одолении Аримана, нежели всякое филистерское отрицание ариманических сил, было бы то, что, однако, не может быть филистерским, и состоит в искреннем и честном изучении содержания духовной науки. Тогда, мало-помалу, люди увидят и почувствуют духовно то, что в противном случае должно войти в землю физически: затвердевание, превращение в гранит.

Поэтому должно быть указано на то, что это действительно представляет собой глубочайшую правду, что мудрость будущего может быть достигнута только через лишения, страдания и боль, но что в перенесении соответствующих телесных и душевных страданий она должна быть достигнута для исцеления человеческого развития. Поэтому каждый должен, собственно, сделать это принципом, согласно которому это достижение-мудрости-в-страдании никогда не должно мешать ему следовать этой мудрости. Что нужно человечеству для внешней жизни, так это чтобы в будущем опасность затвердевания земли, оледенение, которое наступило бы в первую очередь в моральном мире, была устранена. Но это может случиться, только благодаря тому, что люди в своём духе постепенно представляют себе, ощутят внутренне и пронижут своей волей стремление избежать то, что иначе может стать физической реальностью.

К тому же, по сути, собственно, только трусость виновна в том, что люди не хотят подступать к духовной науке. Правда, они этого не осознают; но это всё же так, именно трусость и страх ответственны за трудности в этом стремлении к духовной науке. Как часто можно снова и снова слышать, что люди, входящие в антропософскую ветвь, стремятся себя возвысить. Под возвышением (Erhebung) люди часто понимают внутреннее душевное сладострастие. Но оно не может быть предложено, поскольку именно оно окутывает людей тупостью и удаляет от света, в котором они нуждаются. Важно то, что в ближайшем будущем, начиная с настоящего, будет непозволительным скрывать людей, которые на самом деле являются движущими силами человеческой эволюции. Люди должны знать, что на самом деле человеческое существо находится в состоянии, своего рода, равновесия между люциферическими и ариманическими силами, и что сущность Христа действительно стала своего рода другом людей в борьбе, сначала с люциферическим, а затем с ариманическим.

В свете этого факта должна рассматриваться вообще вся человеческая эволюция. Тот, кто сегодня представляет мировые тайны так, как они должны быть представлены в духовной науке, тот, как раз, в самых существенных положениях, ужасно высмеивается. Например, когда необходимо, как это должен был делать я в моей книге «Теософия», снова и снова представлять вещи в их связи с числом семь, - над этим насмеваются. Об одной такой насмешке я ещё намереваюсь поговорить завтра. Но когда на семь цветов делят радугу, или октаву, звуковую шкалу делят на приму, секунду, терцию и так далее, и октава затем становится повторением примы, тогда люди больше не насмеются! В физическом люди принимают эти вещи, а в духовном это, по их мнению, непозволительно! То, что здесь снова необходимо обрести, было когда-то частью языческой пра-мудрости. И последний отблеск этой языческой мудрости относительно таких вещей, как число семь, мы видим в школе Пифагора, которая, собственно, была Мистерией. Вы можете сегодня во всех школьных учебниках прочитать о Пифагоре, но нигде не найдёте что-либо для понимания того, почему Пифагор представлял мировой порядок в числах. Причиной этого было то, что пра-мудрость

всё выводила из чисел. Но последняя искра понимания, как раз, числовой мудрости, когда Пифагор основал свою школу, ещё оставалась. Остальные члены пра-мудрости оставались дольше; некоторые из них сохранились даже до 16-17-го веков. Так, например, мы слышим что-то физически разумное о том, или ином, относительно высших миров, вплоть до 15-16-го веков. Затем, если можно так выразиться, «пра-понимание» человечества постепенно иссякает.

Представьте себе какого-нибудь настоящего представителя современного образования, который говорит: Ну, что за чушь болтают эти антропософы? Мы достигли таких успехов в наше время! Что могут тогда означать высказывания о том, что пра-мудрость якобы иссякла? Мы создали такие великолепные, потрясающие вещи, как раз, в последние десятилетия. Возможно, в 1914 это закончится, но до 1914 года всё было великолепно. - Но, если вы непредвзято взглянете на то, что мы получили в новейшее время, вы придёте к следующему результату. Конечно, люди собрали множество естественно-научных, описывающих природу, и исторических заметок. Такое собрание, ведь, стало особой модой. Они также проводили различные эксперименты и описывали их. Но если вы теперь спросите: есть ли, собственно, что-то новое с точки зрения идей и понятий во всём том, что принесло это новое время? - Отдельные заблудшие души, такие как Гёте, принесли что-то новое с точки зрения идей и понятий; но Гёте, ведь, остался не понятым. Если вы просмотрите то, что происходит, например, в естествознании или даже в новейшей исторической науке, вы обнаружите: в идеях, которые там фигурируют, нет ничего нового. Конечно, Дарвин много путешествовал, многое описывал из того, что видел во время путешествия, затем резюмировал то, что он видел, и доводил это до идеи. Но если вы охватите эволюционную идею как идею до мельчайших подробностей, вы обнаружите, что она существовала уже в древней Греции у Анаксагора. Таким образом, самые важные идеи, которые естествознание имеет сегодня, вы найдёте у Аристотеля, то есть, уже в дохристианские времена. И эти идеи - сокровищница пра-мудрости, они из люциферического источника. Только то, чем является эта пра-мудрость, постепенно должно иссякнуть, и должны быть обретены новые, в форме постижения духовного мира. Для этого со стороны людей требуется определенная готовность принимать те вещи, которые работают непосредственно в направлении действительно новых идей. И новые идеи нужны современному человечеству, именно в отношении душевного. То, что из этого душевного сегодня научно донесено до человека, по сути, ведь, только слова. Когда в обычных школьных аудиториях учёным образом говорят о воле, о мыслях, о чувствах, то имеют дело, собственно, только со словами, которые люди перемешивают как в калейдоскопе. Но, по сути, это выжатые слова, звучание слов. Люди не стремятся с серьёзностью принимать то, что сегодня работает над чем-то новым.

В этом отношении делаются, ведь, действительно странные опыты. Например, некоторое время назад в Дрездене меня пригласили выступить в Обществе Шопенгауэра. Общество Шопенгауэра, - я подумал, что тут надо дать что-то особенное. И поэтому я попытался показать, как психологически, душевно можно понять противоположность между сном и бодрствованием, пробуждением и засыпанием. Я обратил внимание на то, что я упоминал на днях также и вам, что нулевая точка — это, прежде всего, только точка пробуждения и засыпания, и что сон - это не просто прекращение бодрствования, а он относится к бодрствованию так, как долг к имуществу.

Если бы вы искали нечто подобное в современной психологии, вы не нашли бы даже намёков для того, чтобы понять эти далеко ведущие вещи. Затем была дискуссия, в которой приняли участие некоторые учёные люди, то есть, философы. Один из них, среди всего прочего, привёл красивую серию суждений, которую я мог бы охарактеризовать следующим образом. Он сказал: То, что мы тут слышали, всё это, ведь, ничто из того, что действительно хотелось бы достичь с помощью серьёзной науки. Серьёзная наука должна заниматься совершенно другими вещами. Это не имеет ничего общего с тем, что мы хотим знать, потому что, если взглянуть на эту вещь при свете, то это ни в коем случае не новая истина, а нечто

давно известное. - Таким образом: то, что мы не хотим знать, и что совсем не является содержанием нашей науки, это, якобы, является хорошо известным!

Ну, есть в мире противоречия, но противоречия такого рода есть только в головах современных учёных. Если один говорит: Эти вещи невозможно знать, поскольку они не являются предметом человеческого знания, - хорошо. Но когда в то же время другой говорит, что эти вещи давно известны, то это очевидное противоречие! Наличие такого сочетания двух суждений очень распространено среди современных учёных голов.

Но то, о чём идёт речь в наше время, также зависит от этого мышления. Поскольку путь между тем, что человек, который, ведь, благодаря божественным силам и благодаря, - извиняюсь, - Люциферу и Ариману, всё ещё не совсем глуп, и представлением этих вещей перед миром, очень и очень далёк. Отдельный человек видит некоторые из этих вещей и иногда формирует суждение, которое вовсе не является нездоровым; но от этого момента до того, когда эта вещь надлежащим образом рассматривается перед миром путь долог, очень и очень долог. И для многих дело обстоит всё же так, что, с одной стороны, им нравится погружаться в духовную науку, когда тут образуется общество, скорее сектантского типа, в которое они могут погрузиться. Но когда они снова предстают перед миром и должны представить в мире что-то из того, для чего мир даёт свои документы, свои свидетельства, тогда эта вещь снова испаряется; тогда они снова бравые бюргеры бравой страны филистеров. Но это решающим образом способствует шагам Аримана.